

Ф О Н Д И М Е Н И Г Е Н Р И Х А Б Ё Л Л Я

Гендер для «чайников»-2

Москва
«Звенья»
2009

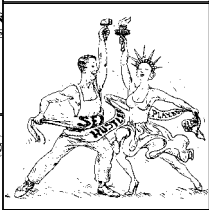
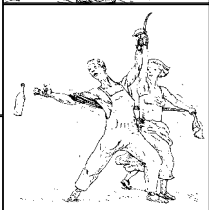
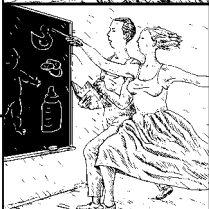
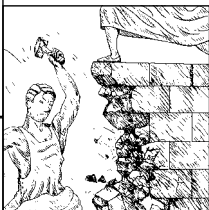
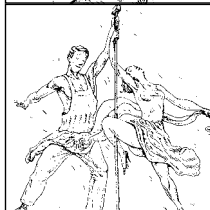
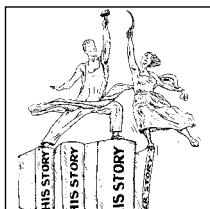
ББК 60.54:71.4
Г34

Научный редактор Ирина Тартаковская
Иллюстрации Адгура Дзидзария

ISBN 978–5–7870–0110–5

© Фонд имени Генриха Бёлля, состав, 2009
© Коллектив авторов, 2009
© А.Г.Дзидзария, рисунки, 2009
© А.А.Кулаков, оформление, 2009

АВТОРЫ:

Белянин Алексей Владимирович

доцент, координатор научных программ МИЭФ
Государственного университета «Высшая школа экономики»,
PhD

Жидкова Елена Михайловна

заместитель директора по научной работе муниципального музея
«Самара космическая»

Здравомыслова Елена Андреевна

профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге,
кандидат социологических наук

Исупова Ольга Генриховна

старший научный сотрудник Института демографии
при Высшей школе экономики, PhD

Козлов Алексей Юрьевич

директор фонда «За экологическую и социальную
справедливость», доцент, кандидат философских наук

Кон Игорь Семенович

главный научный сотрудник Института этнологии
и антропологии РАН, академик Российской академии
образования, доктор философских наук,
почетный профессор Корнельского университета,
доктор honoris causa университета Суррей

Митрохин Николай Александрович

научный сотрудник Института по изучению Восточной Европы
при Бременском университете, директор общественной
организации «Институт изучения религии в странах СНГ
и Балтии» (Москва), кандидат исторических наук

Попкова Людмила Николаевна

доцент кафедры зарубежной истории Самарского
государственного университета, директор Самарского центра
гендерных исследований, кандидат исторических наук

Пушкарева Наталья Львовна

заведующая отделом гендерных исследований Института
этнологии и антропологии РАН,
главный редактор ежегодника «Социальная история»,
доктор исторических наук, профессор

Саморукова Ирина Владимировна

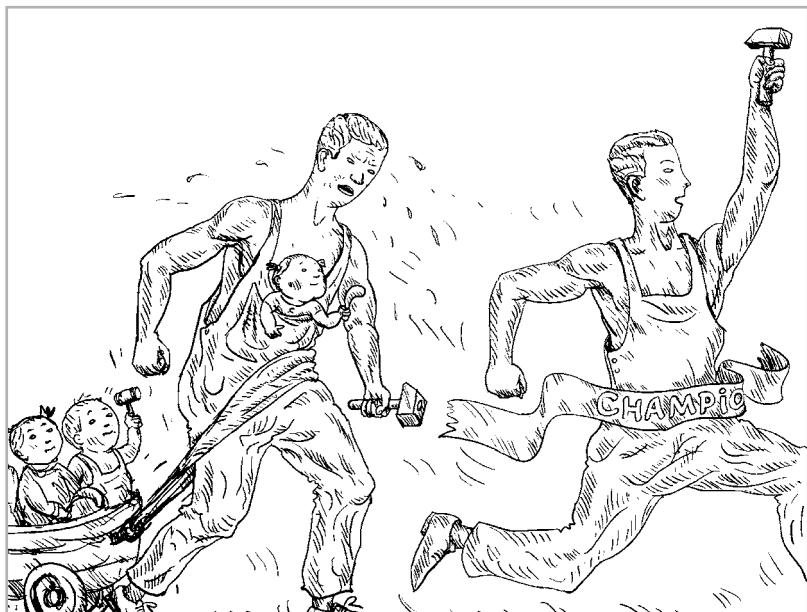
профессор кафедры русской литературы Самарского
государственного университета, доктор филологических наук

Тартаковская Ирина Наумовна

старший научный сотрудник Института социологии РАН,
кандидат социологических наук

Темкина Анна Андриановна

профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге,
PhD

ВВЕДЕНИЕ

Зачем нужен второй «Гендер для чайников»?

Эта книга — одновременно и продолжение уже вышедшего издания «Все ли вы знаете о гендере?», и самостоятельный проект. Продолжение — потому что перед «Гендером для чайников-2» был, разумеется, просто «Гендер для чайников», который не имел номера 1, так как мы не знали еще, что нам захочется написать вторую книгу. Самостоятельный проект — потому что, для того чтобы прочесть «Гендер для чайников-2», совершенно необязательно искать и предварительно читать первый том. Эти книги ни в чем не повторяют друг друга и вполне способны жить независимой друг от друга жизнью...

Идея первой книги родилась несколько лет назад в группе ученых, занимающихся исследованиями в области гендерной социологии, но подсказана она была талантливым менеджером социальных проектов Людмилой Кабановой. Как человек, тесно связанный с решением практических задач, она знала, что если научная литература по гендерным исследованиям еще издается, то вот книг для «чайников» (в самом лучшем смысле слова), то есть людей, которые интересуются гендерными отношениями, но не являются социологами, практически нет. Их место занимают бесконечные издания разного рода якобы психологической литературы, снабжающие читателей (а еще чаще — читательниц) ценной «научной» информацией о том, что мужчины и женщины,

по сути, жители разных планет, что единственный способ построить желаемые для тебя отношения с партнером — это манипуляция, что мужчины — «рабы гормонов» и за свое поведение отвечать не могут в принципе, и т.д. и т.п. (Подробный обзор этой литературы мы делали в нашей первой книге.)

Трудно назвать область человеческих отношений, которая была бы окутана такой массой мифов и предрассудков, как отношения мужчины и женщины. Между тем мало кому не хотелось бы узнать об этом больше: ведь гендерными отношениями пропитана вся наша жизнь не только в семье, но и на работе, в дружеских компаниях — в общем, везде, на всех социальных площадках, где люди взаимодействуют друг с другом.

Здесь, наверное, нужно все-таки сказать несколько слов о том, что такое «гендер». Хотя это слово становится все более и более распространенным уже не только в научных кругах, но и в средствах массовой информации, думается, что не все люди точно знают его смысл. Для тех, кто с этим термином раньше не сталкивался и не читал нашу первую книгу, дадим некоторые объяснения.

Итак, откуда появилось в русском языке это слово и что оно означает? Термин «*гендер*» представляет собой транслитерацию английского слова, обозначающего грамматический род, мужской или женский. Впервые во внелингвистическом контексте этот термин был использован психологом Робертом Столлером, который в 1968 году издал работу под названием «Пол и гендер» («Sex and Gender»). Смысл такого разделения терминов заключался в том, чтобы отделить социальные значения «мужественности» и «женственности» от биологических половых различий. Мы ведь имеем не только биологически различные тела и репродуктивные функции, — нас по-разному воспитывают, мы по-разному одеваемся и ведем себя. Более того, мы часто претендуем на разные рабочие места и типы карьеры (во всяком случае, наши работодатели нередко точно знают, хотят ли они видеть на каждом данном рабочем месте мужчину или женщину, хотя речь может идти далеко не только о перетаскивании тяжелых ящиков или вскармливании маленьких детей). Все эти различия в нашем социальном поведении, если вдуматься, не так уж сильно связаны с биологией. Таким образом, сама идея этого термина заключается в отрицании полной биологической предопределенности отношений между полами: есть биологический пол, связанный со строе-

нием тела, мужского или женского, и есть гендер, то есть «социальный пол». Таким образом, изначально гендер понимался как культурные и социальные смыслы женственности и мужественности, в то время как пол относился к биологически данным различиям между мужчинами и женщинами.

В современных теориях, однако, такое деление на пол и гендер все более ставится под вопрос, но происходит это не потому, что недооценивается социальный пол, а потому, что во многом переосмыляется биологический. Целый ряд аргументов был приведен в пользу того, что и биологическое определение пола, и само человеческое тело воспринимаются нами не только из повседневного опыта, но и через систему определенных социальных представлений, предложенных нам кем-то знаний, то есть через взаимодействие с культурой. В современной биологии принято рассматривать половые различия не как два отдельных мира, жестко разделенных между собой, но, скорее, как некий континуум, на котором располагаются женские и мужские половые признаки. Разные неопределенности и промежуточные случаи на этом континууме встречаются не так уж редко (во всяком случае, достаточно для того, чтобы вызвать серьезную озабоченность Международного олимпийского комитета, который с недавнего времени стал требовать, чтобы женщины-спортсменки проходили тест на отсутствие мужской хромосомы, хотя и этот тест не всегда помогает). Пол и гендер все более видятся как взаимодействующие, а не противопоставляемые категории. Ведь жесткое разделение свойств окружающего нас мира на природные и культурные, биологические и социальные, врожденные и приобретенные — это не сущность мироздания, а всего лишь особенность нашего мышления, иногда сильно ограничивающая наше понимание сути вещей.

Нужен ли в таком случае термин? Не проще ли обойтись единым понятием «пол»? Что ж, некоторые авторы придерживаются этой точки зрения, стараясь избегать новоизобретенного иностранного слова. Но мы не разделяем их позицию, хотя бы потому, что это слово уже вошло в русский язык. Так, в практике работы такого важного государственного института, как Госкомстат, существует рубрика «гендерная статистика», научные учреждения, занимающиеся исследованиями в области отношений между полами, называются центрами гендерных исследований, да и в научно-популярной литературе термин «гендер» встречается все чаще и чаще.

Термин «гендер» имеет еще один важный смысловой оттенок, который не входит в понятие «пол»: он — продукт научной теории, занимающейся осмыслением гендерного неравенства, следовательно, само его употребление предполагает, что мы признаем наличие этого неравенства и отношений власти между полами. Дело в том, что мужчины и женщины — не только разные, но и неравные люди, и это неравенство, касающееся их возможностей, личных судеб и даже того, как о них говорят и думают, буквально пронизывает все сферы жизни.

Таким образом, гендер — нечто большее, чем только свойство индивида, это прежде всего часть социальных отношений, один из важных элементов общественного устройства.

Об этом мы и написали нашу предыдущую книгу — про-сто «Гендер для чайников», без номера. Там говорилось о тех вещах, которые показали нам наиболее важными для знакомства с этой темой, — о соотношении биологического и социального, о стереотипах, о социальных правилах, которым подчиняются отношения мужчин и женщин дома и на работе, о специфических проблемах, которые вызывает гендерное неравенство не только у женщин, но и у мужчин (и нередко мужчинам приходится платить за это неравенство даже бóльшую цену), о том, как возник феминизм и надо ли его бояться, и о многом другом. Наша книга вышла в 2006 году и, как и положено книге, зажила своей жизнью...

С тех пор мы получили очень много откликов, самых разных. Кто-то благодарил за выпуск этой книги, у кого-то она вызвала раздражение, но чаще всего это были вопросы. Оказалось, что о многих вещах, важных и интересных для наших читателей, мы не написали. Особенно это стало заметно, когда наша книга легла в основу дистанционного образовательного курса, подготовленного Агентством социальной информации. Во время онлайн-дискуссии, которую мне пришлось вести по окончании этого курса, стало особенно ясно, что книга востребована и нужна — и специалистам, и студентам, и просто заинтересованным читателям. И одновременно мы поняли, что, во-первых, она, естественно, несовершенна, во-вторых, одной этой книги мало. Тем более что за прошедшие годы были проведены новые исследования, были приняты новые законы, затрагивающие и мужчин, и женщин, вышла куча новых книг и фильмов — все об этом... И тогда мы решили: работу надо продолжать.

Нельзя не сказать о том, что были люди, у которых книга вызвала протест, и самое интересное, что не все они ее прочитали. Вспоминается в этой связи характерная дискуссия, состоявшаяся в Центральном доме ученых с участием нескольких авторов предыдущей книги (заметка об этой дискуссии опубликована на сайте [polit.ru](http://www.polit.ru/science/2008/04/09/gender.html) — <http://www.polit.ru/science/2008/04/09/gender.html>). Некоторые участники обсуждения с подозрением отнеслись к самому факту выхода книги, резонно предположив, что с термином «гендер» связаны представление о половом неравенстве и несправедливости, а также критическая оценка сегодняшнего положения дел с правами и возможностями женщин в России. И действительно, в самой постановке темы нередко видится угроза «устоям», традициям, а при известной доле воображения — даже политической стабильности. Так, один из выступающих, представившийся советником комитета Государственной думы по безопасности, все допытывался, написано ли в этой книге о том, какой должна быть идеальная модель семьи, и, выяснив, что нет, искренне удивился: «А зачем тогда писать такие книги?!» Так и не удалось убедить его, что идеальной модели семьи, подходящей для всех россиян, существовать не может в принципе, как бы этого ни хотелось политикам. А то ведь как было бы удобно: пригласил ученых, они нарисовали модель, и всем мужчинам и женщинам стало ясно, как им надо жить, сколько рожать детей и на что еще они могут претендовать в жизни! Осталось бы потом только внести ее в качестве законодательной инициативы и внедрять в субъектах Федерации...

Говорилось и о том, что наша книжка отражает исключительно женскую точку зрения, так как среди ее авторов нет мужчин (это, кстати, не совсем так: предыдущую книгу, как и эту, иллюстрировал художник Адгур Дзидзария). Мы об этом, честно говоря, не очень задумывались, когда писали, — в социальных науках вообще работает гораздо больше женщин, чем мужчин, и это само по себе характерная гендерная особенность научного мира. Но замечание принято: в работе над второй книгой принял участие уже «гендерно-смешанный» коллектив!

Напряжение, которое возникает всегда, когда гендерные вопросы становятся предметом общественной дискуссии, конечно, далеко не случайно. Сколько ни говори о верности или измене традициям, биологическому предназначению или даже божественной воле (как будто у кого-то в распоряжении есть документы, где все эти прекрасные вещи

четко и недвусмысленно зафиксированы), на самом деле разговор о гендере — это всегда разговор о власти. И не только о власти мужчин над женщинами: гендерные иерархии ведь существуют и между мужчинами. И вопрос о гендерной асимметрии связан не только с тем, что женщинам труднее сделать карьеру или больше приходится мыть посуду: она лежит в базе таких разных социальных проблем, как, например, проституция, дедовщина в армии, домашнее насилие и психологическая депривация. Проявления гендерного неравенства многолики и не всегда заметны даже самим жертвам травмирующих ситуаций — но счастливее они от этого не становятся.

Вообще, вопрос о гендерном балансе власти не такой простой и линейный. Доминирование мужчин не простирается равномерным слоем по всем сферам жизни: где-то оно очевидно, где-то оспаривается, где-то постепенно вытесняется. Свои, характерные именно для них, властные ресурсы и властные стратегии имеются и у женщин. Этой теме посвящена статья, написанная Еленой Здравомысловой и Анной Темкиной. Ведь и из памятников мировой культуры, и из народных пословиц, и из повседневных разговоров можно столько узнать о женском коварстве и двуличии или, если посмотреть под более благожелательным углом зрения, о женской хитрости и дипломатичности, о той самой «шее», которая вертит «главой семьи» и умеет соблюсти свои интересы, никогда не выходя на передний план. Если говорить современным и научным языком, то все эти ловкие маневры можно обозначить словом «манипуляция». Женщины умеют манипулировать мужчинами, «дергать их за ниточки», как марионеток... Почему так получается? Авторы статьи отвечают на этот вопрос, объясняя, что манипуляция — это типичное проявление «власти слабых». Ведь хотя женщинам в России — как и в подавляющем большинстве стран мира — Конституцией гарантировано полное равенство прав и возможностей с мужчинами, на деле наша страна — как и почти все другие (кроме, может быть, Скандинавских государств) — остается страной патриархата. Это значит, что большинство ресурсов, выражающихся в материальном богатстве, политическом влиянии, доступе к лучшим рабочим местам и наиболее престижным социальным позициям, находятся преимущественно в распоряжении мужчин, и исключений здесь очень мало.

Означает ли это, что женщины при патриархате полностью вытеснены со всех позиций и обездолены? Конечно, нет. Но им приходится идти на определенную «договоренность» с мужчинами, которую А. Темкина и Е. Здравомыслова вслед за социологом Дениз Кандиотти называют «патриархальной сделкой». Такая сделка предполагает, что мужчины и женщины следуют сложившемуся в обществе распределению на «доминирующие» и «подчиненные» социальные роли и получают выгоды, используя имеющиеся у них ресурсы. Но для более слабой части общества плата за гарантии защиты и безопасности предполагает непропорциональное ограничение возможностей, безусловное следование предписанным ролям и обслуживание сильных. В этой ситуации манипуляция для находящихся в положении подчиненности оказывается единственным способом защищать свои интересы. Ничего хорошего в отношении между людьми эта стратегия не приносит: одна часть вечно чувствует себя зависимой, а другая — обманутой...

Откуда же взялся патриархат? Наиболее распространенный ответ на этот вопрос, который можно услышать от более или менее начитанного собеседника, звучит так: «Как откуда? Да ведь он пришел на смену матриархату еще в древнеисторические времена, в ходе общественного развития». Так доходит до нас «привет» из середины XIX века — от Энгельса, именно так представлявшего ход истории (хотя к патриархату он относился резко отрицательно, считая его первым проявлением неравноправия и угнетения). Однако на самом деле матриархат «изобрел» швейцарский литературовед Якоб Бахофен, пользовавшийся, правда, для его описания другим термином. Миф о матриархате, как и другие исторические мифы о природе гендерных отношений, подробно анализирует в нашей книге историк Наталья Пушкарева. Она показывает, насколько далеки расхожие представления о месте мужчины и женщины в истории от реальных археологических и документальных свидетельств. Привычный образ мужчины, охотящегося на мамонта, чтобы прокормить семейство, мало схож с доисторической реальностью: ведь мамонты вымерли задолго до начала формирования человеческого общества!

Вообще, история, какой мы привыкли ее представлять, во многом история мужчин, написанная ими исходя из их социального опыта и отражающая их оценки произошедших событий. Нельзя, например, сказать, что у женщин был Ренессанс: им эта эпоха, во всяком слу-

чае, не принесла никакой славы. Да и афинская цивилизация, о которой говорят обычно не иначе как с эпитетом «демократическая», предполагала содержание женщин в гинекеях (женских половинах домов) и полное отстранение от участия в политике... Таким образом, «вторую половину истории», а именно историю женского рода, во многом еще предстоит написать. И может быть, тогда станут более понятными те исторические уроки, которые до сих пор остались невыученными, заставляя политиков разных стран регулярно наступать на одни и те же грабли...

В «Гендере для чайников-2» достаточно большое внимание уделяется также вопросам демографии. Так случилось, что в современной России тема гендерных отношений оказалась вдруг очень политизированной, причем именно с демографической точки зрения. Любая публичная постановка вопроса о преодолении гендерной дискриминации и о правах женщин неизбежно рассматривается с учетом того, способствует ли все это повышению рождаемости. Причем очень многие политики, идеологи, деятели культуры, не говоря уже о представителях религиозных организаций, однозначно считают, что как раз не способствует: как только женщины получают достаточно прав и возможностей, они перестают рожать детей в достаточном количестве (достаточном, конечно, не с их точки зрения, а в контексте геополитических интересов), и нация, таким образом, вымирает... Это одна из самых главных «моральных паник» сегодняшнего дня, излюбленная тема консервативной политической риторики.

В этой ситуации особенно важно понять, что же на самом деле происходит с движением населения в России и что привело к таким печальным показателям (действительно, с начала XX века рождаемость в России упала в 5,4 раза). Алексей Белянин и Ольга Исупова рассматривают проблему низкой рождаемости не только в демографическом, но и в историческом, и социологическом плане. И это позволяет увидеть много любопытных фактов: мало кто знает, например, что, несмотря на гораздо более низкий уровень развития медицины, в первой четверти XX века около 18% всех рождений приходилось на долю матерей в возрасте от 40 до 50 лет. Таким образом, в начале прошлого века практически каждая женщина этого возраста в среднем рожала по одному ребенку (то есть если кто-то после 40 не рожал вообще, то какая-то другая женщина рожала

ла двоих и более). В наши дни этот показатель упал до 1 ребенка на 100 женщин! В главе приводятся также интересные сравнительные данные: по уровню рождаемости Россия, оказывается, на 177-м месте в мире, то есть, увы, ближе к концу списка. Впрочем, в начале этого списка находятся почти исключительно страны третьего мира, начиная с Нигера...

Другой очень важный момент в этой главе связан с анализом причин депопуляции. На основании статистических данных авторы показывают, что по уровню рождаемости Россия все же несущественно отличается от других европейских стран: снижение числа детей в семье характерно для всех развитых индустриальных обществ. Более того, многие демографы считают, что снижение рождаемости рано или поздно наступит и в тех странах, где сейчас рожают помногу. Таким образом, нравится это нам или нет, мы находимся в рамках общей тенденции. Но вот что серьезно отличает Россию от других стран, так это уровень смертности. По средней продолжительности жизни наша страна очень сильно отстает от десятки наиболее развитых стран мира (США, Бельгия, Канада, Норвегия и др.) — на 15—19 лет для мужчин и на 7—12 лет для женщин. И пока средняя продолжительность жизни россиян составляет всего 66,7 лет, а средний мужчина и вовсе не доживает до пенсионного возраста, депопуляция не может быть остановлена даже путем повышения рождаемости. Тем более ничто не предвещает резкого увеличения рождаемости! И хотя меры, направленные на поддержку материнства (в частности, закон о «материнском капитале»), дают свои результаты, пока можно говорить не о демографическом росте, а всего лишь о замедлении темпов спада. «Нормальной» для нынешней России по-прежнему остается семья, имеющая двоих детей, и вряд ли в скором времени что-то изменится: у большинства современных россиян просто нет мотивов заводить большие семьи. А. Белянин и О. Исупова достаточно подробно анализируют, почему это происходит...

Тему продолжают и развивают Ольга Исупова и Игорь Кон в статье, исследующей уже непосредственно материнство и отцовство. Начинается она с исторического обзора О.Исуповой изменения представлений о «правильном» материнстве и его роли в жизни женщины. Принято считать, что материнство всегда было и остается главным предназначением женщины, смыслом ее жизни. Особенно напирать на это консерваторы, считающие, что в гендерном плане стоит задача вер-

нуться к нашим древним «корням», и тогда-то уж точно все станет на свои места и женщины обретут свою «утерянную сущность». На самом деле идеология всеобъемлющего и ответственного материнства, когда главным делом жизни женщины является забота о детях, сложилась только в XVI—XVIII веках. В феодальной же Европе, например, от женщины ожидалось прежде всего верность и послушание мужчине — в том числе и в ущерб детям, даже если это приводило к их смерти. К тому же женщины в аграрных обществах просто вынуждены были очень много работать и физически не могли как следует сосредоточиться на детях. И только к середине XIX века идеология материнства сформировалась, наконец, в таком виде, в каком мы ее знаем... но еще через сто лет многим женщинам она стала казаться сильно «перегруженной». Начиная с середины XX века женщины постепенно открывают для себя и другие стороны жизни и понимают необходимость находить какой-то баланс между материнством и работой, материнством и отношениями с супругом, наконец, материнством и досугом, жизненными удовольствиями. Безусловно, это повлияло на падение рождаемости. Но еще больше здесь сказалась индивидуализация стилей жизни: женщины стали стремиться рожать детей не потому, что так «положено», и не столько, сколько «положено», а лишь по мере того, как они чувствовали в этом потребность. В статье рассматриваются мотивы, влияющие на решение женщины завести или не заводить ребенка, анализируются современные смыслы материнства.

Часть статьи, посвященная отцовству, написана, пожалуй, самым известным в России специалистом по гендерным исследованиям, Игорем Коном. И снова мы увидели, что ничего извечного и неизблемого в этом понятии нет: представления об отцовстве, обязанности отцов, их реальное поведение очень сильно менялись на протяжении времени, даже совсем еще недавнего. Автор подробно останавливается на проблемах, стоящих перед современными отцами в Европе и в России, — от сохранения своих прав на общение с детьми при разводе до проблемы, как не утратить авторитет в условиях экономической нестабильности. Надо сказать, что роль отцов в воспитании детей очень долго недооценивалась, причем страдали от этого и дети, и сами отцы, чьи функции фактически сводились к материальной поддержке семейства и к роли некой символической фигуры, которой надо оказывать знаки уважения. Сейчас многие отцы всячески стремятся преодолеть эту эмоциональную депри-

вазию, стараясь быть гораздо ближе к своим детям. Но это плохо коррелируется с социально-экономическими реалиями: ведь задач зарабатывания денег с них никто не снимал, более того, представления о том, какие затраты нужны для того, чтобы достойно вырастить своего ребенка и дать ему образование, неуклонно возрастают. И это как раз тот случай, когда гендерное неравенство довольно сильно бьет и по мужчинам...

Тема семьи, конечно, не сводится исключительно к теме материнства и отцовства, — все большее значение в современных семьях приобретают отношения между супругами. Этой проблематике посвящена статья, написанная Еленой Жидковой при участии Елены Здравомысловой. Тут мы можем узнать, какие изменения происходят с этой важнейшей «ячейкой общества» в начале нового тысячелетия, какие перед ней стоят вызовы, как она на них реагирует. Авторы показывают, что, несмотря на высокое число разводов, семья и брак по-прежнему очень важны для большинства людей; и мужчины, и женщины стремятся жить не поодиночке, а в семьях. Другое дело, что семьи стали очень разнообразны и по своему составу, и по укладу. Если традиционная семья была сравнима с организацией, в которой изначально заданы позиции, ясна субординация, распределены полномочия, то сейчас все семьи не только несчастливы, но и счастливы по-разному. Общие закономерности, верные для всех типов семей, проследить довольно трудно, но в целом исследования позволяют осторожно говорить о том, что на смену детоцентристской модели семьи, когда главной целью и смыслом семейной жизни было именно рождение и воспитание детей, приходит модель супружеская, при которой главнейшими становятся именно отношения между супругами. Поэтому такую роль приобретают эмоциональная и сексуальная стороны семейной жизни, растут требования супругов друг к другу. Современные гендерные реалии чаще всего предполагают, что и муж, и жена работают, при этом живут отдельно от родителей — бабушек и дедушек своих детей. Это относительно новая ситуация для России, поскольку в советское время супруги часто проживали вместе со старшим поколением, осуществлявшим уход за детьми, пока мама работала. Теперь для тех, кто может себе это позволить, новым «членом семьи» нередко становится няня. Это тоже новый и недостаточно исследованный феномен — передача части традиционных обязанностей жены и хозяйки дома в руки специальных наемных работников. Затрагиваются

в статье и «теневые» стороны жизни семьи, в частности домашнее насилие, уровень которого в России, к сожалению, все еще очень высок. Ежегодно жертвами домашнего насилия становятся тысячи женщин (а также дети и пожилые люди обоих полов).

Сексуальности, которая давно уже, как к этому ни относиться, перестала быть частью только семейных отношений, посвящена статья, написанная Игорем Коном при участии Анны Темкиной. Это тоже очень «горячая» тема, вызывающая в современном российском обществе бурю эмоций. Отделение сексуального поведения от репродуктивного, связанного с рождением детей, произошедшее в массовом порядке в 60-е годы прошлого века, создало совершенно новую гендерную ситуацию, определенную в свое время термином «сексуальная революция». Игорь Кон описывает наиболее характерные тенденции изменения «постреволюционного» сексуального поведения мужчин и женщин. Эффекты его неоднозначны. С одной стороны, люди стали свободнее, и это позволило им жить в большей гармонии с самими собой и своими телами. Особенно это касается женщин, которым приличия вообще долго не позволяли проявлять свою сексуальность даже в семье. С другой стороны, выросли, конечно, и риски — как медицинского характера (прежде всего СПИД), так и психологического. Установка на то, что сексуальные отношения могут быть временными и будут длиться только до того момента, пока партнеры интересуют друг друга в сексуальном плане, создает ситуацию ненадежности и неопределенности.

Очень остро стоит проблема сексуального просвещения молодежи. Последние политические тенденции в этом отношении сводятся к тому, что такого просвещения вообще не должно быть, поскольку оно развращает, а молодежи надлежит вернуться к традиционным ценностям и добрачному воздержанию от секса. В прошлом году, например, в метро появились многочисленные постеры, убеждающие молодых людей в том, что «безопасного секса не бывает», презервативы ни от каких заболеваний не предохраняют и единственный способ сохранить здоровье — сохранять супружескую верность. Очевидно, предполагалось, что таким образом наконец будет остановлена эпидемия СПИДа, развивающаяся, кстати, в России пугающими темпами (о чем как-то не принято говорить), а заодно и возрастет рождаемость, поскольку сексом молодые люди будут заниматься только в крепких, здоровых семьях.

Насколько далеки эти прекраснородушные пожелания от реальности, понимает любой человек, имеющий хоть какое-то представление о реалиях современной молодежной жизни. Выпущенного джина невозможно загнать обратно в бутылку, и молодые люди, устрешенные плакатами об опасном сексе, вряд ли перестанут им заниматься, но пользоваться презервативами, возможно, действительно станут реже. Со всеми мыслимыми последствиями...

Впрочем, исследование Анны Темкиной, посвященное сексуальным практикам современного поколения, говорит о том, что, по крайней мере, у городского образованного слоя населения прослеживается довольно рациональное, осознанное отношение к сексуальной жизни. Особенно это характерно для молодых женщин, которые стремятся к контролю над своей жизнью, в том числе сексуальной. Забота о своем здоровье, в том числе и репродуктивном, сочетается у них с высокой мотивацией на достижения сексуального удовлетворения, и они предъявляют партнерам соответствующие требования. Молодые мужчины, так же как и женщины, стремятся учесть индивидуальные и взаимные потребности в сексуальных отношениях, заботятся о безопасном сексе и предохранении от беременности, планируют семью и воспитание детей и пр. Это позволяет исследовательнице сделать вывод, что в России сейчас происходит гендерный этап сексуальной революции, подразумевающий высокую степень равноправия и ответственности обоих партнеров.

Помимо семейных и личных аспектов гендерные отношения, однако, имеют и политический аспект. Влияние политических процессов на гендерное равенство анализируется в статье «Миссия — невыполнима?», написанной Людмилой Попковой при участии Алексея Козлова. Наверное, не все россияне понимают, что борьба с гендерной дискриминацией не частная инициатива неуравновешенных феминисток, а область общественных отношений, регулируемых международным законодательством, ратифицированным также и Россией. Так, в частности, отказывать в приеме на работу, ссылаясь на «неподходящий возраст и пол», преступление, поскольку в Российской Федерации все виды дискриминации, в том числе по признаку пола, уголовно наказуемы и подпадают под статью 136 УК. Насколько серьезна эта проблема? По данным Федеральной службы занятости, в 2007 году при приеме на работу каждый второй человек сталкивался с прямой дискриминацией, чаще

всего по признаку возраста и пола. Женщины же часто оказываются в уязвимой трудовой ситуации сразу по двум позициям: то она слишком молода и может забеременеть и стать матерью маленького ребенка, то уже лет в 45 лет оказывается в «предпенсионном возрасте» и по мнению кадровых служб не в состоянии осваивать новшества, полностью отдавать себя делу.

Хотя права женщин на равный труд и равную его оплату гарантированы Конституцией России, реального юридического механизма, с помощью которого женщины могли бы защищать свои права, практически не существует. Гораздо больше внимания уделяется сейчас тому, чтобы женщины исправно выполняли свою репродуктивную функцию и решали таким образом государственную демографическую проблему. Большинство образованных российских женщин хотят иметь детей, и в этом смысле их интересы совпадают с государственными, но они нуждаются и в профессиональной самореализации, да и просто в заработке (в том числе и для того, чтобы в нормальных условиях растить этих детей — редко на это хватает только зарплаты мужа). Из нашего исследования можно узнать и о том, как решается эта дилемма «мать/профессионал» в разных странах Европы.

Говоря о российской политике, нельзя не заметить того печального обстоятельства, что в спектре политических течений все заметнее становятся националисты, в том числе радикальные. Они тоже проявляют живейший интерес к гендерной проблематике. Алексей Козлов выделяет разные группы националистических организаций, в зависимости от их видения «правильных» форм гендерных отношений. Любопытно при этом, что для нацистов-скинхедов и связанных с ними организаций характерно своеобразное признание возможности женского равноправия. Это так называемый «арийский феминизм», связанный с тем, что женщины и девушки играют достаточно значимую роль в движении скинхедов национал-социалистов. Стоит отметить, что среди участников нападений на расовой и национальной почве, которые чаще всего практикуют наци-скины, около трети составляют женщины. Однако в целом для националистов такая позиция не характерна, поскольку идея мужского господства является одним из стержней радикальной националистической идеологии. В рамках этой идеологии выдвигается множество «ценных идей», вроде тех, что женщин (или, например, бездетных

супругов) надо лишить права голоса, что с межэтническими браками необходимо решительно бороться и что хорошо бы вообще по возможности вернуться к светлым идеалам «Домостроя».

О «Домострое» можно подробнее узнать из статьи Николая Митрохина, посвященной такой интересной теме, как гендерная идеология Русской православной церкви. Такая глава показалась нам необходимой потому, что РПЦ сейчас претендует на духовное руководство не только своими православными прихожанами, но и Россией в целом, стремится влиять, таким образом, на судьбы всех людей — и верующих, и неверующих, и исповедующих другие религии. К священнослужителям обращаются как к экспертам в вопросах биоэтики, репродуктивных прав, допустимых форм сексуального поведения. Иногда раздаются голоса, что некоторые религиозно-этические нормы должны обрести статус законов, обязательных для всех граждан (например, строгий запрет абортов, даже в случае изнасилования или угрозы жизни беременной женщины). Этого пока не произошло, но церковь пытается сделать общепринятой свою позицию по разным вопросам, в частности через введение обязательного для всех детей религиозного образования.

Рассматривая позиции церкви по разным аспектам гендерных отношений, важно иметь в виду, пишет Митрохин, что они далеко не однородны для всех ее членов: есть официальная концепция (достаточно сдержанная по тону и содержанию), есть мнения отдельных священнослужителей, порой гораздо более жесткие и радикальные, есть позиция церковного актива, зависящая от состава конкретного прихода. Естественно, все они выдержаны в консервативном духе, но степень этого консерватизма может существенно различаться — от осуждения только «абортивной» контрацепции до запрета для верующих всякой контрацепции вообще, от рекомендации надевать платок и юбку, когда идешь в церковь, до запрещения женщинам носить брюки вообще. Хотя Русская православная церковь резко отрицательно относится к тому, что священником может стать женщина, отдельные женщины — старицы, монахини, жены священников, церковные активистки — имеют свой ресурс влияния на церковную жизнь, правда, только на местном, приходском уровне. Интересный феномен, указывает Митрохин, представляет собой «православный гламур» — относительно новая идея, что православная мать семейства вполне может развиваться интеллектуально,

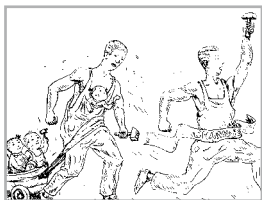
сохранять физическую красоту (в том числе с помощью шейпинга и салонов) и порой даже заниматься самостоятельным бизнесом. Таким образом, очевидно: православная церковь не остается неизменной и реагирует на сегодняшние «тренды». Думается, что во многом это происходит под давлением женщин, которых среди прихожан РПЦ значительное большинство, и далеко не все они готовы мириться с отведенной им ролью смиренных слушательниц. Недаром один из священников жаловался в газете «Омские епархиальные ведомости»: *«Я получаю целые пачки писем от злых женщин христианок, которые хотят поучать нас, священников, и даже угрожают: если не сделаешь так, как хочу, то я пойду жаловаться выше».*

Последняя статья нашего сборника, написанная филологом Ириной Саморуковой, посвящена гендерным репрезентациям, то есть тому, как мужчины, женщины и отношения между ними изображаются в литературе, кино, на телевидении, в рекламе и т.п. Казалось бы, это всего лишь медийные образы, фантазия авторов... Но на самом деле из этих фантазий в большой степени произрастает актуальная реальность, которая нас окружает. Они одновременно отражают эту реальность и формируют ее, делая те или иные представления о мужественности и женственности модными, привлекательными или, наоборот, смешными, а то и отталкивающими. «Считывать» гендерные смыслы из телесериалов, модных романов и даже программ новостей — довольно увлекательная игра. Ирина Саморукова показывает, что мир женской мелодрамы и мир брутальных боевиков практически не пересекаются: брутальные персонажи боевиков не появляются там, где обитают стремящиеся удержать мужа жены и мечтающие соединить жизнь со своими партнерами одинокие дамы. Но, конечно, все богатство репрезентаций отнюдь не сводится к этим полярным случаям. По экранам и страницам массовой литературы бродят хитроумные женщины-детективы (так уж сложилось со времен Агаты Кристи, что, может, много на что другое литературные героини и не способны, но уж преступления раскрывают замечательно), суровые мужчины — топ-менеджеры и просто гламурные красавцы и красавицы, чья сфера деятельности с трудом поддается идентификации. Зато гораздо более ясно проговаривается гендерный «месседж»: «гламурной стервозе соответствует успешный и ухоженный мужчина; папуля-лох сочетается с мамулей-клушей, чуваку в пирсинге сопутствует экстравагантная чув-

ха»... Но можно найти и более сложные, интересные и реалистичные образы: в хорошей литературе и кино встречаются не только герои, бойцы, менеджеры и их оболстительные подруги, а, например, незадачливые учителя, предприимчивые работники учреждений внешкольного досуга, короче говоря, «альтернативные» по отношению к сложившимся гендерным стереотипам персонажи.

Вот такие сюжеты предлагает к осмыслению «Гендер для чайников-2». Мы выбрали их потому, что именно они показались нам наиболее актуальными на исходе первого десятилетия 2000-х, когда гендерные отношения в России, с одной стороны, достаточно быстро меняются, становясь более гибкими, пластичными, рефлексивными, а с другой — подвергаются ощутимому идеологическому давлению. Государство хотело бы видеть в женщинах лояльных гражданок, выполняющих поставленные перед ними демографические задачи, церковь — целомудренных, но женственных прихожанок, медиа — гламурных потребительниц. Перед мужчинами тоже ставится масса задач, главным образом экономического и политического плана. Как сочетаются все эти влияния, насколько они значимы для судеб конкретных людей? К размышлениям на эту тему мы и приглашаем наших читателей.

Ирина Тартаковская

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА, АННА ТЕМКИНА

УШЕЛ ЛИ В ПРОШЛОЕ
ПАТРИАРХАТ?

**СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ
«СЛАБОГО ПОЛА»**

В

В разных обществах и социальных слоях представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной, о том, какие роли надлежит выполнять представителям разных полов, различаются довольно существенно. Но, несмотря на это, всегда и везде женщина — это та, кто рождает детей, а мужчина — тот, кто ее оплодотворяет. Однако в связи с развитием новых репродуктивных технологий эти основания гендерных различий могут быть поставлены под вопрос.

В прежние времена гендерные роли жестко зависели от пола и возраста. В аграрном обществе женщина-мать и супруга, как правило, занята в крестьянском хозяйстве, где различия между домом и хозяйством размыты. В индустриальном обществе, когда работа отделяется от дома, женщина вовлекается в сферу оплачиваемого труда. При этом замужние женщины-матери зачастую становятся домохозяйками, зависимыми от мужа.

Существует множество вариаций норм и практик мужественности и женственности, обусловленных культурой, религиозными установками, традициями. Образы гламурных женщин и мужчин-мачо, транслируемые современными российскими СМИ, существенно отличаются от образов рабочих и крестьян советского времени. Несмотря на эти вариации, мы исходим из того, что отношения полов всегда и везде предполагают определенную динамику власти и контроля.

С одной стороны, бытует мнение, что роли мужчин и женщин в обществе гармонично дополняют друг друга (по крайней мере, в идеале). Различия между ними связаны с естественными, то есть природными свойствами полов. Эти различия неизбежны, заданы природ-

ным доминированием самцов. В современном российском обществе не стихают дискуссии о женском предназначении и о настоящих мужчинах, о том, какие качества изначально присущи женщинам и мужчинам, на что те или другие могут и должны рассчитывать при «правильном» поведении или при его нарушении. Расхожий постулат «женщина должна всегда оставаться женщиной» (яркий образчик демагогического приема, называемого тавтологией, — «мужчина есть мужчина», «ребенок есть ребенок») позволяет понимать под женственностью что угодно и отражает широко распространенные представления о природном предназначении полов и природных основаниях неравенства. С другой стороны, считается, что во многих современных обществах достигнуто равенство мужчин и женщин, а, значит, вопрос о гендерной власти неуместен и архаичен. Так зачем же ломать копыта по поводу того, что и так определено, задано и отрегулировано природой?

Но мы — социологи, и своей профессией мы приучены ставить под сомнение даже убеждение в природных или «данных свыше» характеристиках полов. Любые отношения, в том числе и между полами, в первую очередь культурно и социально обусловлены (недаром они так сильно видоизменяются от общества к обществу, от слоя к слою), более того, они «выгодны» тем социальным группам, которые извлекают из существующего порядка распределения власти определенные преимущества. Именно защищая привилегии господствующих групп, СМИ тиражируют определенные образцы мужественности и женственности и критикуют феминистские взгляды, бросающие вызов навязанным стереотипам. И неважно, что не все могут быть молодыми, спортивными, здоровыми, в меру гламурными, проводить достаточное время в фитнес-салонах и у косметолога, важно, что рынок, СМИ, образование, политика (в том числе глобальная) диктуют нам — какими быть или казаться, чего желать и какими средствами этого достигать. Нам предстоит разобраться, как безличные механизмы власти организуют нормы мужественности, женственности и отношения полов. При этом необходимо понять, что такое власть, какие формы она принимает и как «работает», создавая гендерный порядок. Ведь власть — это не только удел сильных мира сего, которые применяют ее к слабым. Мы понимаем власть как способность действия, и ею наделены все люди как разумные существа, даже те, чьи возможности очень жестко ограничены. Иначе говоря, даже у безвласт-

ных есть определенная власть, только выглядит она иначе. Для понимания гендерного неравенства важны и механизмы противостояния власти, конкуренция за нее, стратегии приспособления к господству.

Для иллюстрации нашей мысли приведем несколько примеров из классической литературы. Обратимся сначала к комедии Шекспира «Укрощение строптивой», в которой, как показывает название пьесы, представлен хрестоматийный сюжет патриархата. Смирившаяся с ролью счастливой и покорной супруги, пережившая преобразование, строптивая Катарина сообщает подругам:

*И я была заносчивой, как вы,
Строптивую и разумом и сердцем.
Я отвечала резкостью на резкость,
На слово — словом, но теперь я вижу,
Что не копьём — соломинкой мы бьемся,
Мы только слабостью своей сильны.*

Женщины, утверждает Катарина, владеют особыми средствами достижения поставленных целей, важно только осознать их и правильно использовать. Женщина наверняка проиграет мужчине, если будет конкурировать с ним на равных — копьём, разумом, резким словом. Соломинка — символ слабости — оказывается наиболее эффективным орудием женщины. Катарина приходит к этому выводу, столкнувшись с мужской властью, которой она не смогла успешно сопротивляться. Не отказываясь от своих целей, но поняв, что достичь их невозможно в борьбе с заведомо более могущественным противником — супругом, она готова идти на уступки патриархату. Внешне не противореча супругу, соглашаясь с любыми его утверждениями, даже абсурдными и нелепыми (например, называя луну солнцем), потворствуя мужскому чувству превосходства, она добивается выгодного для себя положения в семье. Именно этому обучает Катарину брачное путешествие из строптивного девичества в супружеский патриархат.

Другой пример из классики, но уже более близкий нам. В повести Льва Толстого «Крейцера соната» Позднышев, убивший

жену из ревности, так рассуждает об особой власти женщин в дореволюционной России:

«Теперь же женщина лишена того права, которое имеет мужчина. И вот, чтоб возместить это право, она действует на чувственность мужчины, через чувственность покоряет его так, что он только формально выбирает, а в действительности выбирает она. А раз овладев этим средством, она уже злоупотребляет им и приобретает страшную власть над людьми».

Близкий автору герой повести высказывает глубокую мысль: вековое господство мужчин приводит к удивительному социально-культурному эффекту. Женщины, ограниченные в правах или в возможностях их реализации, развивают альтернативные стратегии. Они воздействуют не на рациональное начало, а на мир аффектов — на чувственность мужчины, где оборона разума слабеет. Если героиня Шекспира сталкивается с патриархатом в лице супруга-мачо, то в рассуждениях Позднышева речь идет об объективном и независимом от конкретных лиц общественном принуждении, заставляющем женщин становиться культурно другими. Однако результат один: женщина может злоупотребить своими возможностями и обрести «страшную» власть над мужчинами. Но это пока еще конец XIX века. Женщины в ту пору не имели политических прав (впрочем, и мужчины в России получили их только в 1905 году, значит, разрыв составляет лишь 12 лет, в отличие от 200-летней истории гендерного неравенства во многих западно-европейских странах). Не было равноправия в получении образования и в доступе к миру профессий, экономическая независимость женщин также была ограничена. Сейчас ситуация изменилась радикальным образом: равенство полов закреплено в юридических нормах. Кодексы предусматривают антидискриминационные меры. Однако в современном российском контексте до сих пор распространены представления об особой власти, позволяющей женщинам достичь желаемых целей, даже если они не могут на равных открыто конкурировать с мужчинами в сфере занятости и в политической борьбе. Эту власть часто называют «женской властью». В медийном пространстве воплощением «женской власти» стали «женщины-стервы», которым приписываются особые стратегии, далеко

не всегда одобряемые обществом. Многочисленные руководства по менеджменту призывают «стерву» (то есть женщину, ориентированную на достижения и успех) освоить искусство манипулирования мужчинами и окружающим миром, определяют цели и дают рецепты их достижения. Способы достижения цели — «игра без правил», «манипулирование», «обольщение» и пр. Признание особой женской власти свидетельствует о двойственности женского статуса. С одной стороны, женщина в современном российском обществе может действовать и достигать собственных целей на равных с мужчинами, с другой — она может пользоваться специфическими ресурсами женственности. Такая «женская власть» описывается как не вполне правильная, несерьезная, хотя и опасная.

Нам необходимо прояснить, живем ли мы в ситуации, когда патриархат разрушен окончательно и безоговорочно или он существует в различных формах, одна из которых сложилась в постсоветском обществе. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрим положение женщины в патриархатном обществе, затем перейдем к анализу советского и постсоветского общества, которое содержит элементы и гендерного равенства и неравенства.

ЧТО ТАКОЕ ПАТРИАРХАТ?

Под патриархатом в современной научной литературе принято понимать «гендерную власть», выражающуюся в том, что мужчины занимают в обществе доминирующее по отношению к женщинам положение. Патриархат — это характеристика структуры всего общества, а не отношений, например, в отдельных семьях и трудовых коллективах: неравенство полов воспроизводится независимо от личных предпочтений и намерений отдельных мужчин и женщин; оно поддерживается общественными нравами и условиями организации общественной и частной жизни. Патриархатный гендерный порядок приписывает мужчинам и женщинам жестко определенные роли, стандарты поведения, исполнения которых требует от них общество.

Патриархат достаточно многолик: он может существовать как в классическом варианте, так и в более скрытых формах. Классическая форма патриархата преобладает в традиционных обще-

ствах, где основой патриархальных отношений выступает большая семья, включающая представителей нескольких поколений. «Классический патриархат» представляет собой семейный уклад, предполагающий безусловный авторитет отца в семье, сильное влияние родителей на заключение браков, главенство мужа над женой и вторичный статус дочери по сравнению с сыном. В настоящее время такое устройство отношений между полами характерно для большинства мусульманских стран, Индии, сельских областей Китая, некоторых регионов Латинской Америки и пр. Патриархальное общество жестко контролирует сферу сексуальных отношений, предписывая женщине сохранение девственности до брака, ограничивая ее знания о сексе, связывая ее сексуальную жизнь преимущественно с воспроизводством рода, а не с получением удовольствия. Личная свобода выбора молодых мужчин при заключении брака также ограничивается. Статус женщин зависит от социальной позиции их мужей, отцов и братьев. В таком обществе женщины ограничиваются не только в выборе мужа и решении о деторождении, но и в свободе передвижения, общения. Они не должны оспаривать мнение старших и мужчин. Получать образование и работать вне дома женщина может, только получив согласие мужа и старших родственников. Будучи полностью зависимой от окружающих, в случае утраты кормильца женщина остается без средств к существованию, если ее не поддержит другой мужчина или старшие женщины клана. Однако, пока патриархат функционирует «нормально», он защищает и поддерживает тех, кто играет по его правилам, в том числе и самых зависимых своих членов. Итак, распределение власти при патриархате предполагает неравенство по полу и возрасту и жестко закрепленные половые роли.

* Чтобы описать гендерные отношения, связанные с доминированием мужчин над женщинами, мы употребляем два разных термина — «патриархальный» или «патриархатный» — в зависимости от того, о каком конкретно обществе мы говорим. Патриархальное общество — это общество традиционного типа, где преобладают большие многопоколенные семьи, в которых (как и в обществе в целом) не только женщины подчиняются мужчинам, но и младшие безоговорочно подчиняются старшим. «Патриархатными» мы называем более современные общества, где роль традиций невелика, преобладают так называемые супружеские семьи (вместе живут только супруги и их несовершеннолетние дети), влияние старших на младших проблематично, но тем не менее мужчины имеют разные преимущества и обладают над женщинами властью (в той или иной форме).

В реальной жизни отношения мужчин и женщин даже при ярко выраженном патриархате, конечно, не выглядят так, что все мужчины оказываются жестокими угнетателями, а все женщины — бесправными угнетенными. На самом деле картина гораздо сложнее. Известная американская исследовательница турецкого происхождения Дениз Кандиоти для описания гендерных отношений в патриархальном обществе предложила понятие «патриархальная сделка». Такая сделка предполагает, что мужчины и женщины, следующие сложившемуся «общественному договору», получают выгоды, используя имеющиеся у них ресурсы. «Патриархальная сделка» — гарантия защиты и безопасности подчиненных, получаемая ими в обмен на безусловное следование предписанным ролям и обслуживание сильных*. Ответственность за организацию жизни сообщества (семьи, клана или общины в целом) в этом случае в целом возлагается на старших мужчин. Подтверждая свое зависимое положение и следуя общественным предписаниям, женщины используют разнообразные стратегии, стремясь усилить свою безопасность и улучшить жизненные шансы. В наиболее «жестких» системах патриархата у женщин практически нет открытых рычагов власти. В менее жестких патриархатных обществах женщины, не имея публичной власти, тем не менее обладают определенной автономией и авторитетом в рамках своих ролей. Соответственно они используют разные стратегии влияния, манипулируя ролями дочерей, матерей, жен, возлюбленных и сексуальных партнеров.

«Классический» патриархат предполагает минимальную автономию женщин или ее полное отсутствие, вторичный статус женщин в патриархальной родительской и супружеской семье. Одновременно господство мужчин в обществе возлагает на них ответственность за благополучие подчиненных (мужчин и женщин). Однако пример мусульманских стран Азии — стран «классического» патриархата (где девочки выдаются замуж родителями, подчиняются не только мужу, но и старшим родственникам) — показывает, что старшие женщины осуществляют контроль над отношениями в семье — во всяком случае, над своими невестками. Их «ресурсом» выступает материнское и супружеское влия-

* Патриархатная сделка может быть проиллюстрирована также механизмами воспроизводства деловщины в призывной армии.

ние, которое они оказывают на сыновей и мужей. Старшие женщины выбирают невесту для сына, и в дальнейшем невестка подчиняется свекрови и признает ее власть в семье. Старшие женщины заинтересованы в том, чтобы воспроизводилась их семейная власть, они манипулируют мужьями и сыновьями, препятствуют выделению молодых семей из расширенной семьи. Такие стратегии считаются основой «женского консерватизма». Им противостоят стратегии молодых мужчин, стремящихся отделиться от семьи, а также распространение романтической любви в современном мусульманском мире, которая создает потребность в выделении супружеской пары в «автономную единицу», независимую от старших родственников, и ограничении контроля с их стороны.

Таким образом, патриархат исторически многообразен и изменчив. При капитализме традиционный гендерный порядок начинает разрушаться под воздействием экономических, политических и культурных вызовов. Индустриальное общество формирует женские роли работающей матери, домохозяйки, самостоятельной женщины.

В основе капиталистического устройства индустриального общества лежит определенная гендерная идеология, которая поддерживает представления о естественном предназначении полов. Согласно этим представлениям мужчинам предписывается публичная роль, а женщинам — обязанности в частной сфере. Эта идеология в первой половине XX века в западных обществах поддерживалась различными концепциями — от психоанализа до популярной психологии и массовой культуры. Все они показывали и разъясняли природное женское предназначение, особенности женской психологии, учили женщину, как быть хорошей домохозяйкой, снабжая ее соответствующими предписаниями и рецептами. Одновременно женщине предлагались различные предметы потребления для реализации своей природной женственности и успешного выполнения «женской роли». При этом сохранялось неравенство по признаку пола и подчеркивались различия между мужчинами и женщинами. Однако и эти, казалось бы, незыблемые и вполне функциональные отношения (мужчина зарабатывает деньги, а женщина занимается домохозяйством) были оспорены во второй половине 1960-х годов. Вызовы существующим гендерным границам пришли с разных сторон — со стороны женского, молодежного и левого движения, авангардной культуры, новых инфраструктурных возможностей. Счастливая домохозяйка (а все другие женщины считались либо несчастны-

ми, либо неудачливыми, либо не совсем нормальными) оказалась страдающей женщиной, чья жизнь ограничена четырьмя стенами комфортабельного дома. Она страдала от недостатка самостоятельности, невозможности реализовать профессиональные устремления, вторичности своей обслуживающей роли, одиночества, когда вырастали дети, а мужа делали карьеру. Эти проблемы, однако, считались скорее индивидуально-психологическими, чем социальными, и очень долго не признавались как общие для всех неработающих женщин.

И только в 1960—1970-е годы система, поддерживающая такие гендерные нормы, была осмыслена как патриархат. Феминистские исследования показывают, что женщины до поры до времени принимают условия, в которые их ставит патриархат, поскольку получают гарантии безопасности, не несут ответственности за важнейшие сферы жизни и зачастую — как рабы при господине — не осознают своего положения.

Однако патриархат исторически изменчив, гендерное устройство меняется по мере изменения отношений собственности, структуры занятости, форм семейной жизни, сексуальных практик. Во второй половине XX века возросла самостоятельность женщин в выборе жизненного пути и профессии, в создании семьи и принятии решений о деторождении, в способности зарабатывать деньги и делать карьеру. Постепенно патриархат теряет безусловную законность в глазах многих людей и трактуется как нарушение справедливого порядка. В определенном смысле он начинает отступать в историческое прошлое.

Исследователи приходят к выводу, что в конце XX века произошел слом основных патриархатных структур в Северной Америке, Латинской Америке (с некоторыми исключениями), в Японии, Корее, государствах Океании, в Восточной Европе и России. Во многих обществах наступила постпатриархатная эпоха. Тем не менее система гендерного неравенства, при которой зарплата женщин не превышает двух третей мужской зарплаты, сохраняет феномен «стеклянного потолка», ограничивающего возможности профессионально-должностного продвижения женщин (им сложнее повышать квалификацию, ездить в командировки, работать сверхурочно, поскольку на них лежит основная ответственность за организацию семейного быта), продолжает воспроизводиться. Так, мягкие и малозаметные механизмы воспроизводства «стеклянного потолка» связаны, например, с организацией рабочего времени в современном бизнесе (особенно

в России), требующей от управляющих и наемных работников находиться на работе вечерами, в выходные дни, а также совместно с коллегами посещать места досуга — бани, бассейны, боулинги, клубы, дачи и рестораны. Женщина либо ограничена в таких возможностях, либо вынуждена приспособиться к так называемому мужскому стилю поведения, испытывая давление со стороны семьи по поводу плохого выполнения домашних обязанностей. Но часто ей либо не предлагают продвижения по службе выше определенного уровня, либо она от него отказывается, считая, что не справится, или из-за того, что не может себе этого позволить. При этом ни руководители, ни сами женщины не видят никакой дискриминации в существующем устройстве. Постпатриархатный порядок ограничивает формирование лидерских навыков у женщин, поскольку «правильная» женственность трудно совместима с требуемыми качествами руководителя — умением рисковать, конкурировать, принимать управленческие решения, нести ответственность за бизнес, а в российском случае — еще и постоянно маневрировать между законом и криминалом. Так срабатывают невидимые механизмы патриархата.

Как же тогда женщина может добиваться своих целей? Увы, в основном через манипулирование. Эта особая женская стратегия вырабатывается в ответ на заведомо неравноправные условия конкуренции. Французский социолог Пьер Бурдьё в своей работе «Мужское господство» пишет, что господствующая точка зрения приписывает женщинам такие негативно оцениваемые свойства, как хитрость, интриганство (вспомним Шекспира, Толстого!), которые являются оборотными чертами женского обаяния и сексуальной привлекательности. Очевидно, что и хитрость, и интриганство воспитываются у женщин в контексте подчинения.

СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН В ПОСТПАТРИАРХАТНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Советский постпатриархатный порядок отличался от гендерных структур капиталистического индустриального общества. В СССР женщины были зависимы не столько от мужчины — главы семьи, сколько от государства. Именно государство диктовало женщинам роли, обеспечивало их ресурсами и возможностями сочетать материнство и заня-

тость. И этих ресурсов всегда не хватало. Такую систему иногда называют «государственным патриархатом».

В постсоветский период, в 1990-е годы, женщины оказались вытесненными из многих престижных и оплачиваемых сфер занятости. Этот процесс принято называть «возрождением патриархата». В то же время у женщин стало больше возможностей выбирать разные роли, в том числе быть домохозяйками, если они этого хотят, или делать карьеру, скажем, в бизнесе. Однако в России все еще мало популярны идеи гендерного равенства и партнерства, равной ответственности родителей обоего пола за воспитание детей и пр. Сферы занятости женщин, женские черты и особенности хотя и прославляются время от времени СМИ или государственными деятелями, в целом сохраняют низкий статус в обществе. Профессионально успешные женщины в любой момент должны быть готовы оправдываться, почему они добились успеха и как это им удастся совмещать карьеру с супружескими обязанностями и материнством. Их позиция остается уязвимой и непривлекательной для большинства женщин, поскольку не соответствует общепринятой модели женственности. Сохраняется двойной стандарт оценки мужской и женской успешности. Если женское счастье ассоциируется в основном с материнством и супружеством, то мужское измеряется экономическим достатком и конкурентоспособностью в публичной сфере. Баланс ролей — домашней и профессиональной — все еще остается лишь женской проблемой. Для мужчины проблема совмещения домашних и рабочих обязанностей не так важна — он всегда готов сделать выбор в пользу карьеры, и именно этого от него ожидает общество.

Для женщин в целом остаются актуальными рычаги непрямого влияния, поскольку открытое участие в конкурентной борьбе для них довольно сложно или не вполне оправданно с точки зрения общественных норм. «Власть слабых» — компонента патриархатного господства. При этом «женская власть» существенно трансформируется при изменении форм патриархата. Условия «патриархальной сделки» в современном мире оспариваются и переопределяются. Так, в России, с одной стороны, происходит рост независимости женщин и их реальной власти, осуществляется борьба за равные права и пр., с другой стороны — усиливается консервативная реакция, воспроизводится патриархат и соответственно остаются востребованными скрытые рычаги влияния слабых.

Какие же стратегии используют женщины в патриархальных обществах, где они должны играть свою «женскую роль», а всеми основными ресурсами обладают мужчины? Структура власти патриархального общества устроена так, что мужчины осуществляют господство, а женщины реализуют свои специфические стратегии «слабого пола». Строго говоря, возможностью выстраивать и осуществлять полноценные стратегии в обществе обладает лишь господствующая власть — именно ее представители могут осуществлять планы, направленные в будущее. Такая власть может прибегнуть к принуждению, она сопряжена с ответственностью за последствия действий и за благополучие подчиненных, понуждаемых к каким-либо поступкам. Иначе складывается власть подчиненных. Она имеет не стратегический, а тактический характер, осуществляется в форме адаптации, приспособления к власти имущим. Формы этой власти изменчивы во времени и пространстве и изобретательны. Собственно говоря, именно это и есть манипулирование, то есть не прямое и часто персонифицированное влияние на власть имущих. Подобно неуловимому Протею, носители этого типа власти могут менять свою идентичность в зависимости от ситуации. Они представляются то слабыми инвалидами, нуждающимися в защите, то раболепным воплощением верности, то символом коварной измены. Они используют разнообразные тактические, не прямые способы достижения целей, которые можно определить словосочетанием «скрытое влияние», в отличие от открытого господства и принуждения, осуществляемого сильными. Скрытое влияние подчиненных предполагает признание позиций власти имущих, признание неравенства в доступе к ресурсам и благам. Подчиненные опираются на знания о стратегиях господствующих групп, которым они не в состоянии явно противостоять, но которые могут незаметно трансформировать в свою пользу. Существенная черта стратегий подчиненных — их незаметность, вплетенность в ткань повседневной жизни, а потому и устойчивость. Иными словами, подчиненные соглашаются со своим зависимым положением, но при этом могут уклоняться от ответственности за осуществляемые действия.

Мы рассматриваем женскую власть-манипуляцию («власть слабого пола») как стратегию подчиненных, сформировавшуюся в контексте классического патриархата и сохраняющуюся в современных условиях постпатриархата. Такое понимание власти объясняет, поче-

му женщины могут быть сильными даже в условиях явного мужского господства. В традиционном обществе значим авторитет матери, он может проявляться в том числе и в сфере политического конфликта (в настоящее время, например, деятельность Союзов солдатских матерей). Неформальная власть женщин закреплена обычаем. Женщины, не имея прямого доступа к принятию политических решений, оказывают влияние на события через своих детей, они участвуют в организации браков, управлении семейными и клановыми отношениями, политическими и экономическими связями.

ЖЕНСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В позднесоветский и особенно в постсоветский периоды усиливается использование традиционной «женской власти», укорененной в семье и личных отношениях, для реализации целей в сфере общественной жизни. Такими стратегиями власти женщины пытаются компенсировать нехватку ресурсов прямого управления при отсутствии социальной поддержки. Лукавая «женская власть» принимает разные формы, но существуют две ее разновидности, которые мы считаем ключевыми, — сексуально-эротическая власть и власть заботы. Материнская и супружеская забота, как и сексуальное поведение, становятся способами извлечения благ, механизмами неявного контроля или ограничения свободы действий других.

Власть заботы осуществляется как манипулятивная, когда ограничивает самостоятельность тех, на кого она направлена. Женщина вынужденно или добровольно берет на себя всю полноту ответственности за организацию быта и благополучие домашних, поскольку она обладает признанным умением управлять бытом — как в эпоху тотального дефицита, так и в эпоху бесконечных соблазнов общества потребления. Однако зачастую контроль, осуществляемый женщинами в домашней сфере, рассматривается как злоупотребление властью, подавляющей других. В то же время многочисленные пособия, телевизионные и радиопередачи, обучающие домашнему хозяйству, напоминают, что «истинная женщина» компетентна именно в сфере быта и не готова отдавать свои рычаги власти другим домочадцам. Кроме того, организация быта в России всегда выходит за пределы частной сферы. Если в советское

время она предполагала умелое управление социальными связями, обеспечивающими доступ к дефицитным товарам и услугам, то в период капитализма она предполагает организацию покупки жилья и ремонтов, туристических поездок и услуг нянь, то есть умелого управления рыночными, неформальными и личностными отношениями.

Сексуально-эротическая власть — это другой тип контроля, приписываемый в первую очередь женщинам. Эта власть осуществляется через использование ресурсов сексуальной привлекательности за пределами сферы эротического желания и любовных отношений (вспомним высказывание Позднышева из «Крейцеровой сонаты»). Современным женщинам (в отличие от советских) открыто предписывается быть сексуально привлекательными, постоянно работать над своим телом, осуществлять значительные временные и материальные затраты для достижения продвигаемого рынком идеала, испытывать чувство вины при невозможности его достижения. Различные руководства по менеджменту и практической психологии обучают современную женщину навыкам соблазнения мужчин, техникам секса и практикам удовольствия. Одновременно использование приобретенных навыков ставится женщинам в упрек — они якобы заняты поиском исключительно богатого мужа или в крайнем случае спонсора, они используют свою привлекательность для карьерного роста, они удерживают партнеров, разжигая в них сексуальную страсть или манипулируя заботой. Женщине предписывается культивирование именно тех качеств, с помощью которых она может осуществить особую власть, но при этом власть эта не является морально оправданной и противоречит тенденциям гендерного равенства. К тому же мужчины считают, что женщины добровольно и сознательно монополизируют власть в семейной и интимной сфере. Так или иначе, в российском обществе признается избыточность «власти женщин». При этом эта власть имеет низкий или даже морально неприемлемый статус, часто рассматривается как злоупотребление или обуза, особенно когда она выходит за пределы интимной сферы.

Так что же делать женщинам, которым систематически не хватает ресурсов для осуществления наряду с мужчинами реальной, «нормальной» власти в обществе? Среди руководителей органов власти и управления всех уровней женщины составляют 39%, среди работодателей, то есть собственников бизнеса, — 35%. Отношение заработной платы

женщин к заработной плате мужчин составляет 64%. По-прежнему широко распространены домашнее и сексуальное насилие, проституция и повседневный сексизм. Женщины во многом остаются неконкурентоспособными на рынке труда, что сказывается на их трудовой занятости и социальном статусе. Дефицит возможностей, вызванный в том числе и нестабильностью, и «дикостью» правил игры, восполняется не прямой властью. Непрямая власть неуловима, косвенна, она порождена патриархатом и поддерживает его.

В российском обществе (и не только в нем) манипулирование другими является довольно эффективной стратегией. Этой властью пользуются не только женщины, но и мужчины. Однако в российском патриархатном обществе признается, что женщины «по природе своей» обладают преимуществами в использовании манипулятивных средств. Ориентация на отношения и способность к управлению ими считается необходимой чертой женской природы. «Настоящая женственность» предполагает, с одной стороны, внимание к другому, эмпатию, эмоциональную поддержку, осуществление заботы, способность к пониманию, а с другой — сексуальную привлекательность и востребованность женщины как сексуального партнера. Ресурсы заботы и сексуальной привлекательности составляют основу власти-манипулирования. Такая власть осуществляется путем использования обаяния, эротизации и сексуализации формальных отношений, апелляции к традиционной женственности, к слабости, зависимости, неспособности к действию и ответственности за него, необходимости снисхождения и защиты. В условиях, когда невозможно добиться чего-то «по правилам», женщины прибегают к особым стратегиям достижения целей. В условиях, когда женщин вытесняют из публичной сферы, они интенсифицируют ресурс непрямого влияния.

Итак, в постсоветском обществе «женская власть-манипуляция» осуждается как власть «стервы», но признается как распространенная стратегия. Там, где отношения между мужчинами и женщинами становятся равноправными, такая стратегия становится ненужной, и наоборот, она активизируется в условиях неопределенности, коммерциализации социальных отношений, недостатка демократической правовой культуры. Женщина в приватной сфере способна принимать решения и подчинять им окружающих, однако у такой власти не

хватает авторитета, она описывается как избыточная для женщин и притесняющая мужчин, особенно когда такая власть используется за пределами семьи и частной сферы.

По всей видимости, именно на традиционные взгляды рассчитаны многочисленные пособия «по эксплуатации мужчин» и «эротическому манипулированию», пособия «как найти богатого мужа», «по стервологии» и пр. В них признается, что женщинам, чтобы добиться определенных позиций в жизни, нужно, во-первых, использовать самые разнообразные ресурсы — от мудрости и профессионального опыта до способности обольщать, а во-вторых, досконально освоить методику «дрессировки» мужчин и манипуляции ими.

Подводя итоги, можно сказать, что в постпатриархатном обществе, как и при классическом патриархате, «власть женщин» — это «власть слабых», обладающая следующими чертами:

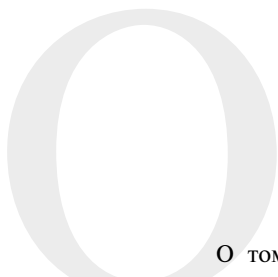
- она принимает форму манипулирования или косвенного воздействия на тех, кто доминирует открыто;
- носители такой власти могут ускользнуть от ответственности за результаты действий;
- специфическая «власть слабого пола» укоренена в сфере семейных, интимных и эмоциональных отношений;
- такую власть трудно распознать, а значит, ей сложно противостоять;
- специфическая «чисто женская власть» как проявление патриархата может разрушиться только вместе с ним.

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

РАЗЛИЧАТЬ, НЕ УЩЕМЛЯЯ:
**МЕСТО ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ**

О том, как была рождена социальная дискриминация по признаку принадлежности к религиозным, национальным, классовым группам, какие формы она принимала в разные времена и эпохи, написаны горы книг и статей, созданы десятки теорий. Вместе с социальной дискриминацией возникали и теории ее преодоления. «Разум возмущенный» подчас кипел не только у социальных теоретиков (в особенности марксистских), но и у многих умело пестовавших свою нейтральность и объективность рядовых исследователей прошлого. Так или иначе, век за веком они постепенно «замечали» существование все новых «видов» униженных и оскорбленных. Среди них были рабы и крепостные крестьяне, пролетарии, сторонники новых религий и старых, не желающих уступать свое место новым, вереницы народов, преследовавшихся или даже полностью уничтожавшихся. Восстановленные историками страницы прошлого, в том числе истории движений протеста перечисленных выше социальных групп и слоев, позволяли мечтать о преодолении всех форм социальной несправедливости — религиозной, национальной, классовой...

Лишь о такой форме неравноправия, как ущемление прав по признаку пола, на протяжении трех тысячелетий человеческой истории не то чтобы не говорилось... Упомянулось, конечно, но... чаще всего не считалось достойным серьезного изучения и крайне редко становилось толчком к конструированию теорий. Неравенство по признаку пола полагалось настолько вечным и потому неизбывным, что причислялось к тому, чем можно пренебречь. Забыть. Конечно, забвение — общая судьба многих. В нем погребены миллионы, миллиарды жизней, о которых

мы уже ничего не узнаем, поскольку либо они не оставили следов, либо никто не позаботился эти следы отыскать. Но на долю женщин выпало забвение особое, показывающее их место в этом мире и меру уважения к ним.

Изучая дискриминацию людей по признаку пола (а ущемленными чаще всего были именно женщины), современный историк призван показать облик сексизма, под которым так и понимают дискриминацию по признаку пола, намеренное ограничение или ущемление в правах, в признании, создание менее благоприятных условий для жизни и самореализации. Это необходимо вовсе не для того, чтобы словесно заклеить, юридически запретить и, отряхнув прах с наших ног, выскоблить из исторической памяти все факты ущемления прав представителей одного пола (столь часто именуемого «слабым») по сравнению с другим. Увы, это невозможно. Изучить сексизм надо потому, что явление это возрождается вновь и вновь, меняя лишь свои обличья.

Почему не только мужское, но и женское сознание принимает проявления сексизма и, более того, воспринимает их как нечто бытовое, заурядное, обыкновенное? Все это вопросы, на которые нет однозначных и согласованных ответов. Историческое исследование отношений между полами, в том числе и исторический анализ природы сексизма, — вот чего ждут от историков сторонницы и сторонники нового направления в гуманитарном знании — гендерных исследований. Впрочем, круг их интересов гораздо шире, и, пожалуй, нет такой темы в изучении прошлого, в которой было бы невозможно отыскать «гендерную компоненту».

ГЕНДЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – НАУКА О ДРЕВНОСТЯХ, КОТОРЫЕ ТОЖЕ ИМЕЮТ ПОЛ

Кто не знает тяжелых, грубоотесанных, нередко безликих каменных изваяний, которые в просторечии именуют «каменными бабами», а также мелкой, палеолитической пластики — так называемых первобытных Венер? Эти скульптурные изображения широкобедрых, большегрудых, нередко беременных женщин находят по всей территории Европы — от Балкан до Байкала. Крупные экземпляры выставлены во

дворах музеев, мелкие — под стеклом, рядом с каменными наконечниками стрел. В этих фигурищах и фигурках многие видят выражение мужского эротизма — древнюю аналогию журналу «Плейбой».

В действительности эти предметы культа могут немало рассказать о тех временах, когда женщины вместе с мужчинами поклонялись жизнетворным силам Вселенной.

Все культы эпохи верхнего палеолита связаны с почитаниями женских божеств. Есть примеры поистине символические. Так, в гроте Кро-Маньон в Лез-Эйзи (Франция), где костные останки (кроманьонцев) нашли еще в 1868 году, вокруг захоронения были аккуратно выложены раковины каури. Эти раковины, имеющие форму того, что известный специалист по древним религиям Э.О.Джеймс изящно именовал «вратами, через которые дитя входит в мир», очевидно связаны как раз с почитанием женской способности дарить жизнь. Полвека назад Э.О.Джеймс отмечал, что каури были таким же символом жизнетворения, как и красная охра, имитирующая женскую родильную и менструальную кровь. Женщина — дарящая жизнь и обеспечивающая ее продолжение — не властвуя, не господствуя, не унижая других, доминировала в воображении первобытных людей и играла не менее важную роль, чем мужчина-охотник.

Почему же настенные росписи палеолита всегда интерпретируются только в связи с охотой, даже когда они изображают пляшущих женщин? Можно ли соглашаться в этом случае с теми из историков первобытности, кто считает, что в «интересах и воображении доисторического человека доминировала охота», что, «если он в чем-то и был похож на современного человека, то именно в том, что по различным поводам использовал ритуалы для восполнения и увеличения своей силы», в частности — продолжают они свою мысль — мужской силы. В таком контексте пышнобедрые изображения «Венер» и впрямь воплощали варварские идеалы красоты.

Но была ли тогда охота главенствующим способом выживания? Устоявшееся представление: первобытные мужчины охотились на мамонтов, а женщины заботились о детях, кроили шкуры и собирали ягоды, в лучшем случае — съедобные корешки. Однако современные археологические исследования доказывают, что выживание тогда обеспечивалось не охотой, а именно собирательством. Не мужчины, а женщины

обеспечивали пропитание племени – приносили до 80% еды. Вот почему и на палеолитических рисунках преобладали линии, которые не обязательно толковать как виды оружия – стрелы, крючки, копья, гарпуны. С тем же успехом, считается ныне, они могут прочитываться как растения, деревья, тростник и листья. «Зазубренные» предметы тогда предстают вовсе не «мужскими объектами» (тем более что заточены не с того конца – а снизу), а стилизованными изображениями веток и растений. Плоды диких арбузов, дынь, орехи, птичьи яйца – за то, чтобы их было в достатке, отвечали женщины. Конечно, «сильный пол» иной раз мог обеспечить и мясом, но на это уходило несколько дней напряженной охоты, а детей и стариков нужно было кормить регулярно.

Иными словами, даже если принять за очевидное то, что именно мужчины «бегали за мамонтами» (что является сильным преувеличением: мамонты вымерли задолго до начала формирования человеческого общества), женщины в то же самое время были ответственны за ежедневное (не зависящее от удачного случая) обеспечение пропитанием. Одомашнивание диких животных и растений относится к периоду, который археологи называют «сельскохозяйственной» или «неолитической революцией». Она была важным прорывом в истории технологий и совпадала в истории духовной культуры с развитием сложной системы символов, ритуалов, божественных велений и запретов антропоморфной религии, по-прежнему сосредоточенной на культе Богини. И там, где совершался большой скачок в материальной и социальной жизни, – используем выражение Мерилин Стоун, обессмертившее название ее книги, – «Бог был женщиной».

С точки зрения М.Стоун (поддержанной многими археологами, чьи взгляды, кстати, популяризировала довольно известная ныне в России Риан Айслер с ее произведением, ставшим международным бестселлером, «Чаша и клинок»), идеология древности была гиноцентричной, то есть возвеличивающей женское и женскость.

Если с этим согласиться, то как не вспомнить образец толкования информации с позиций мужского опыта, приведенный в книге одной из ее соотечественниц.

Во время археологических раскопок первобытного стойбища, пишет она, археологи нашли палку с тридцатью зарубками. Отсюда исследователем-мужчиной был сделан вывод: либо эта палка служила

своеобразным календарем, либо на ней отмечено число убитых животных. Но почему ж не предположить, спрашивает ученоя, что отметины использовались, например, для подсчета менструального цикла женщины? Однако мужчины-аналитики исходят из своего, мужского взгляда на мир и своего опыта, забывая о женском или не считая нужным вспоминать о «таком» в научном сообществе.

В отличие от позднего искусства, в искусстве неолитическом отсутствовало воспевание мощи оружия, жестокости, грубой силы. В росписях того времени нет ни батальных сцен, ни благородных воинов, волокущих за собой закованных в цепи пленников, зато — и это характерно — немало волнистых линий и столь обычен меандр (символ текущей воды, а она изначально связывалась с женским началом). В описываемых захоронениях не найти военных укреплений, складов оружия, нет вообще ничего, навязчиво связанного с мужским миром, однако так часты... чаши. Они использовались не только как посуда, но и как ритуальные предметы, символизирующие женское чрево. Эти и многие другие свидетельства заставили немалое число ученых интерпретировать собранные ими находки как отсутствие в ту эпоху очевидного господства мужчин.

И какой же вывод делали и делают мужчины-ученые на основании собранных и проанализированных материалов? Раз в те доисторические времена мужчины не доминировали над женщинами, посчитали они, значит... женщины должны были господствовать над мужчинами...

МИФ О МАТРИАРХАТЕ — ТВОРЕНИЕ МУЖСКОГО ГЕНИЯ

Как господство женского над мужским, как эпоху владения женщин вообразил себе предпатриархат выдающийся швейцарский литературовед-энтузиаст, юрист по профессии Якоб Бахофен (1815–1887). Дело было почти двести лет тому назад. Логика исследователя хоть и не бесспорна, но понятна: раз не мужчины господствовали над женщинами, значит, женщины господствовали над мужчинами, а следовательно, и мир управлялся ими же. Этот период Я.Бахофен назвал гинократией (от греческого *gune* — женщина и *kratos* — власть).

Постижению этой ранней эпохи человечества, потерянной во мраке времен, Я.Бахофен отдался со всем усердием, на какое был способен. Свои доводы он изложил в фундаментальном труде «Материнское право», опубликованном в 1861 году в Базеле с подзаголовком «Исследование религиозной и юридической природы гинеократии древнего мира». Ученый основывался на анализе истории древнего Египта, точнее, той ее картины, которую отобразил Плутарх в сочинении «Об Исиде и Осирисе». Термином «матриархат» Я.Бахофен не пользовался (он говорил о господстве «материнского закона» и основанной на нем «гинеократии», предполагая верховенство женщин над мужчинами в семье и в обществе и признание родства исключительно по материнской линии – матрилинейной генеалогии, когда по закону лишь дочь может наследовать собственность). Понятие матриархата, изобретенное в XIX веке по аналогии с патриархатом, обладало тем преимуществом, что включило в себя обе эти черты.

Термин «*матриархат*» прижился. Им пользовались и недруги Я.Бахофена, и его почитатели. Среди последних были именитые, приравнивавшие его концепцию к открытию Колумбом Америки или к теории эволюции Ч.Дарвина (так, между прочим, считал Ф.Энгельс). Однако, подобно «Происхождению видов» Ч.Дарвина или «Капиталу» К.Маркса, творение Я.Бахофена и сейчас, и тогда в большей степени прославлялось, нежели читалось.

Господство женщин возникло, по бахофенской гипотезе, из беспорядочного промискуитета (бессистемных половых связей), предшествующего гинеократии. А последняя была следствием развития культа материнства (имеющего биологические основания) и связанного с ним поклонения женскому божеству. И египетское, и раннеантичное общества были, по мнению автора теории, гинеократическими. Возникает вопрос: и как же возникло социально-половое неравенство, как гинеократия сменилась жестоким патриархатом? В переходе к патриархату Я.Бахофен видел факт «взросления» народа как органической системы, его способность «вырваться из подчинения матери» и «дорасти» наконец, как дорастает сын, становясь мужчиной, до зрелости, ответственности, цивилизации. Зрелое, возмужавшее человечество, поэтически мыслил базельский юрист, пришло к осознанию необходимости отказаться от материнского права...

Никаких данных — ни документальных, ни археологических — о существовании когда-либо власти женщин над мужчинами современная наука предложить не может. Нет никаких реальных доказательств существования такой общественной системы, где бы женщина занимала доминирующее положение в основных сферах жизни социума, а родство велось и имущество наследовалось исключительно по материнской линии.

ИСТОРИЧЕСКИ ПЕРВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Захват власти? Да его попросту не было.

Гендерное неравенство в форме доминирования мужчин над женщинами было исторически первой формой общественного неравенства. Воспроизводить себе подобных мужчины были неспособны, и они решили уравнивать свои социальные возможности весьма нехитрым, но действенным способом. Описание его — ответ на вопрос, как же возникло гендерное неравенство.

Американский антрополог Гейл Рубин, с чьим именем связывают начало феминистского проекта в этнологии и антропологии, полагала, что дело в акте установления отношений родства, «обмена женщинами» или их «дарения». Казалось бы, сама способность женщин рожать (отсутствующая у мужчин) должна быть основой их высокого статуса. Но эту высокую значимость имела не сама женщина, а лишь ее способность. Неравенство способностей породило неравенство социальное: мужчины легко обратили свою неспособность в преимущество. Поскольку смысл обмена подарками между группами индивидов во все времена, в том числе и во времена «доисторические», служил установлению социальной коммуникации, постольку родство стало «служить упорядочению общественных отношений, способом организации экономической, политической, обрядовой, а также сексуальной деятельности человека» (Г.Рубин). Брак, зародившись в древности, сразу превратился в древнейшую форму торговли, в которой женщина выступала в качестве «ценного дара» (что нашло выражение в словосочетаниях во многих европейских языках, в том числе и в русском: «взять в жены», «отдать замуж»). Результат дарения женщин более существен, нежели результат

обмена другими подарками, потому что партнеры по такому обмену становились родственниками на всю жизнь. Таким образом, использование одного из аспектов природной способности в социальных целях происходило вопреки интересам самих женщин: женщины служили просто предметом сделок. Комментируя свою схему, Г.Рубин отмечала: «Из обмена женщинами не обязательно следует, что женщины овеществлялись в современном смысле этого слова. Но из обмена обязательно следовало различие между даром и тем, кто его делал. Если женщины были дарами, то мужчины – партнерами по обмену».

HERSTORY – ЕЕ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

Вне зависимости от того, чью точку зрения мы сочтем более убедительной – «воинственную» Ф.Энгельса или «обменную» Г.Рубин, – в том, что на протяжении долгих веков человеческой истории женщины были вынужденно поставлены в положение «второго», не господствующего (хотя и «прекрасного») пола, сомневаться не приходится. И вся женская история от доисторической древности, античности до конца Нового времени, XIX столетия, – это история постепенного социального пробуждения женщин.

Почему мы так мало знали о женщинах и истории отношений полов до начала Нового времени?

Первый покров молчания создавался современниками – теми, кто не замечал своих дочерей, жен, матерей и попросту не пускал их в общественное пространство («женщине не место на публике», считал Пифагор), кто превращал их в безмолвных статисток на фоне постоянно за что-то воюющих мужчин. От женщин ожидалось рукоплескания завоевателям и рыдания над поверженными героями.

Второй покров молчания соткали те, кто вел записи важнейших исторических событий для потомков. А это были в большинстве своем мужчины. Это они сочли материнство и ведение домашнего хозяйства видами деятельности, не достойными упоминания в хрониках и летописях. Это их, почти равнодушных (по крайней мере до XVIII века) к частной жизни, интересовала исключительно сфера общественная, а в ней женщины играли скромную роль. Можно сказать и так: мужчины определяли официальную память и контролировали публичные архивы. И

так продолжалось довольно долго — ведь женщины овладели письменным словом много позже мужчин. В России первые женские автобиографии относятся к XVIII веку. Лишь с этого времени узкий круг женщин образованного сословия начал вычерчивать траекторию собственной истории, запечатлевать себя во времени, оставлять свои следы в памяти потомков.

Первые два уровня молчания (молчание современников и молчание источников) определили *третий* — молчание о женщинах ученых-историков. О женщинах, конечно, они иногда могли походить и упомянуть, но пальма первенства в традиционном историописании отдавалась публичному пространству — событиям политическим, военным, религиозным, царствованиям и войнам. Даже французских исследователей второй половины XX века, объединившихся в послевоенное время в Школу «Анналов», которые критиковали сложившиеся принципы создания исторических текстов, «история женщин» поначалу не интересовала. Их внимание было приковано к экономике и социальным проблемам, к классам, а не к полу. Исследовалось коллективное (и количественное), а не индивидуальное и/или биографическое.

Таков был исторический пейзаж в 1970-е годы, когда родился призыв написать историю *глазами женщин* — с позиций женского социального опыта. «Рабье молчанье» ученого мира должно было быть нарушено. Мужское засилье в историописании следовало хотя бы поколебать. Задача представить на страницах исторических сочинений женщин наравне с мужчинами была поставлена, ведь прежняя, традиционная История, «дочь Глагола и Мужественности» (М.Перро), не давала женщинам возможности быть увиденными.

Обрести свой образ, стать видимыми, наделять этим правом тех, кто ранее был им обделен, чьи тревоги и мечты навсегда (казалось бы) растворила История, первыми смогли те из ученых, кому претило всевластие мужчин в науке. Это они осмелились показать истинное лицо всеобщей истории (которая никакой всеобщей на самом деле не была, ведь почти половина населения ее не интересовала), они задались целью показать ее ангажированность при декларируемой неидеологичности в отношении полов, нейтральности, объективности...

Понятное дело, это были женщины-исследователи. Они решили не ждать сложа руки милостей от мужчин-историков, а написать свою историю самостоятельно.

Женские исследования в науках исторического профиля рождались в муках, преодолевая бесконечные насмешки. Многие из исследовательниц, ныне считающих себя феминологами, могут вспомнить свою почти тридцатилетнюю историю непризнания женской темы и борьбы за ее место в Большой Науке.

Чтобы отличить историю женщин от воссоздания прошлого в общепринятом ключе, историки придумали даже новый термин. Поскольку привычное английское слово *history* они прочитывали как *his story*, то есть «его история», историю мужчины, постольку неологизм *herstory* (*her story*, «ее история», история женщины) должен был исправить положение. Игра с терминами при всем ее озорстве была нацелена на доказательство простой истины: общепринятые «человеческие» нормы и каноны отнюдь не нейтральны, они ориентированы на мужчин, ставят их интересы в центр мироздания, иными словами — «мужесцентричны».

Как ни стремились к тому феминологи, работавшие с историческими документами и фактами, термин *herstory* не прижился. Зато число сторонниц женской истории стремительно росло. Энтузиастки-первопроходцы перелопатили сотни архивных дел, находя источники, проливающие свет на положение женщин в разные эпохи; они описывали отдельные судьбы и анализировали опыт женских общностей (например, в монастырях и первых женских союзах), старались пересмотреть в свете новых данных даже то, что устоялось, казалось, навеки (например, хронологию). Все это положило начало самому настоящему перевороту в представлениях о прошлом.

Восстанавливая историческую справедливость в отношении женщин, историки женщин убеждали, что безмолвными и незаметными в истории они стали не по своей воле, а из-за предопределенности взглядов на историописание мужской системой ценностей, главные из которых карьера, самореализация в политике, дипломатии и в военном деле. Именно поэтому женщин «не пускали» на убогие столбцы летописей и хроник, почти забывали о них при составлении правовых кодексов, намеренно отодвигали на второй план при создании композиций книжных миниатюр, икон и фресок.

У ЖЕНЩИН НЕ БЫЛО НИ РЕНЕССАНСА, НИ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ АНТИЧНЫХ БОГИНЬ ДО XVIII СТОЛЕТИЯ

Историки женщин медленно, но убежденно совершали переворот в своей области знания. Они довольно быстро доказали: прогрессивность многих процессов и явлений – античной цивилизации, эпохи Ренессанса, великих буржуазных революций – выглядит таковой лишь в свете мужских абстрактных представлений о Добре и Счастье. С точки же зрения женской самореализации, насыщенности женских жизней, признания заслуг женщин перед лицом Истории, те века, что слились в тысячелетия, «были так себе, средними», если не сказать больше.

Афинская цивилизация, о которой говорят обычно не иначе как с эпитетом «демократическая», предполагала содержание женщин в гинекеях (женских половинах домов) и полное их отстранение от участия в политике... Во всей классической Греции, где производственная деятельность сосредоточивалась в домохозяйстве, сфера публичного, или полис, была чисто политической, но ею-то как раз заправляла небольшая группа взрослых граждан, и это были только мужчины.

В Древнем Риме, с его четкой концепцией публичной власти, женщины также были исключены из публичной жизни – и исключены со всей определенностью.

Античный тезис *«Дом – мир женщины, мир – дом мужчины»*, определивший место женщин на два тысячелетия, не случайно стал предметом пристального изучения историков женщин. Они направили исследовательское внимание на то, как медленно и постепенно проникали наши предшественницы в публичные сферы жизнедеятельности общества. Это тихое вторжение, медленное обретение своего достойного места, становясь от века к веку все более заметным, заставляло выстраивать новые сценарии отношений, использовать иные стратегии и тактики, в том числе и в частной сфере – сфере семьи и сексуальности. Не сама Природа и не сами женщины выбрали сферу домохозяйства и частной жизни в качестве «своей» – им это навязали складывавшиеся культурные нормы, которые после утверждения патриархатных начал в экономике определили процесс разделения труда по половому признаку. Эти нормы

не только все более жестко разделяли производительный труд вне семьи и семейную жизнь, но и старались представить жизнь домашнюю, семейную как второстепенную, а не равную по значимости жизни публичной.

Женщин медленно, но верно, из века в век отдаляли от общественной экономики и публичности. Однако после нашествия варваров, Великого переселения народов, формирования раннефеодальных государств – иными словами, в Европе раннего Средневековья – действительным центром отправления власти стала курия крупного феодала (а не государство). И тогда в Западной Европе каролингского времени барьер между частной и публичной сферами стал более проницаем. И на Западе, и на востоке Европы, например в Древней Руси, в законах не было жестких ограничений властных полномочий женщин-наследниц. А среди древних руссок и москвиток были женщины – властительницы городов, княжеств, земель.

В эпоху Средневековья женщины, по сути дела, господствовали в семье, поэтому они имели (особенно став вдовыми) немалые властные рычаги. Семейная экономика приобрела огромное значение, и отношения полов в то время стали своеобразным соперничеством – взаимодействием, иногда даже с фактическим перевесом сил женского пола. Весь период до начала Нового времени – то есть примерно до 1500 года – может быть представлен как эпоха *двух соединяющихся сфер*: сферы господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство). Историки доказали, что сферы эти были не жестко отделены, а были именно *соединяющимися* и равно значимыми в жизни доиндустриального и раннеиндустриального общества.

Изучая женский социальный опыт и активно используя это понятие, введенное психологами и социологами, историки женщин по-иному представили все человеческое прошлое. Оказалось, что даже история войн неполна без истории жизни тыла и повседневности военного времени (которые ранее были для традиционных историков темами второстепенными), а история политических битв немыслима без описания переживаний и страданий всех тех, кто не имел возможности влиять на их исход, но в полной мере испытывал на себе все их последствия.

Высокий статус женщины сформировался благодаря семейной экономике Средневековья, но с началом Нового времени он

потерял прежнюю устойчивость, хотя женщины по-своему пытались сопротивляться новшествам, не сулившим им ничего хорошего. С постепенным развитием государственного аппарата и усилением контроля с его стороны влияние женщин в обществе становилось все более неясным. Только мужчины могли занимать должности в системе управления, а это оказывало влияние на бизнес, даже если он принадлежал женщинам; только мужчины получили возможность приобретать политический статус. Мужчины, а не женщины осуществляли деловые поездки, эффективно используя их результаты. И в то же время женщины, а не мужчины оказались ответственными за стабильный ритм семейной жизни, только женщины должны были, согласно христианской воспитательной концепции, ставить семейные обстоятельства выше деловых.

Теперь уже огромен массив доказательств того, что Возрождение XV–XVI веков не стало таковым для женщин. Так называемое освобождение индивида, о котором без усталости твердят, едва речь заходит о Возрождении и Реформации, о подъеме национальных государств и разрушении традиционных структур, как принято сейчас говорить, характеризовалось гендерной асимметрией.

У женщин не было своего Ренессанса.

Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, вспомогательной, а в области культурной – «одомашнивание» жен буржуа. Кроме того, именно на эпоху Возрождения пришли споры о том, человек ли женщина, и самые одиозные процессы над теми, кто был обвинен в ведовстве, в совокуплениях с бесами и даже в обычном врачевании травами или гаданиях... Костры полыхали во многих европейских странах, и женщины вместе с мужчинами участвовали в преследовании ведьм.

Наряду с моральными стимулами конформизма важную роль играло тогда то, что материальное и социальное благополучие женщины во многом зависело от соответствия эталону добропорядочной жены и матери. Старая народная мудрость «мир принадлежит мужчине, а место женщины – дома» задавала культурную модель, требовавшую выстраивать линию поведения без отклонений от стандарта. Во времена Ренессанса и позднее постоянно подтверждался авторитет мужчины в семье, отвергались как антихристианские все попытки женщин само-

стоятельно регулировать число деторождений, а вопрос о стремительно развивавшемся высшем образовании был в отношении женщин забыт за ненадобностью. Что и говорить о доступе их к квалифицированному профессиональному обучению...

Положительные и отрицательные образцы женского поведения устанавливались мужчинами, но внедрялись и в сознание женщин, усваивались последними наравне с другими культурными ценностями в ходе воспитания. На рубеж XVI—XVII веков приходится окончательное формирование образа женщины — «ангела дома» как идеала для женщин всех классов и во всех обстоятельствах, пропагандируемого и церковными, и — что важно — светскими воспитателями и идеологами. Культ семьи и домашнего очага ничуть не способствовал индивидуальной свободе женщины, воспитывал в ней иждивенчество, жертвенность, готовность к страданию, социальную слабость и зависимость. Малая (двух-, максимум трехпоколенная) семья ограничила эмоциональное и личностное развитие женщин, а подъем медицинской науки имел следствием постепенное лишение женщин чувства женской общности во всем, что касалось деторождения, да и не только его... Кстати, тезис о «природности» предназначения женщины (рожать и постоянно дарить мужу свое тело для рождения новых детей) — «изобретение» научного, в основном медицинского, дискурса XVIII и позднейших веков.

К XVII веку в Западной Европе женщины были лишены прежних прав на контроль за своим имуществом (в России подобные правила, вначале жестко нормативно закрепленные при Иване Грозном, имели тенденцию к изменению, особенно в XVIII веке, но россиянки скорее страдали не от отсутствия прав, а от неумения ими пользоваться).

В начавшуюся эпоху крупных социальных потрясений незначительная часть грамотных женщин *пыталась* сказать о своем бесправии, как это было во времена Английской буржуазной революции, но чаще всего они не были еще услышаны. Несколько раз во время Гражданской войны в Англии большие группы женщин напрямую обращались к парламенту с петициями по важным вопросам экономики и политики, но неизменно сталкивались с пренебрежением и насмешками. «Разве мы не заинтересованы равным образом с мужчинами нашей страны в тех вольностях и гарантиях, которые содержатся в Петиции о правах и других добрых законах?» — вопрошали англичанки в середине XVII века.

Они чувствовали себя вправе действовать на политической сцене. Однако никто всерьез не обсуждал доказательства, ими приводимые, а авторы газетных заметок того времени настоятельно рекомендовали мужьям строже контролировать своих жен и так загрузить их домашними обязанностями, чтобы у них не было возможности беспокоиться о политике.

Развитие технологий в XVII столетии тоже не привело к освобождению женщин ни на работе, ни дома. «Политэкономия» же домашней работы раннего Нового времени под пером современных историков женщин неожиданно поставила на повестку дня такие темы, которые оказались актуальными и для современного осмысления проблем повседневности. Среди них феминизация бедности, феминность безработицы, история женского домашнего труда – труда неоплачиваемого, постоянно недооцениваемого. Рождение детей, их воспитание, труд по поддержанию в доме чистоты, приготовлению пищи, стирке, глажке, уходу за больными и немощными, – все эти виды именно женской деятельности (как научно «обосновали» тогдашние теоретики) оказались навеки возложенными на женщин. Примечательно, однако, что рождение новых профессий, навсегда (казалось бы) обретших характеристику «женских» – воспитательницы, учительницы, гувернантки, поварихи, прачки, гладильщицы, прядильщицы, ткачихи, медсестры, социальной работницы и т.п., – происходило чаще всего незаметно, ведь каждая из этих областей занятости была всего лишь продолжением тех социально-половых ролей, которые были приписаны женщинам культурными нормами и веками выдавались за их «природное предназначение».

РЕВОЛЮЦИЯ – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ЖЕНСКОГО РОДА

Два века демократических революций (середина XVII – середина XIX столетия) готовы были навсегда закрепить исключение женщин из сферы политического участия. О, славные буржуазные революции, воспеваемые и прославляемые! Почему они не торопились распространить на женщин лозунг «Свобода, равенство, братство!»? Все люди – братья... Почему же не сестры?

И впрямь: начавшаяся «эра демократии» не благоприятствовала женщинам.

Революции и войны имеют — с точки зрения женской социальной истории — общую черту: они призывают, мобилизуют или откровенно принуждают (и принуждали всегда) пол, который они именуют «прекрасным» («дурнушек в том числе», сексистски иронизировал К.Маркс), служить им в той или иной форме. Призывают — а потом отказываются от их участия (не говоря уже об исполнении каких-либо обещаний, пожеланий или требований), едва вопрос о судьбе войны или революции оказывается решенным и женщины как «социальный отряд» перестают быть необходимыми. Взаимодействие между приглашением и изгнанием, между включением и исключением женщин из сферы государственных и национальных дел едва уловимо, но именно эту зыбкую область социальной истории необходимо изучить, чтобы понимать общие механизмы социально-политических мобилизаций и устраниний.

Феминизм как теория и как социальное движение, преследовавшее своей целью достижение равноправия полов посредством коллективного социально-политического действия, оформился в качестве подтекста революционной практики Великой французской революции 1789 года, так и не давшей женщинам того, на что они рассчитывали. Не случайно автор «Декларации прав женщины и гражданки» — писательница и общественная деятельница Олимпия де Гуж, написавшая свой манифест следом за обнародованием «Декларации прав человека и гражданина» (в которой не было ни слова о женщинах), закончила жизнь в 1791 году на гильотине. Разумеется, элементы протофеминизма можно обнаружить и в начале Нового времени, и в XVII веке. Тогда было написано немало феминистских по сути текстов, но как движение, заметное в обществе, феминизм в странах Западной и Восточной Европы оказался в центре внимания лишь после 1830 года.

Деятельность и выступления женщин в годы Французской революции произвели огромное впечатление на женщин других стран. В Англии женская агитация зародилась тотчас же, вдохновляемая той же «Декларацией прав женщины и гражданки». В Скандинавии и Германии вскоре появились подражательницы Олимпии де Гуж, и в России у писательниц XIX века были заметны отзвуки социально-политических запросов французских революционерок. Конечно, о возможности выстраивать жизнь по-новому первыми задумались те из женщин, которые принадлежали к образованной элите, затем их круг расширился просто за счет

грамотных, почувствовавших, что судьба не всегда может быть рутинно предопределена. В свободном выборе жизненной стратегии, за который, по сути, и выступали ранние деятельницы женского движения (в основном речь шла о равноправии в получении образования, особенно высшего, работы по профессии, политического участия), они видели реальную перспективу вырваться за пределы предначертанного.

Те, что несколько десятилетий назад старались соответствовать внушаемому им воспитательному идеалу тихих, скромных, молчаливых, зависимых, почувствовали себя в социальном смысле личностями. С разной степенью наивности или самосознания эти женщины (как правило, представительницы среднего класса и, конечно же, горожанки) отказывались принять в качестве нормы ту жизнь, которая преподносилась им как идеальная. Их родственникам и мужьям, их воспитателям и духовным отцам было уже ясно, что замки, удерживавшие женщин веками дома, теперь будут сорваны, табу на женское участие в общественной жизни — нарушены, а запреты на политическую деятельность женщин — опровергнуты.

Но даже более важным, чем грамотность сама по себе, был вопрос о возможности для женщин войти в некую область самовыражения, в «домен», который почитался священным и потому ограждался изменчивыми запретами, — в область литературного сочинительства и публицистики (куда женщины были допущены не ранее XVII века), науки, в особенности истории и философии (не ранее XIX столетия, да и то условно).

СЛУШАЯ ИХ ГОЛОСА

Все больше женщин со временем становились социально активными личностями, то есть людьми, чье согласие или несогласие уже играло свою роль. Однако поначалу женщины говорили через «других», а именно через мужчин, которые изображали их на сцене (античность), а затем в литературе. Гендерная экспертиза текстов европейских авторов от раннего Средневековья до новейшего времени выявляет, что в качестве фона, оттеняющего деяния великих мужей, там фигурировало множество женских образов. Средневековые хронисты любили поговорить о королевах и дамах, которые своим присутствием украшали празднества и были

незаменимы, когда решались вопросы заключения браков. В Новое время отношения полов могли все чаще оказывать влияние на политику, и если при русском дворе XVII века влиятельные женские фигуры не были слишком заметны, то двор Людовика XIV и прославившей его маркизы де Монтеспан во Франции стал миром, в котором мужчины очевидно должны были немного потесниться. XVIII век, его литература и живопись убеждают: без женщин мужчины в то время уже себя и не пытались мыслить. Иной вопрос — о гендерном балансе (который тогда так никто не именовал, но имел в виду). Относя женщин к области Природы и помещая мужчин в область Культуры, социальные теоретики обосновывали извечность и непреодолимость такого, как им казалось, «равновесия». Мнением самих женщин никто не интересовался. Вот почему важнейшим содержанием женской истории было обретение самыми грамотными и образованными из них своего права на самопредставление в «своеручных записках» — автобиографиях, мемуарах, дневниках, письмах.

Нерешительный вначале, голос женщин постепенно обретал силу, особенно в последние два столетия: беседы, письма... С каждым веком это основание будущей «женской истории» становилось все прочнее, а число свидетельств женского осмысления происходящего росло в геометрической прогрессии. Именно в XIX веке жизненный путь женщин получил новое концептуальное осмысление, ведь на первый план выдвинулась (как это типично для буржуазного общества) история личной жизни, в случае с женщинами — особенно жестко подчиненная четкому и продуманному кодексу общественных норм.

Промышленную революцию, с историей которой связывают весь XIX век, сопровождало обретение все новыми странами Европы и Америки демократических свобод. Влияние этой революции на жизнь множества женщин было неоднозначным, но именно она разрушила узы экономической и символической зависимости, до недавнего времени привязывавшей их к отцам или мужьям. Первостепенное значение приобрела личность, и период с 1789-го по десятые годы XX века никак уже не назвать временем безраздельного мужского доминирования и абсолютного подчинения женщины. Женщины наконец решились заявить о своих чаяниях. На политической арене десятка стран Европы они выступили как сила, объединенная более или менее единым коллективным действием, направленным на обеспечение правового равенства, пре-

жде всего в вопросах труда, получения образования, а следом — и гражданских прав индивида.

«История под знаком гендера» заставила заметить в прошлом механизм обретения прав безвластными. Именно поэтому история феминизма и женского движения стала толчком к социальному пробуждению женщин-историков спустя столетие — в конце 1960-х годов.

Феминистки второй волны — 1960–1970-х годов — поставили прямой задачей пробуждение нового социального женского самосознания, основанного на признании того, что формальное юридическое закрепление равенства прав еще не обеспечивает внимания к интересам женщин, не признает их «особости». Они заявили о необходимости глубоких преобразований культуры — во имя изменения модели межполовых отношений. Они сделали акцент на социально-половых различиях, а не на сходстве и равенстве, как это делали их старшие «сестры» в XIX веке. Целью «новых шестидесятниц» стало создание свободной, автономной женской личности.

...Термин «дискриминация» происходит от латинского *discriminatio*, что означает всего лишь... *различение*.

Различать, не ущемляя, не ограничивая, — это тонкое и сложное искусство.

Женская и гендерная история помогают им овладеть.

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНИН, ОЛЬГА ИСУПОВА

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ:

**СЛИШКОМ МАЛО РОЖАЕМ
ИЛИ СЛИШКОМ РАНО
УМИРАЕМ?**

В ЧТО ТАКОЕ НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЕМОГРАФИИ?

В последние годы демография оказалась в центре внимания как правительства, так и очень многих «простых», обычных людей в России. Это внимание выразилось даже в виде принятия специального закона — так называемого закона о материнском капитале. Этот закон впервые в России практически признал материнство как работу, достойную некоторого заметного материального вознаграждения, пусть и сложно получаемого и связанного с многочисленными ограничениями в отношении его использования. Существовавшие ранее материальные пособия и льготы даже для многодетных матерей вряд ли можно назвать существенными, в особенности по сравнению с материнским капиталом, который к тому же выплачивается не только многодетным, а уже начиная со второго ребенка (впрочем, достаточно многие в наше время всерьез называют многодетными женщин, имеющих только двоих детей).

Принятие закона произошло на фоне крайне низкой и постоянно еще более снижающейся рождаемости при увеличивающейся смертности, в попытке повлиять на естественное движение населения и уменьшить его убыль. Как же далеко зашел этот процесс уменьшения населения России? В чем его причины? Мало рождаем, рано умираем или, может быть, много мигрируем? И наконец, могут ли предпринятые властями меры переломить или хотя бы остановить негативные тенденции?

На эти важные вопросы должна дать ответы демография. Центральным показателем в демографии является численность населения, для изучения которой используются статистические данные и коэффициенты, характеризующие три основных процесса – рождаемость, смертность и естественное движение населения.

Естественное движение – это изменения, происходящие в численности и составе населения в связи с рожденьями, смертями, браками и разводами (косвенно влияющими на рождаемость и смертность). Помимо естественного движения население может меняться за счет миграций из данной страны в другие страны (эмиграция) и из других стран в данную страну (иммиграция).

Основной показатель рождаемости – общий коэффициент рождаемости – рассчитывается как число родившихся живыми детей на данной территории, деленное на среднегодовую численность населения, и измеряется в промилле (умноженный на 1000). Во второй половине 2000-х годов этот коэффициент в России оценивается примерно в 10 промилле. Таким образом, на каждую тысячу человек российского населения (всех возрастов и обоего пола) в год рождается примерно 10 детей. Это низкая рождаемость. Для сравнения, рождаемость на уровне биологического максимума, при достаточно здоровом населении и без применения абортов и контрацепции обычно может превышать 40 и даже 50 промилле, то есть рождений детей на 1000 человек в год.

В России с начала XX века общий коэффициент рождаемости снизился в 5,4 раза и продолжает снижаться.

Таблица 1.

Динамика общего коэффициента рождаемости в России

Год	1913	1926	1940	1950	1960	1979	1980	1990	2000
Число родившихся на 1000 человек населения	47,8	43,4	33,0	26,9	23,2	14,6	15,9	13,4	8,7

Достаточно часто рождаемость измеряют в отношении не к населению в целом, а только для женщин репродуктивного возраста (совокупность всех женщин в возрасте 15–49 лет, живущих на данной территории). Кроме того, интересно также измерение числа рождений в каждый данный год женщинами отдельных возрастных групп. Всю вто-

рую половину XX века и сейчас в России в основном рожают женщины от 20 до 35 лет. Это кажется нам естественным, но так было не всегда: несмотря на гораздо более низкий уровень развития медицины, в первой четверти XX века около 18% всех рождений приходилось на долю матерей в возрасте от 40 до 50 лет! Если сейчас средний возраст рожениц составляет 24,6 лет (речь идет о рождении всех, не обязательно первых детей), то в первой четверти XX века он составлял около 30 лет, то есть женщины моложе 30-ти рожали столько же детей, сколько и женщины старше 30 лет.

Если посмотреть, как исторически изменялась рождаемость в России на протяжении XX века, то мы увидим, что периоды снижения шли своеобразными «волнами», связанными не столько с самими значимыми событиями – сменами общественного строя или войнами, а скорее с их последствиями. Так, в период с 1930 по 1950 год среднее число детей в расчете на одну женщину упало с 6,58 до 2,7, однако этот уровень еще обеспечивал простое воспроизводство (под простым воспроизводством понимается ситуация, когда женщина рождает как минимум двоих детей, чтобы заместить себя и мужа. Однако не все дети доживают до того возраста, когда сами смогут рожать детей, поэтому коэффициент рождаемости для простого воспроизводства населения должен быть несколько выше – от 2,1 до 2,3). Второе снижение произошло в конце 1960-х, когда число детей, рожденных одной женщиной, стало ниже уровня простого воспроизводства – 2,2. Наблюдавшиеся подъемы рождаемости носили краткосрочный и незначительный характер, при этом спады приходились прежде всего на женщин в возрасте максимальной фертильности – от 20 до 35 лет. Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего XX века пионерами снижения рождаемости в России всегда служили молодые женщины. Второй характерный факт – заметное и пока необратимое снижение рождаемости в старших возрастах – от 40 до 50 лет. Если в начале прошлого века практически каждая женщина в среднем в эти годы рожала по одному ребенку (то есть если кто-то после 40 не рожал вообще, то какая-то другая женщина рожала двоих и более), то в наши дни этот показатель упал до 1 ребенка на 100 женщин! Снижается и средний возраст материнства в России: если в начале XX века он составлял 29 лет, то в начале нынешнего века – 25 лет.

Характерны ли эти тенденции только для России или и для каких-то других стран мира? Посмотрим, как выглядят коэффициенты рождаемости в разных странах. В таблице 2, составленной на осно-

вании официальной статистики ООН, приведены данные на первое десятилетие XXI века (включая прогноз на последние два года).

Таблица 2.

**Коэффициенты рождаемости в некоторых странах мира,
от максимального (Нигер) до минимального (Гонконг)**

Ранг страны по уровню рождаемости	Страна 2000–2005	Рождений на женщину	
		2005–2010	
1	Нигер	7,45	7,19
39	Ирак	4,86	4,26
52	Пакистан	3,99	3,52
58	Таджикистан	3,81	3,35
74	Египет	3,17	2,89
77	Индия	3,11	2,81
94	Узбекистан	2,74	2,49
102	Казахстан	2,01	2,31
109	Бразилия	2,35	2,25
119	Турция	2,23	2,14
127	США	2,04	2,05
128	Исландия	1,99	2,05
133	Ирландия	1,97	1,96
137	Франция	1,88	1,89
147	Финляндия	1,75	1,83
148	Великобритания	1,70	1,82
149	Азербайджан	1,67	1,82
151	Швеция	1,67	1,80
154	Китай	1,70	1,73
155	Нидерланды	1,73	1,72
156	Люксембург	1,67	1,66
166	Швейцария	1,42	1,42
169	Испания	1,29	1,41
170	Грузия	1,48	1,41
172	Армения	1,35	1,39
173	Италия	1,29	1,38
175	Германия	1,35	1,36
177	РОССИЯ	1,30	1,34
184	Япония	1,29	1,27
186	Сингапур	1,35	1,26
188	Чехия	1,18	1,24
190	Польша	1,25	1,23
191	Украина	1,15	1,22
192	Южная Корея	1,24	1,21
193	Беларусь	1,24	1,20
194	Гонконг	0,94	0,97
В среднем в мире		2,65	2,55

Как можно увидеть из этой любопытной таблицы, развитые страны (причем все без исключения!) на данный момент не достигают уровня простого воспроизводства — 2,2 ребенка на женщину. Эта тенденция особенно характерна для стран Европы, а также для развитых стран Азии: даже в «лучших» из них (Исландия, Ирландия, Франция) он колеблется в районе 2,0, тогда как средний показатель равен 1,4 — примерно как и в России, которая находится в нижней части списка, на 177-м месте из 194. В среднем по миру суммарный коэффициент рождаемости превышает 2,5, однако весь прирост достигается за счет стран третьего мира — прежде всего африканских.

По аналогии с рождаемостью, смертность обычно измеряется общим коэффициентом смертности.

Уровень смертности примерно 16 промилле (то есть 16 человек на 1000 населения), характерный в настоящее время для России, относится к разряду высоких (низкими считаются коэффициенты до 10 промилле, а очень или чрезвычайно высокими — более 25 промилле).

В нашей стране наименьший уровень смертности (8,5 для мужчин и 6,9 для женщин) был отмечен в 1958—1959 годах. Впоследствии он вырос как в итоге общего постарения населения (увеличения доли людей старших возрастов и уменьшения доли детей и молодежи), так и в связи с исчерпанием резервов снижения смертности от «предотвратимых» причин (например, инфекционных заболеваний), которое произошло благодаря распространению доступных медицинских услуг на все слои населения. Таким образом, сам по себе рост коэффициента смертности не обязательно означает, что люди стали жить хуже.

Существенное влияние на рост смертности оказало и глубинное структурное преобразование общества в 1990-е годы, к которому очень многие не смогли приспособиться. Оно совпало по времени с отменной горбачевской антиалкогольной кампанией, то есть с новой либерализацией продажи спиртного, что также вызвало всплеск смертей. Кстати, во время самой антиалкогольной кампании, какой бы непродуманной она ни была, смертность в СССР снизилась, особенно заметно в рабочих и детских возрастах (за счет детей пьющих родителей).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПЕРЕД ПРИНЯТИЕМ НОВЫХ ЗАКОНОВ

Согласно данным Росстата, в Российской Федерации в составе СССР в 1990 году проживало 148,2 млн человек. После распада СССР численность населения независимой России неуклонно снижалась: к 2000 году она упала до 144,8 млн, по данным переписи 2002 года, население России составляло 145,2 млн человек (из них граждан страны 142,5 млн), осенью 2008 года, согласно оценкам Института демографии ГУ-ВШЭ, нас осталось 141,8 млн. В начале 2000-х гг. население России сокращалось на 700 тыс. человек в год (рождается около 1,5 млн, умирает 2,2 млн). И это при том, что на протяжении всех последних лет в России наблюдалось положительное сальдо миграции (число приехавших в страну за вычетом числа уехавших). И хотя это сальдо упало с 360 тыс. в 1997 году до 100 тыс. в 2007-м, по данным ООН, в это время в России проживало свыше 6% всех мировых иммигрантов (это второй показатель в мире после США).

Однако и такая массовая иммиграция не помогла стабилизировать численность населения. При коэффициенте рождаемости около 10 промилле и коэффициенте смертности 16 промилле, миграционный прирост (разница между иммиграцией и эмиграцией) в среднем 40 тыс. человек в год был попросту не в состоянии компенсировать превышение смертности над рождаемостью.

Очевидно, что в России идет процесс депопуляции, то есть убыли населения. Если он продлится такими же темпами, что и в последние 15 лет, то уже в ближайшие три-четыре года численность населения страны упадет ниже отметки 140 млн, а к середине века составит около 125 млн. Возможны и более пессимистичные сценарии, согласно которым рубеж 125 миллионов будет пройден уже к 2020 году, а в середине века численность населения снизится до 100 млн*.

Процесс депопуляции в России имеет существенные отличия от происходящего в развитых европейских стран с убывающим населением. Конечно, коэффициент рождаемости в России несколько

* Интересующиеся этой темой могут подробнее с ней ознакомиться в демографическом интернет-издании Демоскоп: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r99/razdel7g2_1.html

ниже, чем в таких странах, как Ирландия, Франция, Норвегия, Нидерланды, Великобритания, Швеция, однако он все-таки несущественно отличается от других европейских стран. Большая часть потерь определяется уровнями смертности, не имеющими аналогов в европейском регионе. Если в конце XIX века ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России составляла чуть более 30 лет, а с 1960 по 1991 год колебалась в районе 68–69 лет, то в постперестроечные годы она резко снизилась почти на 5 лет, достигнув к 1994 году уровня 64 года, в том числе для мужчин 57,6 лет, для женщин 71,2 года. В начале XXI века Россия стала наверстывать упущенное, однако до сих пор отстает по этому показателю от десятки наиболее развитых стран мира (США, Бельгия, Канада, Норвегия и др.) на 15–19 лет для мужчин и на 7–12 лет для женщин.

На фоне других стран особенно удручает разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин. Разрыв почти в 15 лет связан, конечно, и с образом жизни, и с наследием 1990-х (когда, по некоторым оценкам, почти каждый десятый молодой человек в возрасте 20–35 лет «работал» в преступной группировке), и с ускоренной миграцией людей трудоспособного возраста, и соответственно с увеличением доли старших возрастов. Среднестатистический российский мужчина едва доживает до пенсионного возраста!

РОССИЯ И ДРУГИЕ СТРАНЫ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Как уже отмечалось, показатели рождаемости в развитых странах существенно ниже, чем в развивающихся. Если судить по этому показателю, то Россия смело может быть отнесена к развитым странам: коэффициент рождаемости у нас весьма близок к аналогичным показателям стран Евросоюза. Характерно и то, что в большинстве развитых стран падение коэффициента суммарной рождаемости ниже уровня простого воспроизводства 2,2 ребенка на женщину пришелся на конец 1960-х–начало 1970-х годов, причем еще в начале XX века этот уровень превышал 5 детей на женщину. Это снижение рождаемости известно в демографии как *первый демографический переход*. Основной причиной этого перехода принято считать развитие медицины, приводящей к рез-

кому снижению уровня детской смертности, что позволяет сохранить жизни практически всех рожденных и желанных детей. В России этот переход начался в начале прошлого века и завершился с выходом на уровень простого воспроизводства в 2,7 ребенка на женщину ко второй половине 1950-х годов. Инструменты снижения рождаемости были разными в разных странах, однако последствия оказались аналогичными. В Западной Европе широкое распространение получили презервативы и другие механические средства контрацепции средней надежности, а в СССР основным способом предотвращения нежелательных родов были аборты, роль которых снизилась лишь в наши дни.

Следующий за этим периодом этап снижения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства известен как *второй демографический переход*. Он объясняется тем, что в условиях устойчивого роста благосостояния и личного благополучия рождение детей начинает сопоставляться с другими ценностями: карьерой, самореализацией, потреблением — и выбор часто делается не в пользу рождения детей. Это становится характерным для широких масс мужчин и женщин, в то время как ранее такой подход был свойствен лишь представителям отдельных (например, творческих) профессий. Возможность осуществления репродуктивного выбора подкрепляется «контрацептивной революцией», то есть появлением и широким распространением надежных и все менее вредных для здоровья средств контрацепции. В России этот переход начался в 1960–1970-е годы и окончательно завершился в конце XX века, когда среднее число детей на одну женщину, рожденных за всю жизнь, упало с и без того низкого показателя 1,6 до 1,25.

Вместе с тем не следует думать, что эти тенденции характерны исключительно для России. Большинство современных демографов разделяет взгляд, согласно которому первый и второй демографический переходы — это универсальный путь, по которому постепенно проходят все страны; даже пугающие многих своим крайне высоким естественным приростом в настоящий момент страны третьего мира тоже уже стоят на самой начальной ступени первого этапа. Если это так, то снижение рождаемости рано или поздно наступит и в тех странах, где сейчас рожают помногу, и население Земли в долгосрочной перспективе должно стабилизироваться и даже, скорее всего, начнет уменьшаться.

В отношении смертности существуют концепции первого и второго эпидемиологического переходов. Первый связан со значительным снижением смертности от «внешних» причин — заразных болезней, недоедания, антисанитарии, в основном за счет снижения огромной до этого младенческой смертности. Этот переход произошел в большинстве развитых стран в 1900—1920-е годы в результате широкого внедрения в практику основных санитарных норм, особенно в отношении ухода за младенцами. В 1940—1950-е годы смертность от «внешних» причин дополнительно снизилась с широким распространением сульфаниламидных препаратов и антибиотиков, которые позволяют избежать смерти от болезни даже в случае, если санитарные нормы были нарушены и заболевание возникло. В России смертность также значительно снизилась еще в 1920-е годы, однако в середине века из-за голода, войны, массовых репрессий численность населения существенно колебалась, прежде чем первый эпидемиологический переход более или менее завершился к 1950—1960-м годам. Именно тогда Россия наконец в целом решила (или свела до минимума) проблемы, связанные с низкой гигиенической культурой, антисанитарией, недоеданием, отсутствием элементарной медицинской помощи, с которыми связано распространение туберкулеза и других инфекционных заболеваний.

Второй эпидемиологический переход произошел в развитых странах после 1960-х годов. Он связан как с успехами медицины, позволяющими преодолеть болезни «внутренней» природы (или, по крайней мере, продлить годы жизни даже при наличии сердечно-сосудистых, онкологических, диабета и т.п. заболеваний), так и (прежде всего) с активностью самого населения в вопросах поддержания своего здоровья, распространении знаний и практик «здорового образа жизни» (отказ от курения, умеренное потребление алкоголя, здоровое питание, стремление к защите окружающей среды).

Наша страна пока к этому переходу не подошла даже близко, несмотря на то, что определенные успехи медицины есть и у нас. Но, во-первых, они распространены только на очень незначительную, обеспеченную и активную в отношении их применения группу населения. Во-вторых, сами по себе успехи медицины ни к чему не приводят: они должны подкрепляться изменением образа жизни, государственными программами в поддержку здоровья и спорта (в 8-миллионной

Швеции, к примеру, постоянно функционирует 26 000 добровольных спортивных клубов!), а также формированием системы ценностей, способствующих росту продолжительности и качества жизни.

С этими ценностями связана и политика в сфере рождаемости. И хотя о причинно-следственных связях однозначно говорить нельзя, обращает на себя внимание тот факт, что из европейских стран рождаемость выше всего в странах Скандинавии и во Франции, где в настоящее время проводится наиболее активная пронаталистская (стимулирующая рождаемость) социальная политика: высокие пособия на рождения детей, мощная система детских садов, льготы для многодетных семей (например, бесплатный проезд на общественном транспорте) и др. Наиболее же низкая рождаемость отмечается в Италии, Испании, Германии, а также в ряде стран Восточной Азии, прежде всего в Японии, Гонконге, Сингапуре и Южной Корее, где это не в последнюю очередь связано с традиционными ценностями. Большая часть бремени в случае рождения ребенка возлагается там на женщину, при том что сфера жизнедеятельности женщины-матери ограничивается кругом семьи, а статус ее сравнительно низок, тогда как рынок труда предоставляет женщине гораздо более заманчивые перспективы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Несмотря на то, что население нашей страны начало неуклонно снижаться еще с начала 1990-х годов, правительство России стало принимать меры лишь в середине 2000-х. Основная роль в демографической политике РФ сейчас отведена мерам по стимулированию рождаемости и снижению смертности, а также так называемой замещающей миграции. Ожидается, что к 2015 году миграционный прирост населения может составить 160–170 тыс. человек в год, а к 2015 году он достигнет уже 300 тыс. в год. При этом государство в первую очередь надеется на приток мигрантов из стран СНГ и Балтии, так что их адаптация к российским условиям будет относительно несложной; однако и этот потенциал не следует преувеличивать, учитывая, что большинство из склонных к переселению в Россию из ближнего зарубежья мигрантов уже сделало это, а те, кто остался, все более и более ассимилируются в новых независимых государствах.

В послании президента РФ Федеральному Собранию в 2006 году был анонсирован пакет мер, направленных на повышение рождаемости:

– Закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 26 апреля 1995 года с поправками:

□ предполагает выплату пособия по беременности и родам за 70 дней до и 70 дней после родов. Размер пособия высчитывается по среднему заработку женщины, однако не должен превышать определенной максимальной суммы (в 2006 году она составляла 16 625 руб./мес., а в 2007 году. – 23 400 руб./мес.). Ограничение пособия этой суммой признано незаконным Конституционным судом РФ, однако выплачивается пока именно сумма, не превышающая указанную;

□ женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель), выплачивается единовременное пособие в размере 300 руб.;

□ при рождении ребенка выплачивается единовременное пособие (в 2006 году оно составляло 8000 руб.);

□ выплачивается также пособие по уходу за ребенком: ежемесячно до полутора лет оно составляет 40% от зарплаты, но должно составлять не менее 1500 и не более 6000 руб./мес. (до 2007 года было 700 руб.мес.);

– с 2006 года введены в действие родовые сертификаты на сумму 11 000 руб. Эти деньги перечисляются медицинским учреждениям: по 3000 руб. за каждую пациентку женским консультациям за ведение беременности, по 6000 руб. за каждую пациентку роддомам за роды, по 2000 руб. за каждого родившегося ребенка педиатрам/детским поликлиникам;

– принята программа «Молодая семья», предусматривающая льготное предоставление кредитов на жилье и частичное погашение кредитов за рождение каждого ребенка;

– с 1 января 2007 года действует Закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (Закон «О материнском капитале»). Согласно этому закону:

□ мать, родившая второго ребенка (а при наличии двух и более детей любого последующего ребенка, но только один раз), получает право на получение от государства 250 тыс. руб. (сумма индексируется с ростом инфляции, в 2008 году она составляла 267 500 руб.);

□ возможность получения денег отложена на три года после рождения ребенка, а в случае смерти матери переходит ребенку по достижении им 18 лет;

□ воспользоваться «материнским капиталом» можно только в безналичном виде на одну из трех целей: вложить в жилье, потратить на образование ребенка, включить в накопительную часть пенсии матери.

Повышение рождаемости у всех стремящихся к материнству женщин стало одной из целей национального проекта «Здоровье». В рамках этого проекта в 2006 году 3000, а в 2007 году уже 7000 женщин получили квоты на проведение двух циклов бесплатного экстракорпорального оплодотворения – высокотехнологичной медицинской процедуры, позволяющей парам, страдающим как женским, так и мужским бесплодием, добиться желанной беременности. Хотя масштабы этой проблемы в России оцениваются неоднозначно и средняя эффективность ЭКО составляет около 30%, двухлетние квоты сами по себе должны были привести к рождению около 7800 детей, у которых в противном случае не было бы шансов появиться на свет.

Центральным элементом нацпроекта «Здоровье» является повышение средней продолжительности жизни населения РФ с теперешних 66,7 до 70 лет, главным образом в результате своевременной помощи пострадавшим в ДТП и оказания экстренной медицинской помощи после инсультов и инфарктов – двух наиболее массовых причин смертности в трудоспособных возрастах (см. табл.3).

Таблица 3.

Число умерших в 2005 году на 100 000 населения по причинам смертности

болезни системы кровообращения	844	55,2%
новообразования (раковые заболевания)	205	13,4%
транспортные травмы (ДТП)	27	1,8%
отравление алкоголем	24	1,6%
убийства	28	1,8%
самоубийства	39	2,5%
болезни органов дыхания	70	4,6%
болезни органов пищеварения	44	2,9%
инфекционные и паразитарные болезни	25	1,6%
прочие	224	14,6%
Всего умерших	1530	100%

Источник: Росстат, 2005 год.

Что касается предотвращения смертности при дорожно-транспортных происшествиях, предусмотрено обеспечение медицинским оборудованием и санитарным автотранспортом 76 медучреждений, расположенных вдоль федеральных автомобильных трасс в 11 субъектах РФ с тем, чтобы была оптимизирована транспортировка пострадавших в медицинские учреждения и им вовремя была оказана квалифицированная медицинская помощь. Важна также своевременная помощь при инфарктах и инсультах, что позволит не только снизить смертность от этих заболеваний, но и уменьшить инвалидизацию от них, продлить трудоспособность людей. Учитывая огромный процент умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний в России (около половины всей ежегодной смертности), введение этой программы, при условии доступа к ней большей части населения, могло бы снизить смертность на 0,5–2 промилле в год (первая цифра – если доступ к высокотехнологичной помощи получат только жители крупных городов, вторая – если сеть больниц высокотехнологичной помощи при инфарктах и инсультах будет охватывать также небольшие города и поселки). Согласно плану правительства, в каждом субъекте РФ должны быть созданы региональные специализированные центры и первичные отделения, оснащенные современным диагностическим и медицинским оборудованием, способные предотвратить смертность и инвалидизацию людей, пострадавших от этих заболеваний.

Однако сопоставление этих мер с опытом развитых стран, еще на рубеже 1950–1960-х годов столкнувшихся с проблемой исчерпания ресурсов снижения смертности от инфекционных и других «простых» болезней, показывает, что по-настоящему эффективны в отношении снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, онкологии и даже ДТП не меры скорой помощи, а социальные изменения: улучшение условий жизни населения и борьба с бедностью (поддержка социально уязвимых групп населения); оздоровление образа жизни; профилактика болезней и укрепление системы охраны здоровья в целом. Эксперты признают, что практически по всем этим направлениям в нашей стране не ведется настоящей работы, а ведь есть проблемы, вызванные глубоко укоренившимися и получающими все более широкое распространение привычками, ставшими чуть ли не элементами национальной идентичности (например, интенсивное потребление алкоголя).

Для снижения смертности от обусловленных ими причин необходима по-настоящему широкомасштабная, продуманная, а не просто «запретительная» кампания.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Меры социальной политики, прежде всего введенный в действие с начала 2007 года «Закон о материнском капитале», по-видимому, начинают действовать. В памяти читателей, возможно, запечатлелся даже известный ажиотаж в родильных домах по всей России в декабре 2006 года, когда многие роженицы нарочно откладывали роды и давали взятки врачам, только бы родить после 1 января. Тенденция продолжилась: в 2007 году в стране родилось 1,602 млн человек, что стало локальным рекордом за все время после распада СССР. В то же время этот рекорд «не делает погоды»: показатель предыдущего года превышен на 8,2%, в то время как смертность, составившая за 2007 год 2,080 млн человек, снизилась лишь на 4% по сравнению с предыдущим годом. Естественная убыль, рассчитываемая как разница между числом умерших и родившихся, составила 477,7 тыс. человек против 687,1 тыс. годом ранее. Таким образом, можно констатировать, что, хотя последний год и принес положительные сдвиги, его итоги следует интерпретировать не как демографический рост, но лишь как замедление темпов спада. Однако и этими результатами не стоит обольщаться, ведь предыдущая кампания «борьбы за демографию» во второй половине 1980-х, когда, в частности, были увеличены детские пособия, а отпуск по уходу за ребенком продлен до трех лет, также увенчалась тактическим успехом в виде роста рождаемости в первые несколько лет. К сожалению, рост оказался краткосрочным, а итоговый коэффициент рождаемости продолжал снижаться, вскоре уже и под действием перестроечных процессов. Причина такого спада проста: экономические меры, направленные на повышение рождаемости, не воздействуют на фундаментальные нормы и ценностные установки в обществе. Поскольку нормой в последние полстолетия в России считается не более чем двухдетная семья, то даже довольно значительное (в процентном отношении) увеличение детского пособия не приводит к росту общего числа рожденных детей. В 1980-е годы произошло следующее: женщи-

ны, собиравшиеся родить через несколько лет, просто перенесли свои роды на более ранние годы. В результате чего одновременно родили как те, кто и без того планировал сделать это на эти годы, так и те, кто собирался рожать позже. За этими цифрами не стоят радикальные сдвиги социальных норм, о чем косвенно свидетельствует и то, что в 2007 году по сравнению с 2006 годом возросло не только число браков, но и число разводов.

Да, в 2008 году появились данные о том, что растет также число вторых и последующих рождений. Абсолютными лидерами в этом отношении среди регионов России стали Сибирь и Дальний Восток. За первое полугодие 2008 года зарегистрировано на 7,8 % больше рождений детей, чем в предыдущем году. Число вторых и последующих рождений составило 44,2% в общей статистике рождаемости этого года против 39,1% в предыдущем году. Чаше рождались двойни и тройни по сравнению с предыдущим годом (возможно, в связи с ростом эффективности работы клиник, применяющих вспомогательные репродуктивные технологии и гормональную терапию, поскольку в результате таких воздействий повышается частота многоплодных беременностей).

В то же время пока явно недостаточны и как минимум противоречивы результаты в отношении снижения смертности. Несмотря на повышение рождаемости, численность постоянного населения Российской Федерации продолжает уменьшаться — за первое полугодие 2008 года она снизилась на 133,7 тыс. человек, или на 0,09%. В целом по стране превышение числа умерших над числом родившихся составило 1,3 раза (в первом полугодии 2007 года — 1,4 раза), в 10 регионах России оно составило 2–2,5 раза. Увеличившийся миграционный прирост отчасти компенсировал численные потери населения, однако этого не хватило для перелома тенденции снижения численности российского населения.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ

Обрисовав в общих чертах демографическую ситуацию в современной России, обратимся к главным, быть может, вопросам. Какие же глубинные причины обусловили нынешнюю депопуляцию России? До какой степени эти причины неизбежны, а где и в чем на них

следует влиять? Наконец, насколько эти причины специфично российские и может ли быть полезен при выработке мер противодействия демографическому спаду анализ зарубежного, прежде всего западно-европейского опыта? Без ответов на эти вопросы трудно рассчитывать и на корректный анализ тенденций рождаемости и смертности, и на выработку взвешенной демографической политики.

Некоторые соображения, проливающие свет на этот круг вопросов, мы уже высказали. Во-первых, естественное движение населения определяется соотношением рождаемости и смертности, за которым, в свою очередь, стоят достаточно разноплановые факторы. Интуитивно можно было бы предположить, что рождаемость в большей степени зависит от материального благополучия, крепости семейных отношений, бытового устройства, а смертность — особенно это касается мужчин в среднем и старшем возрастах — от образа жизни и качества медицинского обслуживания. При тщательном рассмотрении оказывается, однако, что интуиция не приводит к точному знанию, о чем мы подробнее поговорим чуть ниже, обратившись сперва к третьему вопросу — о пользе зарубежного опыта.

Как мы уже отмечали, показатели воспроизводства населения в разных странах тесно связаны с уровнем их экономического развития. Эта закономерность слишком ярко выражена, чтобы быть случайной. И действительно, ей есть достаточно убедительные объяснения. Чем развитые страны отличаются от развивающихся? Конечно, уровнем доходов и производственными технологиями, — но также и степенью доступности медицинских товаров и услуг. К числу товаров относятся, к примеру, противозачаточные средства, самые эффективные из которых (презервативы и гормональные препараты) либо были недоступны среднестатистическому человеку, либо попросту не существовали. Другой аспект развития — образование: чем выше его уровень, тем легче человеку разобраться, как правильно применять гормональные препараты. Технологии и образование развивались рука об руку, предоставляя в распоряжение жителей развитых стран все более и более совершенные и доступные во всех отношениях средства контроля за рождаемостью и переводя любую беременность из разряда «воли Божьей — Бог дал, Бог и взял» в продукт человеческой воли. Одновременно развитие медицины позволяет всерьез бороться с детской смертностью (до 1 года), что опять-таки понижает уровень рождаемости, при котором число выживших детей соответствует

желаемому для родителей. Наконец, важно и то, что само это желаемое число детей в доиндустриальные времена определялось иначе, чем в наши дни. Еще в конце XIX века 90% населения России составляли крестьяне, для которых дети были не только нахлебниками (и не столько наследниками!), но еще и бесплатной рабочей силой – помощниками в нелегком крестьянском труде. Каждый ребенок в крестьянском хозяйстве был при деле – маленькие пасли гусей и коров, ворошили сено, вязали снопы, помогали по дому, подростки участвовали и в тяжелых полевых работах – жатве, пахоте, косьбе. В этих условиях большая семья была не столько следствием любви к детям, сколько экономической необходимостью. Одним из первых это, кстати, подметил наш соотечественник Александр Васильевич Чаянов (1888–1937). С точки зрения Чаянова, признанной ныне большинством экономистов, рожать и растить детей выгодно до тех пор, пока прирост благ, привнесенных дополнительным ребенком, оказывается выше, чем расходы на его рождение и выращивание. В условиях низкой производительности труда и практического отсутствия машин семья из десяти человек была, безусловно, более производительной, чем семья из четырех человек. В результате еще в конце 1930-х годов в России 42% сельских семей состояли из пяти и более человек. Дополнительным регулятором размера семьи выступала высокая детская смертность: в начале XX века в России примерно каждый четвертый новорожденный умирал в возрасте до года. Радикальное снижение этой цифры до нынешних 15 на тысячу произошло лишь к 1960 году, причем по этому показателю Россия до сих пор отстает от ведущих развитых стран, где он составляет от 3 до 6 новорожденных на тысячу.

Теперь ясно, что одной из причин первого демографического перехода стало исчезновение причин, по которым большая семья живет лучше, чем маленькая: к середине XX века в России не только выросла механизация в сельском хозяйстве и снизилась, наконец, детская смертность, но и произошло массовое «раскрестьянивание», из сельской страна превратилась в городскую, и физическое выживание и благополучие каждого человека перестало зависеть от числа рабочих рук в семье. В то же время произошли важные социальные сдвиги: несмотря на формальное признание, неформально общество по-прежнему невысоко ценило роль и труд многодетных матерей, многие из которых, к тому же, лишились мужей в годы войны и вынуждены были в одиночку рас-

тить и воспитывать нескольких детей. Напротив, молодые горожанки, вступившие в детородный возраст в 1950-е, получили наконец возможность выбирать, чему посвятить свою жизнь — карьере, друзьям, увлечениям и т.п. или детям. Рост качества жизни, с одной стороны, и роли сознательного выбора — с другой, привел к формированию принципиально иной модели семьи, в которой дети рассматривались как один из объектов «потребительского выбора», наряду с такими благами, как автомобиль, дача или поездки на курорт. Американский экономист, нобелевский лауреат Гэри Беккер, один из основоположников экономической теории семьи, объяснял этот сдвиг следующим образом. Поскольку в современном обществе человек может сам выбирать, сколько и когда заводить детей, и поскольку его выбор диктуется рациональными соображениями, рождение каждого дополнительного ребенка целесообразно лишь тогда, когда полезность (степень удовлетворенности) от его наличия будет не просто превышать расходы на него, но и окажется выше альтернативных вариантов расходования тех же материальных, временных и эмоциональных ресурсов. Более того, социальные и экономические нормы «общества потребления» включают в родительские функции обеспечение детям достойного положения в обществе. Следовательно, каждому ребенку надо дать еще и качественное образование, «поставить на ноги», найти высокооплачиваемую работу и т.п., а все это вновь требует родительских сил и средств. Поэтому, по теории Беккера, важную роль играет выбор между количеством и качеством детей, где это последнее измеряется величиной денежных вложений в одного ребенка. В современных развитых странах качество детей оказывается важнее количества — вплоть до того, что многодетность воспринимается как норма лишь для весьма состоятельных людей и даже как индикатор высокого социального статуса глав таких семейств.

Теория Беккера лежит и в основе современных подходов к оценке факторов, влияющих на решение родить (еще одного) ребенка. Если исходить из того, что рождение есть результат рационального выбора родителей, то каждая новая жизнь должна приносить максимальное приращение удовлетворения — большее, чем любые другие жизненные возможности.

Такая модель, разумеется, будет неполной даже при наличии идеальных данных, характеризующих состояние семьи. Сюда не

включены, например, такие факторы, как изменение образа жизни, связанное с рождением ребенка; ожидания, которые могут быть сильно смещенными (боязнь родов, изменение отношений в семье, опасения не справиться с малышом); изменение перспектив карьерного роста; положительная или отрицательная оценка коллег и друзей; наконец, просто любовь к детям (или отсутствие таковой!). Некоторые из этих факторов можно оценить и включить в функцию полезности, однако большинство из них все равно остается ненаблюдаемыми.

В какой-то степени об этих факторах можно судить на основании данных социологических опросов. Обобщение результатов таких опросов за 1994–2003 годы позволило построить модели, описывающие мотивы людей завести одного или нескольких детей.

Во-первых, «нормальной», с точки зрения респондентов, для нынешней России по-прежнему остается семья из двух детей. Вероятность родить второго ребенка является наибольшей из всех вероятностей рождения следующего ребенка (то есть больше, чем вероятность рождения первого, и больше, чем вероятность рождения третьего или четвертого и т.д.). Во-вторых, даже к этому решению приходят далеко не все. По данным опросов, в условном поколении 2003 года бездетными остаются 37% женщин детородных возрастов, при том что для условного поколения 1994 года таких было всего 30%. На практике чаще всего встречается семья с одним ребенком, однако если в 1994 году их было 32%, а двухдетных семей 31%, то к 2004 году доля однодетных выросла до 42%, а двухдетных осталось лишь 18%. Семьи с тремя и более детьми были и остаются маргинальными — они в любом случае как не оказывали, так и не оказывают в настоящее время определяющего влияния на рождаемость по стране в целом.

Вопреки ожиданию социологические модели не показывают, что при принятии решения о рождении ребенка решающую роль играют показатели материального благосостояния — такие, как доход семьи, наличие автомобиля или дачи, размер жилплощади на человека. К этим переменным, особенно к показателям денежных доходов, следует вообще относиться с осторожностью, поскольку люди склонны занижать или не полностью раскрывать их. Тем не менее эти результаты ставят под сомнение решающую роль чисто материальных стимулов в деле увеличения рождаемости в долгосрочной перспективе. И хотя имеющиеся дан-

ные (до 2003 года) не позволяют оценить эффект такого крупного пособия, как «материнский капитал», полученные результаты не позволяют утверждать, что даже он выведет рождаемость хотя бы на уровень простого воспроизводства. Да и сам материнский капитал – это не вполне пособие: им нельзя распоряжаться по своему усмотрению и даже вообще получить в виде наличных денег. Увеличение прямого ежемесячного пособия на ребенка до уровня реального прожиточного минимума, как это делается, например, в Скандинавских странах, могло бы иметь значительно больший эффект.

По-видимому, не играют важной роли и такие факторы, как самооценка здоровья женщины, религиозные убеждения, потенциальные помощники (например, наличие в семье бабушки), наличие бытовых удобств (такие, как горячее водоснабжение или централизованное отопление). Рождаемость по-прежнему несколько выше на селе – там вероятность рождения еще одного ребенка примерно на треть выше, чем в городе. Безусловно, положительно сказываются на решении рожать наличие спутника жизни (мужа или постоянного партнера), постоянной работы, более высокий уровень образования и, как ни парадоксально (а может, и наоборот!) – потребление алкогольных напитков, хотя этот фактор, видимо, справедлив лишь для определенной и не вполне рациональной категории респондентов.

Наконец, особую роль играют социальные факторы: в ряде моделей вероятность рождения увеличивается в зависимости от такого фактора, как разность между средним числом детей в регионе и числом детей в данной семье. Это означает, что люди стремятся соответствовать социальной норме, «быть как все», в том числе и по такому показателю, как число детей.

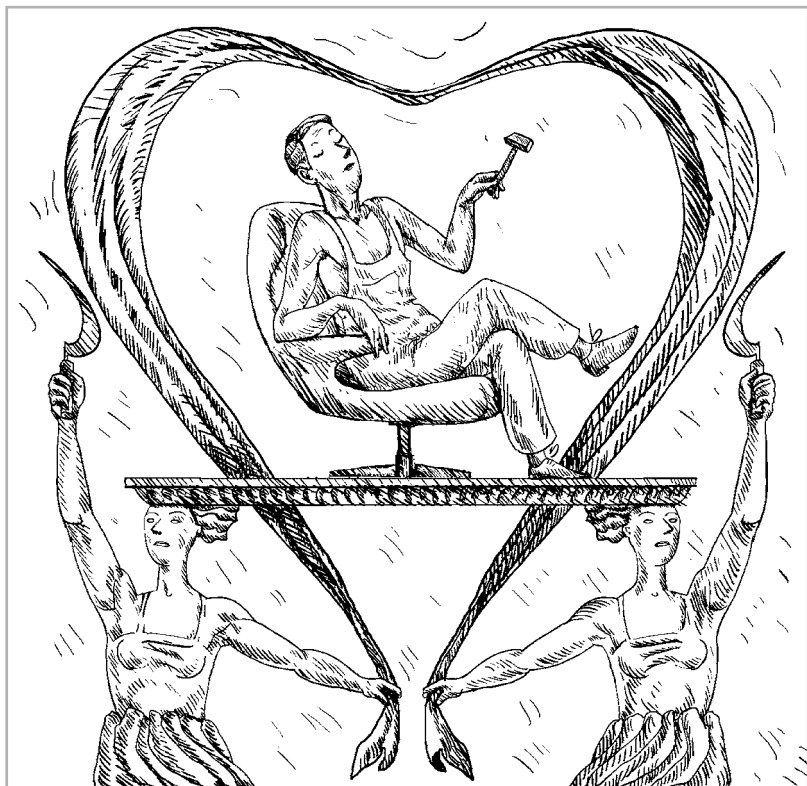
Подведем некоторые итоги. Для современной России наиболее характерен тип семьи с одним или двумя детьми, причем в пост-перестроечные годы произошел существенный сдвиг в пользу однодетной семьи. Эти выводы вполне соответствуют суммарному коэффициенту рождаемости в районе 1,3–1,4, который демографическая статистика фиксирует в России и который совпадает со средней для европейских стран. Такой уровень недостаточен для простого воспроизводства населения: чтобы его добиться при нынешнем уровне смертности, каждая женщина в стране должна рожать в среднем на одного ребенка больше, чем

сейчас. Есть ли выход из этой ситуации или население России в долгосрочной перспективе будет сокращаться?

Первым положительным знаком служит то, что к демографии (и более широко – к проблеме здоровья нации) наконец обратилось государство: пакет законов, включающий закон о материнском капитале, беспрецедентно щедр к будущим матерям по меркам всей российской истории, включая дореволюционную. Тем не менее первые результаты программы охлаждают запал оптимизма: рост рождаемости за первые полтора года действия новых мер не превысил 15% вместо требуемых 100%, и есть основания полагать, что в долгосрочной перспективе (в терминах реальных поколений) этот эффект будет затухать. Несколько обнадеживает тот факт, что население страны среагировало на пакет предложенных мер. Поощрение от *государства* при этом сыграло и определенную символическую роль, стимулируя завести еще одного ребенка тех, кто, возможно, испытывал колебания по этому поводу.

Будем, однако, объективны: не факт, что и дальнейшее увеличение символической и материальной поддержки матерей достигнет цели. До сих пор ни одна из развитых стран (не исключая и страны, обеспечившие режим наибольшего благоприятствования для многодетных семей) не сумела решить даже задачу обеспечения простого воспроизводства населения. С вековыми трендами спорить крайне сложно, и в среднесрочной перспективе, по-видимому, придется рассчитывать в лучшем случае на сохранение нынешних темпов рождаемости и стабилизацию численности населения за счет ассимилированных мигрантов и снижения смертности в старших возрастах.

ЕЛЕНА ЖИДКОВА, ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

СЕМЬЯ
С ГЕНДЕРНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ:
ТИХАЯ ЗАВОДЬ,
ПОЛЕ БИТВЫ
ИЛИ
КОММЕРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ?

Семейная жизнь часто ассоциируется с чем-то частным, закрытым. С пространством, куда загнанный бешеным ритмом жизни человек ускользает после работы. Но в то же время семья — объект внимания государства, место приложения усилий различных программ, инициатив, стараний церкви и международных организаций, точка пересечения идеологий. Семью часто называют основой общества. В XX веке во имя сохранения нации и семьи как ее опоры велись войны, семья провозглашалась ячейкой общества, первоосновой национального строительства, последним прибежищем народных традиций. Однако такое идеологически нагруженное понимание семьи сложилось недавно, чуть больше столетия назад. Оно связано с оформлением национальных государств и появлением социальной политики и программ, адресованных семье. Выделение индивида, субъекта из-под власти семьи, рода, клана — процесс еще более поздний. Веками, если не тысячелетиями, человек не мыслился сам по себе, вне группы, к которой он относился. Золовка, младшая сноха, деверь — за этими подзабытыми ныне понятиями когда-то стояли четко очерченные семейные роли. Одиночество расценивалось как наказание, голодная старость, а порой и верная смерть: «один в поле не воин». Принадлежность роду, клану, семье была важнее индивидуальных особенностей и личных пристрастий. Соответственно интересы любого человека полностью подчинялись интересам рода, которому он принадлежал и где был всем обязан. По-другому и быть не могло, так как от этого зависело физическое выживание рода, продолжение фамилии, передача наследства. В «женитьбе по любви», как пела Пугачева, отказывали себе далеко не только короли. Даже на простом крестьянском под-

ворье договор о свадьбе считался сугубо хозяйственным решением, ведь в доме появлялись дополнительные рабочие руки. Вспомним сказки — на смотринах ценились девки хозяйственные, работающие, здоровьем крепкие. Ведь еще ребятишек рожать с десятком.

Создание семьи с целью продолжения рода закрепились в религиозных доктринах, освящающих брак. Именно в этом и ни в чем ином мыслилась задача супружества. Бездетность была одной из немногих (и, пожалуй, самой уважительной) причин, по которым церковный брак мог быть расторгнут как не гарантирующий продолжения семейной линии в виде «законных наследников». Лишение наследства в случае сопротивления воле родителей, изгнание из дома, отсутствие родительского благословения — что могло быть страшнее этих кар? Власть главы семьи традиционна для большинства аграрных культур, культур доиндустриальных. Наше крестьянство тут не исключение. Приведем наблюдение из своих летних деревенских каникул, когда простой, в общем-то, вопрос «ты чья?» ставил в тупик приезжих горожан, хотя достаточно было назвать имя, а лучше сельское прозвище деда или прадеда, чтобы быть признанным «своим». Исчисление родства по мужской линии закрепились в традиции давать отчества, брать фамилию мужа. Невеста входила в дом жениха. Ситуация, когда жена «берет к себе» мужа, символизирует перевертыш — примака, «влазния» по определению В.Даля, что нарушает привычный порядок и распределение власти в семье. Поэтому нелегко приходилось советским горожанам с деревенскими корнями, которые ввиду испорченности квартирным вопросом вынуждены были входить в дом жены и жить в примаках.

Брак в традиционном обществе рассматривался как обязательный этап жизни человека, как способ вхождения во взрослый мир. Институт семьи был патриархальным, то есть основанным на власти патриарха-отца и старших родственников мужского пола. Еще в начале XX века в совершенных летах считали парня или мужика либо только после смерти его отца, либо после выделения из родительского хозяйства иногда уже с собственной семьей и детьми. У южных славян, тех же черногорцев, мужчина вообще не считался взрослым, пока не женится, то есть переход во взрослое состояние связывался с возможностью создать семью. Жизненный успех женщины в традиционном смысле — это вове-рмя выйти замуж и родить детей, не остаться в девках.

ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В XX ВЕКЕ

XX век принес колоссальные изменения в статусные иерархии, в социальное устройство, в положение мужчин и женщин в обществе и семье. Это столетие отмечено невиданным доселе перемещением населения, урбанизацией, «перекачкой» молодых рабочих рук в индустрию, в город, что стало настоящим испытанием для крестьянских семейных традиций. Нельзя забывать, что большинство нынешних жителей мегаполисов – горожане во втором или третьем поколении. Почти все мы имеем сельские корни, и это важно для понимания унаследованных механизмов семейной жизни.

Для семьи как социального института прошедшее столетие тоже оказалось переломным. Один из первых декретов советской власти отменил сословный и церковный брак. Социалисты мечтали об освобождении чувств любви от пут закрытого, временами просто кастового брака (достаточно вспомнить хрестоматийную картину Пукирева «Нервный брак» или многочисленные примеры несчастливых семейных союзов из русской классической литературы). Свободная любовь и свободный, ничем не обремененный союз – так мыслился идеал. Однако насколько это было возможно в крестьянской полуграмотной стране, в крестьянской среде с абсолютно несформированным «языком любви», где для выражения абстрактных чувств и эмоций просто не существовало слов? Ведь в этой среде брак и семья не наделялись теми интимно-переживательными смыслами, которые вкладывает в них современный человек. Семья прежде всего была хозяйственной единицей, двором. Индивидуальной любви как массового феномена не существовало. «Пойдешь за меня?» – спрашивал Иванушка, а Аленушка в ответ краснела и опускала глаза. Вот и вся сказка, которая, напомним, не зря заканчивалась пирком да свадебкой. Затем наступали рутинные семейные будни, мало кому интересные. Взаимной симпатии считалось вполне достаточно для семейной жизни, и не только в деревенской глуши. Читая про династические браки королевских особ, обратите внимание на удивленные комментарии: «Брак оказался счастливым». Чувство долга, следование традиции здесь заменяет увлечение, телесная близость – потребность в общении. В переживании любви важными оказываются не индивидуальные окрашенные эмоции и чувства, а семейно-коллективные ценности.

СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ И ТРУД СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

Советская семейственность во многом сохранила или унаследовала патриархальный порядок прошлого. Представления о семейных ролях мужчин и женщин оказались крепким орешком. Волны индустриализации, урбанизации, ослабления семейных связей и даже моральные паники по поводу «краха семьи» оказались бессильными против живучих понятий о должном для семейной пары.

Хорошо известно, что миллионы советских женщин были вовлечены в производство, получили право голосовать и быть избранными, самостоятельно заключать и расторгать браки, делать аборты, выбирать профессию и род занятий. Однако вслед за равными правами в публичной сфере не следует автоматическое выравнивание позиций на внутрисемейном фронте. Несмотря на провозглашение официальной политики равноправия, за порогом хоть и не избы уже, а квартиры на протяжении десятилетий сохранялось традиционное разделение семейных обязанностей. Проведенные в конце советского периода обследования показали, что замужняя женщина тратит на домашнюю работу не менее 30,5 часа в неделю, женатый мужчина – 10,5. Более того, незамужняя женщина с ребенком тратила на домашние дела тот же объем своего времени, что и замужняя, то есть наличие супруга ничего не меняло в бюджете времени работающей женщины! Муж начинал «помогать» жене (а именно в таких терминах оценивался вклад мужчин) в семьях с тремя и более детьми. Добавим, что сказанное относилось только к городским семьям. То, на что мужчины смотрели как на свое право, женщины принимали как свою природную роль.

Западные аналитики удивлялись: почему советские женщины оставались всецело и практически единолично ответственными за дом, хотя работали полный рабочий день? Возможно, гадали они, вступают в силу внеэкономические переменные, никак не связанные с рациональным выбором, а именно привычки, традиции, религиозные установки? Ответ искали в слабой механизации домашнего труда, дефиците современных бытовых приборов. Исследования упорно показывали, что участие мужа в домашнем труде инерционно и крайне слабо зависит и от нагрузки жены на службе, и от ее профессионального статуса. Для совет-

ской экономики была характерна дискриминация в оплате труда и особые условия и содержание женского труда, а именно концентрация и маргинализация женщин в определенных отраслях — там, где интенсивность труда высокая, а зарплаты маленькие (легкая промышленность, конвейер в машиностроении, служба сервиса и услуг). Женщины составляли почти 80% вспомогательной рабочей силы в промышленности, 86% сортировщиков, 98% упаковщиков. Надо ли продолжать? Прямая взаимосвязь в карьере мужчин между возрастом, опытом работы, квалификационным разрядом и зарплатой «не работала» для женщин!

Но при чем здесь семья, спросите вы. Преобладание женщин на малооплачиваемых и неквалифицированных рабочих местах усиливает предрассудки мужчин и ожидания самих женщин о возможности «слабого пола» выполнять квалифицированную работу и претендовать на управленческие позиции, будь то сфера наемного труда или принятие решений в домашнем хозяйстве. На момент вступления в брак большинство супругов имели примерно равный «стартовый» потенциал (возраст, уровень образования, опыт работы), но потом в связи с декретными отпусками женщины теряли темп в профессиональном и статусном росте, демонстрируя существенное отставание, в том числе и в оплате труда. Семейная нагрузка не позволяла женщинам повысить квалификацию, продвинуться в карьере. И уже к 1960-м годам это было осознано как серьезная экономическая проблема. Советские социологи ломали головы над проблемой «застывания» квалификационного уровня женщин-работниц, после замужества оставляющих попытки продолжить образование. Фиксировалось мизерное количество минут, оставшихся у женщин после домашних дел, на отдых, чтение, любимые занятия. Это результат огромного объема неразделенной домашней работы, падающего исключительно на плечи женщин. Косвенным свидетельством низкой удовлетворенности браком служит растущее во все послевоенное время число разводов, инициированных, кстати, преимущественно женщинами. Наличие детей, как показывали опросы, перестало быть фактором, влияющим на сохранение брака.

Даже при повышении общего уровня образования советских граждан вопрос о перераспределении домашних обязанностей не вставал. В том числе в среде интеллигенции. Оказалось, что препятствия к пересмотру ролевых моделей в семье укоренены глубже, чем достиже-

ния образования и культуры. И официальная идеология, и общественное мнение были едины в том, что женщины несут главную ответственность за дом и семью. Еще в 1960-е годы обозначилось важное культурное различие между СССР и Западом. Если на Западе на волне сексуальной революции и активного вхождения женщин на рынок труда гендерные роли становятся предметом общественных дебатов, то в публичном пространстве Советского Союза традиционные гендерные представления не проблематизировались и не обсуждались, а «замораживались» в результате консервативной позиции государства. Считалось, что именно женщина отвечает за сохранение семьи, за счастье своих детей, за спасение непутевого мужа, ее роль воспитателя — часть «биологически предопределенного социального долга».

Социологические исследования последних лет констатируют, что мужчины по-прежнему «помогают» вести хозяйство, но не стремятся разделить ответственность. В тяжелые времена они в большей мере склонны к депрессиям и алкоголизму, скатыванию вниз и люмпенизации. Неудивительно, что в начале 1990-х спасительное для многих семей «челночество» стало женским бизнесом. Женщины пошли на вредные и опасные производства, надеясь побольше заработать и пораньше выйти на пенсию, чтобы успеть «поняничать внуков». Так, например, в Набережных Челнах, известных благодаря заводу «КамАЗ», в 2000 году по сравнению с 1990-м годом число женщин, работающих во вредных условиях труда, увеличилось вдвое. Или другой пример. Если классический образ трудового мигранта — это молодой мужчина, то на постсоветском пространстве вполне привычным стал другой типаж — женщина, уезжающая на заработки для поддержки своей семьи. СМИ полны историй о молдаванках и украинках, работающих в европейских странах или Москве, одна из публикаций так и называлась «Второму сыну на квартиру еще не накопила». Примечательно, что эта тема знакома и бывшим соседям по соцлагерю — полякам, восточным немкам, болгаркам, чешкам, активно практикующим «маятниковую» работу в Западной Европе. Имея за спиной семью, женщина быстрее и легче, как показали кризисные годы, соглашается на непрестижную и малооплачиваемую работу, на вакансии не по специальности. Она смиряется с потерей статуса, волнуясь об одном — как прокормить семью. И идет на те рабочие места, куда мужчины поступать отказываются. Не только привычной, но и социаль-

но приемлемой стала ответственность женщин за близких, за обеспечение и образование детей и внуков, за эмоциональную поддержку в семье. Когда же трудные времена минуют, женщин призывают «вернуться к домашнему очагу» и «вспомнить о своем предназначении». Ведь безработную женщину можно назвать домохозяйкой, а как быть с безработным мужчиной? Поэтому, женщина, уступи место человеку!

МАЛАЯ СЕМЬЯ ПРИХОДИТ НА СМЕНУ СЛОЖНОЙ

После небольшого исторического экскурса нельзя не сказать о тех огромных изменениях, которые произошли с формами и видами семейных союзов в течение XX века. Сначала рассмотрим трансформации, отмечаемые демографами, потом поговорим об эмоционально-интимной и сексуальной сфере, изменении поведенческих норм в общении между полами и между поколениями.

Как бы ни печалились приверженцы традиционных ценностей, горящие о кризисе семьи, по утверждению демографов, Россия по-прежнему остается страной с высоким уровнем брачности, крайне редким безбрачием и весьма ранними первыми браками. Долговременная тенденция изменения семьи состоит в уменьшении ее размера и упрощении структуры. В прошлом столетии произошло выделение нуклеарной, или малой, включающей только родителей и детей, семьи из расширенной, состоящей из нескольких поколений. Сегодня нуклеарная семья утвердилась в качестве базовой, она фигурирует как норма и в повседневной жизни, и в практике социальной работы, и нормотворчестве. Широко распространился городской образ жизни, выросла ценность приватного пространства, «уютного семейного гнездышка» в изолированной квартире — и вот анекдоты о коварной теще и злой свекрови все больше отходят в прошлое. В городах ослабли связи между поколениями. Молодые становятся все более независимыми от родительской власти, более автономными в принятии жизненных решений об учебе, работе, замужестве. В свою очередь, пожилые не рассчитывают на старость в окружении детей и внуков, как было во времена их сельского детства. Современные общества — это общества с опорой на индивида, на его выбор, даже на постоянное принуждение к выбору. Человек самостоятельно принимает решения и несет за них полную ответственность, сам ищет и выбирает партнера.

Кроме того, благодаря развитию медицины, доступности контрацептивов, а также утверждению новой системы ценностей, резко меняется установка на детность семьи. Биология перестала быть судьбой женщины. Безвозвратно канула в Лету неизбежная в недавнем прошлом череда ежегодных родов, уготованная почти каждой замужней женщине. Сегодня семья имеет одного или двух детей, что несопоставимо с размерами семей столетней давности, когда на женщину в среднем приходилось семь деторождений. Опросы студенческой молодежи показывают, что современные девушки больше юношей ориентированы на однодетную модель (28,9% против 22,7%). Успехи медицины способствовали росту продолжительности жизни, сведению почти к минимуму детской смертности, а также более ответственному отношению будущих матерей к здоровью – своему и ребенка. Женщина планирует свою жизнь, планирует рождение желанных детей. За уменьшением количества последовал рост качества детей, как ни ужасно это звучит. Один-единственный ребенок становится средоточием внимания и заботы родителей, смыслообразующим центром семьи. Поэтому многие современные семьи называют детоцентристскими.

Рост внебрачных рождений, высокий процент разводов и повторных браков, ослабление связи между показателями рождаемости и брачности – таковы общие тенденции для всех развитых стран, и Россия здесь не является исключением. В течение 1990-х годов удвоилась частота внебрачных рождений, хотя она несколько ниже, чем в западных странах. Массовое распространение фактических, но не оформленных браков началось еще с середины 1970-х. В итоге «традиционными» теперь называют зарегистрированные браки в отличие от ставших уже привычными пар, которые «просто живут вместе». Что нас отличает, так это сохранение раннего возраста вступления в брак и раннее рождение первого ребенка. Средний «возраст» семьи при появлении первенца равен лишь двум годам. В итоге приблизительно к 25 годам женщина сворачивает свои репродуктивные планы, ограничившись одним или двумя отпрысками. Сравните: по переписи 1897 года средний брачный возраст крестьян был 21 (женщина) и 23 года (мужчина), для городских слоев – 23 и 26 лет. Омоложение материнства имеет ряд социальных последствий, а именно сокращение возможности ухода за внуками со стороны старшего поколения – бабушек и дедушек, еще не вышедших на

пенсию. Тем не менее в России помощь в воспитании детей со стороны прародителей является поведенческой нормой, ответы молодых супругов фиксируют этот вид помощи как наиболее часто встречающийся.

Старение населения имеет, как оказалось, свои «национальные» особенности. Во многих постиндустриальных странах женщины живут дольше мужчин, но в России этот разрыв особенно заметен. Средняя продолжительность жизни мужчин у нас не дотягивает до пенсионной планки! В результате престарелое население, процент которого, по прогнозам, будет только расти, на 3/4 состоит из женщин. Таким образом, для российских женщин очень высока вероятность одинокой старости и вдовства при минимальном шансе повторного брака. Средний возраст одиноких мужчин в нашей стране составляет 49 лет, а одиноких женщин – 69.

На современном этапе люди находятся в браке потому, что семья многое дает им – любовь, поддержку, дружбу, общение. Мы говорим «как одна семья», когда хотим подчеркнуть особую сплоченность и близость. Семейные живут дольше, чем холостяки, их финансовое благосостояние выше. Так, в США подсчитали, что после смерти одного из супругов шансы оставшегося преждевременно уйти из жизни увеличиваются на 50%. Однако общим местом литературы, посвященной институту семьи, стали пессимистические прогнозы. Многие темы, которые когда-то квалифицировались как частные или случайные, осознаются в качестве серьезных социальных проблем, требующих внимания. Наряду с ролью семьи в таких процессах, как алкоголизация и наркотизация, активнее стали изучаться негативные стороны семейной жизни – стрессы, конфликты, чувство ограничения свободы и желаний.

НАСИЛИЕ

Важно, что в последние годы была поднята тема домашнего насилия, насилия против близких. Жертвами обычно становятся уязвимые и зависимые группы – дети, старики, женщины. В России около 2 млн детей в возрасте до 14 лет подвергаются избиениям родителями, около 50 тыс. детей в течение года убегают из дома, спасаясь от семейного неблагополучия. Предметом публичного обсуждения постепенно становятся культурные нормы, которые оправдывают насилие, вроде «сама

напросилась» или «бьет — значит любит». Насилие стало рассматриваться как гендерная проблема, например, через понимание мужской агрессивности как способа коммуникации с миром. В то же время в общественном сознании нет единодушия в понимании глубины и тяжести этой зачастую скрытой проблемы, в определении границ допустимой агрессии. Известная организация Международная Амнистия заявила, что в России около 70% замужних женщин подвергаются той или иной форме насилия со стороны своих мужей. По данным же другого опроса 2006 года, 82,3% респондентов-мужчин ответили, что насилие в семье актуальный вопрос для страны, но чуждо их собственным семьям. В обществе с высокой степенью агрессии в повседневном общении, когда бранное слово или немотивированная грубость не считаются оскорблением, понимание домашнего насилия нередко сводится к пограничным состояниям, доведению до смерти.

Наверное, только крайняя форма насилия может убедить сограждан окончательно, что проблема эта в нашей стране действительно существует. Вдумайтесь: в Российской Федерации от рук родственников или супругов ежегодно погибают около 14 тыс. женщин. Цифры сопоставимы с числом советских военных, погибших за десять лет войны в Афганистане. Определение разных видов и форм насилия (физическое, экономическое, психическое и др.) содержится в ратифицированных нашей страной международных документах, обязательных для исполнения и принятия мер, противодействующих распространению этого зла. При таком юридическом подходе оправдание традициями или укладом жизни перестает действовать. Обсуждение перемещается в плоскость соблюдения прав человека и перестает быть личной проблемой или частным делом какой-либо семьи.

Поучителен опыт европейских стран, активно работающих по данной тематике, например, через принятие национальных Планов действий, создание сети кризисных центров, просветительские кампании, внесение поправок в законодательство. Так, в Норвегии акты бытового насилия преследуются по статьям Уголовного кодекса. Уголовное дело может быть передано в суд, даже если жертва забирает свое заявление. Жертвы сексуального или бытового насилия имеют право на получение бесплатной юридической помощи. В России усилиями кризисных центров, психологов, врачей и педагогов тема домашнего насилия

привлекает все больше внимания. Сегодня в правоохранительных органах есть специальная программа профилактики бытового или домашнего насилия, на плакате программы – разбитая чашка. Остается лишь надеяться, что это поможет сохранить жизни 18% соотечественниц, которые находятся в ситуации регулярного и жесткого обращения (частые побои и травмы, требующие обращения к врачу) со стороны родных.

ПАРТНЕРСТВО, РОДИТЕЛЬСТВО, ОТЦОВСТВО

Проведенное около десяти лет назад российско-французское исследование, ставившее целью изучить представления подростков двух стран о семье, привело к выводу о замкнутости мужских и женских миров в России, особой конфликтности гендерных отношений в российских парах по сравнению с европейскими, об отсутствии у нас культуры партнерства между полами в семье и обществе. Под замкнутостью имеется в виду ориентир на отношения доверия, поддержки, понимания только внутри собственного пола, что называется, с подружками или приятелями. Это неутешительное заключение можно подкрепить ежедневными наблюдениями – вспомним разные игровые зоны и игрушки для мальчиков и девочек в детском саду, высмеивание участия в «девчачьих» играх и дружбы мальчиков с девочками в школе. Или прозвище «подкаблучник» для мягкотелого мужчины, звучащее как приговор. Вырастая совершенно в разных компаниях, юноши и девушки сталкиваются с неизбежными сложностями в коммуникации, выстраивании отношений друг с другом. Да и как этим сложностям не возникнуть, если уже в детских сочинениях о будущей жизни подростки разного пола рисуют сценарии, буквально не имеющие точек соприкосновения. Так, если девочка прописывает свой день через сочетание семейных и профессиональных забот (утром приготовила завтрак, разбудила детей, всех умыла-накормила, отправила в школу, побежала на работу...), то фантазии мальчика редко включают что-либо еще, кроме успешной карьеры и интересной работы (проснулся, включил компьютер, плеснул в чашку кофе, почитал газеты...). Домашняя жизнь будущего супруга и отца вообще «схлопнута» до слов «ушел/пришел домой». Остается только потом с друзьями обсуждать, какие же они непонятные, «эти женщины» или «эти мужчины». На таком фоне зако-

номерен успех телепередач и публикаций, рассказывающих о странностях противоположного пола, как об инопланетянах или особом подвиде прямоходящих.

Однако есть и позитивные сдвиги. В современном обществе постепенно меняется положение и роль мужчин в семье. В европейских странах буднично выглядят мужчины, идущие с колясками или с младенцами на руках. У нас тоже в образованных слоях естественной становится активная роль отца, допустим, в поддержании отношений с детьми после развода, то есть получает развитие отцовская идентичность. Конечно, такие тренды ощутимы в крупных городах, там, где заметны положительные сдвиги в изменении образа жизни населения — в наполнении досуга, развитии родительской идентичности и т.д. Новые практики характерны для образованных средних слоев. Большинство же российских супругов по-прежнему обременено идеей о мужчине как о главе домохозяйства, который должен обеспечивать семью. Жесткое предписание роли кормильца и затрудненность реализации этой модели создает неудовлетворенность и напряжение в супружеских отношениях. Ведь далеко не все мужчины могут реализовать это ожидание. В то время как альтернативные семейные роли для мужчин, связанные, например, с частной жизнью, отсутствуют. Мужчина-домохозяин (в смысле не работающий, а занимающийся хозяйством — чувствительный к гендерным нормам язык заставляет при этом слове представить не мужчину-«домохозяйку», а скорее владельца дома!) в современной России выглядит, мягко говоря, неудачником. Это существенное ограничение, которое вызвано привязанностью к патриархатной гендерной роли — роли кормильца, в которой заработок становится единственной задачей мужчины и единственным поводом для уважения со стороны родных.

В то же время редкая семья может себе позволить жить по правилу: мужчина-кормилец полностью отдает себя производству, работе, не отвлекается на семейные дела, обеспечиваемые женщиной. Все еще бытующие представления о том, что «раньше» (до революции...) женщины не работали, а посвящали себя исключительно благу семьи, — красивый миф! Если не брать в расчет несколько процентов населения, выпадающих на обеспеченные классы, то назвать «не работающими» женщин-пролетарок, представительниц купеческого и мещанского сословий, а уж тем более крестьянок язык не повернется. Верно, что большинство из них не ходили на

службу и не проводили по восемь часов в конторе. Как верно и то, что за свой ежедневный труд в поле, на скотном дворе, в ремесленной мастерской или в лавке мужа они не получали «зарплаты». Помощь отцу или мужу, поденный найм, случайные заработки, постоянный поиск подработки — шить вечерами, обстирывать по выходным, наняться в прислугу — таковы были реалии женщин из бедных городских семейств. И, допускаем, мечты о жизни в достатке, о возможности не работать так, как они — до изнеможения.

С тех пор профессиональный труд женщин кардинально изменился. Наши современницы работают в сфере оплачиваемой занятости наряду с мужчинами. И современное домохозяйство в большинстве стран двухзарплатное, рассчитанное на заработки обоих супругов. Таковы требования рынка, таково устройство экономики. Например, взять кредит на дом в Англии с одним работающим членом семьи невозможно. Семья с одним источником дохода экономически уязвима, что не требует доказательств в период кризиса.

Однако большинство опрошиваемых мужчин и женщин в России разделяют традиционные стереотипы, высказывают согласие с существующим распределением дел в семье, оправдывая это большей приспособленностью женщин к заботе о других, опытом материнства. Такой порядок считается естественным. Специалисты центра «Семья» молодого города автостроителей Тольятти провели опрос горожан с целью выяснить, как они понимают роль мужчины в семье. Оказалось, что женщины в большей степени, чем мужчины, привержены узкому прочтению семейных ролей. Мнение, что отец может обеспечивать материальное благополучие семьи и не вмешиваться в воспитание, высказали по большей части именно женщины, в отличие от мужчин, которые гораздо чаще отмечали, что хороший муж и отец принимает активное участие в воспитании и проявляет заботу о благополучном климате в семье. Данные по студенческой выборке также подтверждают значительную приверженность патриархальным семейным ценностям. С утверждением «муж — глава семьи, жена несет ответственность за ведение домашнего хозяйства» согласились 57,1% юношей и 61,9% девушек. И это несмотря на давно фиксируемую зависимость удовлетворенности браком от распределения домашних дел! Еще в советское время «неучастие супруга в работе по дому» называлось каждой десятой женщиной из непритязательного рабочего класса в качестве причины развода.

Согласно последней национальной переписи домохозяйств, женщины тратят на домашнюю работу в среднем 33 часа в неделю, мужчины — 14 часов. Как видим, доступность бытовой техники, полуфабрикатов и других облегчающих ведение домашнего хозяйства средств мало повлияло на расклад времени у обычной женщины. Это обстоятельство заставляет задуматься о специфике домашней работы, однообразной и вечно незавершенной, не имеющей четких критериев и «показателей качества». Развитие рынка услуг и предложений по «облегчению» домашнего труда, с одной стороны, свело на нет трудоемкие операции вроде ручной стирки, но с другой, высвобождаемое время уходит, к примеру, на новое «грамотное потребление». Современная женщина должна быть настоящим менеджером домашнего хозяйства — отслеживать новинки на растущем потребительском рынке, заниматься поисками и привлекать сторонние силы для решения текущих бытовых проблем. Стандарты потребления среднего класса растут, в итоге домашняя работа «профессионализируется», становясь делом специалистов из числа наемного персонала. Появился и рынок услуг, своеобразная «коммерциализация заботы». Няни, домработницы, садовники и другие категории наемной прислуги, как свидетельствует сериал «Моя прекрасная няня», стали повседневностью богатых российских семей.

НЯНЯ КАК НОВЫЙ ЧЛЕН СЕМЬИ

В условиях недостатка социализма, то есть государственной помощи семье и женщине, эмансипация женщин среднего класса от домашних обязанностей осуществляется благодаря рынку домашнего персонала. Для российского гендерного порядка это явление имеет серьезные последствия. Во-первых, общество сталкивается с эффектами коммерциализации заботы и социального расслоения среди женщин. Ведь забота о близких всегда предписывалась женщине не только как ее долг, но и как «естественная потребность». То, что более обеспеченные женщины могут «покупать» заботу о своих родных детях у женщин менее обеспеченных, — давно забытое в российском обществе явление, получающее сейчас новый экономический импульс. Во-вторых, неформальный рынок домашних услуг воспроизводит традиционные гендерные разделения: женщина может устроиться на работу, предлагая в качестве товара свои «традиционно женские» и даже материнские качества.

Гендерные роли неразрывно связаны с социальной политикой. Более того, именно социальная политика определяет, какими будут доминирующие гендерные роли. В советское время предполагалось, что женщина должна быть «работающей матерью», и именно эта роль предписывалась ей государством и поддерживалась обществом. Со стороны государства такую поддержку обеспечивали государственные детские учреждения (ясли, детские сады, организация продленного дня в школах, клубы и дома пионеров и школьников, детские и пионерские лагеря отдыха). По возможности родители прибегали также к помощи родственников старшего поколения, которые, как и положено членам семьи, вносили свой вклад в воспитание ребенка. При этом воспроизводилось гендерное разделение заботы. Существенный вклад в заботу о ребенке вносила бабушка — именно в заботе о внуках заключается ее основная функция, что видно из самого наименования статуса. В России до сих пор законодательно утверждены различия между полами в пенсионном возрасте. Пенсионный возраст женщин (55 лет в большинстве профессий) на пять лет ниже мужского. Кроме того, женщины более ревностно относятся к возрастным семейным ролям, принимая их как часть своей идентичности. Дружеская и соседская помощь также были задействованы в воспитании детей. Но занимались всем этим почти исключительно женщины — подруги, соседки, родственницы. Таким образом невольно поддерживались гендерные различия в обществе.

В привилегированных социальных слоях практиковалось использование наемного домашнего труда — в основном по уходу за ребенком и по ведению хозяйства (приходящие или живущие в семьях няни и домработницы, часто родственницы, приезжавшие из деревни, или другие категории мигрантов — ссыльные, не имевшие возможности найти другую работу).

В наше время экономическая трансформация и изменения в системе пенсионного обеспечения приводят к тому, что бабушки вынуждены работать, чтобы обеспечивать себе экономически приемлемое существование. Иными словами, утверждается ролевая модель и жизненная стратегия «работающей бабушки», приходящая на смену советским практикам «бабушки, воспитывающей внука». Такие стратегии становятся устойчивыми характеристиками гендерного поведения. Изменение гендерного устройства воспитания детей становится важным

фактором, способствующим развитию спроса на оплачиваемый труд по уходу за ребенком и прежде всего — труд нянь. Среди наших нянь значимый сегмент составляют социальные мигранты — новые бедные, чья социально-экономическая позиция существенно понизилась в результате развития капитализма в России. Чьи-то мамы и бабушки продают свою заботу чужим детям и внукам, потому что прожить на пенсию невозможно или потому что бюджетные сокращения вытолкнули их в сферу вторичной теневой занятости. На смену бесплатному труду бабушки приходит оплачиваемый труд няни, которая тоже может быть чьей-то бабушкой. Иногда бабушки даже получают оплату от своих детей за воспитание собственных внуков.

Это новое гендерное явление формируется также в условиях изменения отношений между людьми и работы детских учреждений в условиях развития капитализма. В этих условиях дружеские контакты уже в гораздо меньшей степени предполагают безвозмездную помощь и обмен услугами. Коммерциализация повседневности сказывается и на структуре отношений взаимопомощи. Что касается дошкольных учреждений, то тут очевидно одно. Практически полностью исчезли из нового быта среднего класса детские ясли. Психологи и медики обосновывают их дисфункциональность (не рановато ли?). Детские сады сохраняются, но их услуги не покрываются государственным бюджетом, а требуют значительных родительских выплат. Появились также разнообразные профильные платные детские учреждения.

Одним словом, социальные условия, в советском обществе обеспечивавшие совмещение ролей матери и работающей женщины, сейчас существенно изменились. Кроме того, наблюдается рост ожиданий представителей среднего класса, рост требований в отношении социального сервиса, появляются возможности выбора услуг по уходу за детьми и воспитанию, желание «отделиться от масс», утвердить позиции нового класса, в том числе и с помощью организации домашнего труда, формируются новые стратегии воспитания детей, характерные для средних слоев. Рыночные отношения воздействуют на гендерные роли противоречивым образом. С одной стороны, жесткие условия конкуренции в частном секторе экономики затрудняют для квалифицированной женщины совмещение ролей на условиях полной занятости на работе и дома, что формирует спрос на оплачиваемый домашний труд. С другой сторо-

ны, формируется предложение — отряд безработных женщин, ищущих заработка студенток, работоспособных пенсионерок, квалифицированных работников бюджетного сектора, нуждающихся в дополнительных заработках, предлагает свои дешевые и не очень услуги семьям, воспитывающим детей.

ЛЮБОВЬ, СЕКС И СУПРУЖЕСТВО

Итак, становление рынка, рыночной системы ценностей существенно отразилось на постсоветской семье. Вслед за европейскими странами в России, особенно в больших городах, для молодых поколений все более важными становятся ценности индивидуализма, личностной реализации, что ведет к признанию автономности партнера. Ценности статуса, карьеры, общественного положения стали конкурировать с ценностью иметь детей. Пришло понимание, что семья заметно ограничивает главную ценность современности — свободу.

Типичная советская семья была ориентирована на воспитание, возвращение детей. Важнее всего в такой семье было «поставить на ноги», «вывести в люди» ребенка. Сегодня на передний план выступают ценности индивидуальной самореализации, индивидуальных достижений, индивидуального самочувствия, когда человек начинает ценить такие вещи, как саморазвитие и самосовершенствование. Поэтому психологи отмечают, что сохранение модели детоцентристской семьи приводит к столкновению с ценностями текущего момента нашей истории. Согласно теории жизненных циклов семьи, с падением рождаемости сокращается в среднем до 15 лет часть семейной истории, связанная с воспитанием детей. С одной стороны, период жизни с взрослыми детьми наиболее высоко оцениваем — уходят забота и монотонный труд по уходу, у родителей появляется возможность более полной профессиональной реализации. С другой — на смену детоцентристской модели семьи, характерной для России, приходят супружеские браки, где качество отношений партнеров имеет наибольший вес по сравнению, допустим, с родительством. Развитие ценности супружества, построения полноценных гармоничных взаимоотношений между супругами приходится на последние десятилетия. В супружеской семье стабильность брака зависит исключительно от желаний и качества отношений между супругами и не

связана с наличием и возрастом детей. Пара рассматривается как совместное эмоциональное предприятие, существующее до тех пор, пока это удовлетворяет обе стороны. Супружество – важная категория для понимания современной семьи. Не случайно наряду с такими общими показателями качества жизни, как здоровье, состав домохозяйства, уровень доходов и удовлетворенность супругов жизнью в целом и браком в частности, сегодня учитывают и такой показатель, как качество брака.

Семейные психологи отмечают, что современная семья существует в поле противоречий, например, между развитием семьи и ее стремлением к стабильности. Но и противоречия, и кризисы в браке считаются в какой-то мере неизбежными, более того, олицетворяющими развитие семейных отношений. Не сразу, но все-таки заговорили о том, что семья несет не только лучезарный свет и радость в нашу жизнь. Один из последних иностранных фильмов, получивший «Оскара», рассказывает о конфликтах и крахе семьи, о тяжелых отношениях родителей и детей. В интервью немецкий режиссер рассказала, что это фильм о разбитом доме и о разбитом сердце, к которым порой приводит совместная жизнь.

Теперь обратимся к эмоциональной сфере, неотъемлемой части жизни современной семьи, особенно партнерских браков. Романтическая любовь – изобретение недавнее, даже не столько изобретение, сколько роскошь нового буржуазного времени, когда у праздных классов появилась возможность предаваться переживаниям, страдать от любовной меланхолии. Начиная с эпохи Просвещения и необыкновенно популярного творчества Руссо, предложившего концепцию «новой женственности», французские романы завладели умами читательниц по всей Европе. Не только благородные дворянки, но и купеческие дочери стали грезить о «нежных чувствах». Образы женщин чувствительных, самоотверженных, но добродетельных и в то же время пассивных и зависимых наводнили доступную широкой публике любовную литературу, предлагавшую романтический идеал отношений мужчины и женщины. Европейское третье сословие (горожане, бюргеры, буржуа и мещане), овладевшее грамотой, стало носителем новых идей, тиражированию коих помогла возникшая массовая литература, рисующая идеализированный образ возлюбленных. Со временем любовь стала непременным атрибутом счастливого замужества, предтечей брака, что особенно стало очевидно в XIX веке в викторианской Англии. Исходя из этого романтического

сценария развития любовного чувства, который бытует и по сей день, любовь предшествует браку и семейному сексу. Другой, более поздний сценарий предполагает изолированное существование сексуальных практик от брака и супружества, превращение сексуальной жизни человека в независимый жизненный проект. Когда далеко не в каждом партнере видят будущего супруга/супругу, а любовные отношения не обязательно ведут к свадьбе, они ценны сами по себе. Можно с уверенностью констатировать, что в течение последнего столетия церковь и религиозная мораль значительно утратили свои позиции в регулировании брачно-семейной сферы.

Новое требование, предъявляемое современной женщиной к мужчине-партнеру, это поддержание доверительных и теплых отношений, того, что называют словом «интимность». За женщиной, как и в романтическом сценарии викторианского брака, остается ее «экспрессивная функция» — эмоциональная работа по созданию уютного климата в семье, поддержанию отношений со стариками-родителями и другими родственниками, снятию стрессов у супруга, воспитанию детей. Понятие эмоциональной работы очень важно, несмотря на то, что оно долго недооценивалось. Исследователи фокусировались преимущественно на конкретной жизнедеятельности семьи — досуге, распределении дел, жилищных условиях и т.д., а не на формировании чувства «мы», за которое ответственна чаще всего женщина. Оказалось, что от гендерной асимметрии в семейной жизни проигрывают и мужчины, и женщины. Так, бытуют стереотипы об эмоциональной бедности мужчин, об их неумении демонстрировать свои чувства и эмоции, тем более «проговорить» их. Мальчиков с детства учат «быть сильными». В результате такого воспитания поведенческих стереотипов большинство мужчин не склонны к обсуждению своих переживаний и семейных проблем с кем бы то ни было. Врачи и семейные психологи считают это опасной тенденцией, ведущей к стрессам и депрессиям, преодолеваемым, увы, традиционным способом — с помощью алкоголя. Сегодня же практически каждый человек сталкивается с задачей самостоятельно выстраивать эмоциональные отношения и удовлетворять потребности в приятии, уважении, близости и любви. Благодаря феминистской критике начиная с 1970-х годов, социологи и экономисты стали изучать домашний и эмоциональный труд именно как работу, важную для функционирования общества.

Сегодня брак перестал быть единственным публично одобряемым пространством, где дозволителен секс. Любовные и брачные ориентации могут совсем не совпадать. И это утверждение справедливо и для мужчин, и для женщин, так как секс сегодня не связан напрямую с продолжением рода. Интересно, что, несмотря на разительную трансформацию идеи романтического увлечения*, психологи описывают представления о любви у современных молодых женщин как «сказку с разговорами», наполненную романтикой, волнениями, огромной ценностью общения и сопереживания интимности. Трансформации этой части жизни столь разительны, что сексуальные биографии женщин одной семьи, но разных поколений будут абсолютно не похожи друг на друга. Например, в одном психологическом исследовании женщинам разного возраста (бабушки – мамы – внучки) предлагалось выбрать жизненный девиз. «Цени себя» оказался чужд старшим возрастам, его не выбрал никто, а в поколениях мам и внучек его выбрали уже 16%. Лозунг «Будь счастлив, блаженствуй» отметили только молодые женщины (22%), более старшими он вообще был проигнорирован. Отсюда авторы делают вывод, что в настоящее время женщины стремятся самостоятельно конструировать свой жизненный сценарий, а также, что у немалого числа молодых женщин большую роль в жизни играют гедонистические ценности, желание наслаждаться жизнью. Можно по-разному относиться к такому «жизненному проекту» (и горько сожалеть, что русские девушки совсем забыли смысл слова «самопожертвование»), но независимо от наших пожеланий и сожалений такие ценности характерны для потребительского общества. Впрочем, во все времена людям свойственно стремиться к счастью, вот только счастливы они бывают, вопреки классике, по-разному, в том числе и в семейной жизни.

* В одной из публикаций нам встретились данные опроса первокурсниц. В проективной (воображаемой) ситуации три четверти девушек согласились бы выйти замуж за мужчину, которого они не любят, если он обладает необходимыми для брака качествами. Юноши оказались гораздо менее прагматичными.

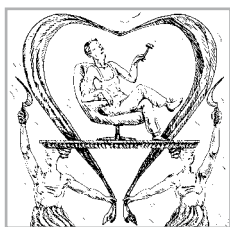
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ученые давно бьются над вопросами: какой тип семьи наиболее устойчив? какие факторы служат стабилизации семейных отношений? Известно, что принадлежность к одному поколению, социальному слою, наряду с близким уровнем образования, придают союзу большую устойчивость. Но и в классово однородных браках процент разводов стабильно высок. Хотя говорить о том, что семья как способ организации жизни человека изжила себя, не приходится. Специалисты осторожно оценивают воздействие индустриализации на семейные взаимоотношения, подчеркивая устойчивость семейных структур и сохранение основного элемента стабильности семьи – института брака.

Еще несколько десятилетий назад брак был единственной возможностью построения семьи и единственным социально одобряемым местом отправления сексуальных потребностей. Традиционная семья была сравнима с организацией, в которой изначально заданы позиции, определена субординация, распределены полномочия. Люди приходят и уходят, рождаются и умирают, а семья остается. Чувство одиночества незнакомо члену такой семьи. Ныне представления о семье и семейной жизни потеряли свою целостность и монолитность. Современные семьи чрезвычайно разнообразны по характеру, составу, стилю жизни. Существуют на равных правах разные дискурсы любви, порой совершенно независимые от брачных планов, что было невозможно и представить в недалеком прошлом. Соответственно в начале XXI века мы имеем пестрый веер суждений и мнений о семье. Утвердившаяся сексуальная свобода и для мужчин, и для женщин кому-то кажется благом, а кого-то пугает. Важно помнить, что нет какой-то абстрактной семьи. Неполные семьи, или семьи с одним родителем, соседствуют с гомосексуальными и лесбийскими союзами и так называемыми пробными семьями; благодаря миграции получают распространение межэтнические и межрасовые браки.

Расширяются границы толерантности в отношении, в общем-то, такого консервативного института, как семья. Политкорректность коснулась и этой сферы жизни: мы говорим «неполная семья» вместо «мать-одиночка», «партнерский брак» вместо «сожитель-

ство». Прошедшее столетие отмечено огромными изменениями брачно-семейной жизни. Отход от ограничений любви сословными, имущественными или этническими границами сопровождался кризисом традиционной морали, утверждением новых образцов взаимоотношений полов, растущим запросом на интимность и сексуальную удовлетворенность.

ОЛЬГА ИСУПОВА, ИГОРЬ КОН

**МАТЕРИНСТВО
И ОТЦОВСТВО:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК**

Раздел этой главы, посвященный материнству,
написан Ольгой Исуповой,
автор материала об отцовстве Игорь Кон.

К

Как ни странно, такой важнейший феномен женской жизни, как материнство, довольно долго оставался вне поля внимания социологов (так нередко случается с вещами, которые кажутся столь естественными, что и обсуждать нечего). Либеральное молодежное движение 1960-х годов, заставившее по-новому посмотреть на многие фундаментальные общественные ценности, привело к радикальному пересмотру до того казавшихся незыблемыми представлений и о матери — хранительнице очага как универсальной женской роли или, по крайней мере, наиболее естественной для женщин судьбе. Справедливости ради, однако, надо отметить, что эта судьба все же никогда не была совсем уж всеобщей, поскольку во все времена существовали женщины, не выходявшие замуж (например, старые девы, монахини), а также, женщины и мужчины, которые не могли иметь детей по физиологическим причинам.

Впрочем, представления о материнстве как главном предназначении женщин только казались незыблемыми и древними. Если обратиться к не такой уж давней истории, мы увидим, что широкое распространение они получили лишь незадолго до эпохи «глобального пересмотра»...

МАТЕРИНСТВО, ИЛИ ПОЧЕМУ БЫ НЕ ЗАВЕСТИ РЕБЕНКА?

Краткая история материнства

Еще в средневековой Европе роль женщин понималась как очень близкая к роли мужчин (то есть главным трудом женщин было

весьма интенсивное участие в семейном производстве), и никакого специального уважения или статуса материнства как такового не предполагало. Если обратиться к еще более древним представлениям, к истокам европейской культуры и цивилизации, то окажется, что, согласно древнеегипетским и отчасти древнегреческим представлениям (например, к идеям Аристотеля), ребенка вообще порождает полностью семья мужчины, а женщина лишь предоставляет «сосуд», в котором он развивается, так что никакой генетической, «родовой» связи между матерью и ребенком нет.

В феодальной Европе от женщины ожидалось прежде всего верность и послушание мужчине — в том числе и в ущерб детям, даже если это приводило к смерти этих детей. Например, был широко распространен обычай отдавать младенцев на воспитание кормилицам в деревню. При этом за первенца исправно платили и интересовались его благополучием, а о последующих детях уже волновались гораздо меньше, могли и вовсе забыть об их существовании, просто перестать платить, что обуславливало менее качественный уход и повышенную смертность среди таких не первых детей.

Следует отметить, что во всех странах и во всех социальных классах в доиндустриальную эпоху детская смертность была очень высокой, и не только из-за недостаточной развитости медицины, но и потому, что явление это никого по-настоящему не заботило — в основном потому, что очень высокой была рождаемость, а уровень экономического развития не мог обеспечить пропитание всем родившимся. Реально семьи были заинтересованы в выживании не более четверых детей.

В эпоху Просвещения и индустриализации начались изменения и в этой области, как и во всех остальных. Ускоренное экономическое развитие, с одной стороны, требовало все больше и больше рабочих рук, с другой — обеспечивало пропитание большому числу людей. Кроме того, потребовалось лучшее «качество» этих людей, работников. Эта потребность общества обусловила повышение статуса материнства, рост уважения к женщине-матери, поскольку на женщин была возложена обязанность обеспечить выживание младенцев, а также их воспитание и образование. Именно в эту эпоху, то есть не ранее XVI—XVIII веков, материнство начинает становиться таким ответственным и всеобъемлющим, каким, как мы привыкли считать, оно было от начала

времен. Идеология «всеобъемлющего» материнства как ответственной задачи и «естественной» сферы приложения женских сил получила максимальное развитие в работах французского философа Жан-Жака Руссо. Эта идеология предписывала вытеснение матери из сферы платной занятости (которое тем не менее в полном объеме так никогда и не произошло).

Однако в середине XIX века, когда идеи ответственного материнства стали очень распространены, даже в среде рабочего класса наемный труд замужних женщин использовался крайне редко. На фабриках скорее работали их дети-подростки обоего пола, а матери в буквальном смысле сидели у очага — вели хозяйство. В обеспеченных слоях общества ответственное материнство означало отказ от кормилиц, переход к грудному вскармливанию именно материнским молоком, а также огромное внимание, которое мать должна была уделять образованию своих детей.

При этом муж и старшие дети постепенно, наоборот, вытеснялись из дома, мужчина — в сферу платной занятости, дети — в школу (в рабочих семьях — сначала на работу, как и отец, в более поздние эпохи — также в школу). Женщина была изолирована от большого мира, погружена в домашние дела и заботы, интерес к которым никто из домочадцев с ней не разделял. А если ее дочери получали образование и увлекались тем, что мы бы сейчас назвали карьерой, это негласно предполагало: матерями они уже не станут, так как материнство считалось делом чрезвычайно всеобъемлющим, совершенно несовместимым с другими серьезными занятиями.

С конца XIX века и особенно в первой половине XX получила теоретическое развитие своеобразная реакция на теорию Руссо, поскольку последняя по мере реализации на практике нередко приводила к чрезмерной, подчас деспотической власти матерей над детьми. Эта реакция связана с именем Зигмунда Фрейда и его многочисленными последователями. Согласно классическому фрейдизму, материнство понималось практически как неизбывная женская вина, связанная с полным «слиянием» матери и ребенка в первые годы жизни. Для ребенка такое слияние до некоторых пор необходимо и благотворно как защита от опасностей, но женщины, как правило, стремятся сохранить это очень привлекательное для них состояние гораздо дол-

ше, чем в этом нуждаются дети, что приводит к различным искажениям психологического развития детей. Если же это слияние, наоборот, было неполным до трех лет, если мать тяготилась материнством или не считала нужным в этот период посвящать ребенку «всю себя», отвлекаясь на другие дела, то это также приводит к отклонениям в его развитии и проблемам во взрослой жизни. Таким образом, практически во всех бедах любого взрослого человека оказывалось возможным обвинить его мать.

Логичным следствием распространения подобных теорий стала непривлекательность материнства для нового поколения женщин, ведь лучше уж не иметь детей вообще, чем погрузиться в нелегкие заботы о них, а потом еще и оказаться во всем виноватой. Совершенно неверным, однако, было бы считать, что феминизм как идеология враждебно относится к материнству.

За редкими исключениями феминистки отнюдь не призывают женщин от него отказаться, а лишь настаивают на том, что следует радикально изменить принятые в обществе формы и практики ухода за младенцами и их воспитания, и прежде всего в этом процессе должны принимать равноценное участие отцы. Кроме того, надо отказаться от всеобъемлющего материнства: в тот момент, когда женщина не погружена непосредственно в заботы о ребенке или общение с ним, она должна иметь возможность делать что-то другое, быть в совершенно другой роли, например, заняться работой или общаться с друзьями, а не думать только о ребенке. Таким образом материнство перестанет восприниматься как единственно возможное ядро, основа личности любой «нормальной» женщины и станет просто «одной из сторон жизни» тех представительниц женского пола, которые захотят иметь детей. При этом с феминистской точки зрения женщина должна иметь детей, только если она сама этого хочет, а не потому, что это навязывается ей непосредственным окружением. Если это основное условие будет соблюдено, материнство может стать возвышающим женщину опытом, а не орудием ее угнетения (эти идеи связаны прежде всего с именем Адриенн Рич – известной писательницы-феминистки, матери троих детей). Итак, в феминизме приветствуется ответственное материнство, подразумевающее, что женщины принимают решение рожать детей сознательно, а не под чьим-либо давлением и сами определяют, каким правилам они будут в этом отношении следовать.

Современное материнство: иметь или не иметь детей?

В настоящее время в развитых западных странах любая позиция женщины по отношению к материнству рассматривается как совершенно нормальная и допустимая, при этом все позиции равноправны, ни одной не отдается предпочтение. Например, традиционная семья, состоящая из мамы, папы и одного-двоих детей, — идеал-норма 1960-х годов в России и, с некоторыми поправками (число детей до четырех, а мама обязательно не работает), 1950-х годов на Западе — сейчас стала лишь одной из возможностей, личным выбором «стиля жизни». В такой семье, как правило, оба родителя работают, оба участвуют в заботе о детях, активно используя предоставляемые обществом возможности по уходу за детьми (ясли, детские сады, наемных нянь). При разводах (которые, как и в России, случаются очень часто) предполагается уважение прав как матери, так и отца, хотя обоим часто приходится отстаивать свои права: ребенок по-прежнему остается огромной эмоциональной ценностью.

Законным считается право женщины родить ребенка вне союза с мужчиной, хотя в реальности большая часть одиноких матерей оказывается в такой ситуации не по собственному желанию, а вынужденно. При этом большинство способны смириться с таким положением и найти в нем позитивные стороны, но некоторые, особенно очень юные матери из социально неблагополучных слоев и семей, воспринимают вынужденное одинокое материнство порой трагично, и требуются усилия специальных социальных служб, чтобы помочь им справиться с психологическими проблемами, не говоря уже об экономических трудностях.

Все большее число женщин (в процентном отношении это по-прежнему ничтожное меньшинство, хотя точные цифры узнать очень сложно, так как среди бездетных есть не только чайлдфри — бездетные в результате сознательного выбора, но и бесплодные, и безразличные к теме) сознательно решают не иметь детей. Многие исследователи связывают добровольную бездетность с развитой у женщин сексуальностью, в противовес воззрениям Фрейда, считавшего, что развитая женская сексуальность обязательно предполагает материнство.

Согласно выводам исследовательницы Виверс, проинтервьюировавшей несколько десятков добровольно бездетных пар, такое репродуктивное решение часто связано с ощущением важности только того, что есть здесь и сейчас, с отсутствием устремленности в будущее. Некоторые проблемы, тянущиеся из детства, в частности холодные или плохие отношения с матерью в раннем возрасте, чаще ведут к неопределенности позиции в отношении деторождения, отсутствию ярко выраженного желания как рожать детей, так и не рожать.

Часто добровольная бездетность связана со склонностью к свободному, ничем не ограниченному стилю жизни, с желанием путешествовать, заниматься наукой, искусством и т.п. Группу людей, отказывающихся от деторождения не потому, что им не нравится сам процесс или дети как таковые, а из опасения утратить возможность жить такой жизнью, какая им нравится, и достигать поставленных целей, Виверс назвала аффеക്ഷонадо (перевести можно как «увлеченные»). При этом стиль жизни, которому мешают дети, может предполагать как достижение вершин карьерного успеха, так и существование обыкновенной домохозяйки, мечтающей о беззаботной жизни в своем уютном доме.

Другую группу чайлдфри Виверс назвала реджекторы («отвергающие»). Это люди, испытывающие по тем или иным причинам (чаще всего неясным) отвращение к беременности, родам, к маленьким детям. Обычно эти чувства проявляются еще в детстве и оказывают более сильное воздействие на принятие решения об отказе от рождения детей, чем просто приверженность определенному образу жизни, противоречащему (с точки зрения чайлдфри) родительству. Если на аффеക്ഷонадо что-то еще может повлиять, например, соображения, что их любимый образ жизни все-таки же можно совместить с материнством, то реджекторов переубедить нельзя, а если общественное давление вынудит их стать родителями, это может иметь самые негативные последствия и для них самих, и для их детей.

Чайлдфри очень часто были единственными детьми в семье их родителей или старшими детьми в многодетных семьях, уже испытавшими в детстве «социальное» родительство и более не имеющими потребности растить и опекать маленьких детей.

Кроме «истинных», убежденных чайлдфри, среди бездетных много людей просто равнодушных, тех, кому все равно, иметь или не

иметь детей. Если раньше, в традиционном обществе, такие люди, как правило, становились родителями, просто «плывя по течению», спокойно воспринимали это «нормальное», естественное развитие событий («судьба такая, что же поделаешь»), то теперь они проводят долгие годы в раздумьях, стоит ли рожать детей. Часто дети у этой группы людей в наше время так и не появляются.

Еще одна группа бездетных – бесплодные. Еще пару десятилетий назад это был окончательный приговор, и никаких вариаций и подгрупп среди этих людей быть не могло. Сейчас, однако, практически любая форма бесплодия может быть если не вылечена (излечение по-прежнему происходит очень редко), то «обойдена», «обманута» – преградой не служат ни отсутствие матки у женщины (выносить и родить может суррогатная мать), ни отсутствие половых клеток у женщины и/или мужчины (широко используются донорские клетки от других людей, а вынашивать может сама «бесплодная» женщина). Впрочем, абсолютное большинство людей, прибегающих к репродуктивным технологиям, в результате производят на свет генетически своих детей, которых вынашивает их биологическая мать. Конечно, хотя даже такие «простые» формы бесплодия были непреодолимы еще в 1970-е годы.

Однако картина далеко не такая радужная, как кажется. Прежде всего медицинская помощь в этой области коммерциализирована и рождение детей с помощью так называемых репродуктивных технологий во многих странах доступно только по-настоящему обеспеченным людям. В некоторых странах оно бесплатно для всех граждан, но там существует масса этических ограничений, имеющих силу закона (в отношении возраста будущей матери, запрета или недоступности донорства и/или суррогатного материнства). Большую роль здесь играет позиция церкви, относящейся к новым репродуктивным технологиям подчас настроенно (если не негативно).

Тем не менее эти технологии развиваются, и в ряде стран, где они бесплатны, уже ощутима доля новорожденных, появившихся на свет после их применения (например, 4% в год от всех рождающихся в Швеции). Всего в мире уже живут более трех миллионов людей, зачатых с помощью оплодотворения в пробирке.

Опыт советского материнства

В СССР принято было думать, что материнство – «основное предназначение женщины», что без выполнения этой «общественной функции» ни одна женщина не может считать свою жизнь состоявшейся, да что там – просто не может быть счастливой. И еще в начале 1990-х годов многие западные ученые, изучающие материнство в нашей стране, были убеждены, что за таким отношением стоит могучая историческая традиция, которую ничто и никогда не переломит.

Советская идеология, следуя историческим традициям, призвала женщин как можно больше рожать. При этом агитация была полностью ориентирована на женщин как целевую группу – никакого поощрения или прославления отцовства не существовало (вспомним медаль «Матери-героиня», но никак не «Отец-герой»). Одновременно широко практиковались аборт как средство регуляции рождаемости. В Советской России они были официально разрешены впервые в мире усилиями Александры Коллонтай. Запрещение аборт с конца 1930-х по начало 1950-х годов соответствовало пику периода прославления материнства (вовсе не случайно совпавшему и с пиком тоталитаризма в стране). Впоследствии «политика партии» в этом отношении стала более прагматичной, поскольку потребность в женщинах как в рабочей силе стала постоянной, а многодетность как норма для всех исключила бы слишком большую часть женщин из производственной сферы. Женщины и сами в подавляющем большинстве предпочитали работать, поскольку работа давала им и весьма значительную степень материальной независимости, и более высокий статус, и самоуважение. Участь домохозяйки в советские времена была маргинальной и незавидной: результаты домашней работы никто не ценил, и женщина оказывалась в полной зависимости от мужа, каким бы он ни был. Наличие более двух детей осложняло жизнь работающей женщины.

Впрочем, те немногие домохозяйки, что были вполне довольны своим положением (например, жены высших офицеров), также быстро осознали, что сокращение числа детей означает более легкую жизнь. В то же время опыт женщин, живущих трудно (разведенные или матери-одиночки), вынужденных самостоятельно обеспечивать семью и к тому же выполнять всю домашнюю работу (а при росте числа разводов таких женщин становилось все больше), показывал, что при наличии одно-

го ребенка все это еще можно выдержать, а вот уже двое детей, а тем более трое, в такой ситуации означали по-настоящему тяжелое существование.

Таким образом, на одной чаше весов находились меры материального (в основном символического) побуждения к материнству, а на другой — дешевый для государства (без наркоза и особо сложного оборудования, с помещением пациенток в переполненные палаты или в коридор) и бесплатный и доступный для всех женщин аборт, позволяющий людям регулировать число рождающихся у них детей. Результатом такого «баланса» стала ситуация, когда практически все женщины стремились иметь ребенка и почти никто не хотел и не рожал более двух детей.

При этом первого ребенка старались родить как можно раньше — тут сказывались и медицинская пропаганда опасности поздних родов и «плохого качества» поздних детей (а поздними объявлялись дети, рожденные даже 25-летними женщинами), и объективные сложности быта матерей, которые, казалось, легче пережить в молодом возрасте. Отсутствие удобной и надежной бытовой техники, приспособлений для ухода за младенцами, необходимость очень многое делать своими руками превращало материнство прежде всего в тяжелый физический труд.

При таких господствующих представлениях о материнстве совершенно нормально было как родить одного ребенка в двадцать лет, «скинуть» его на руки бабушкам и устремиться в карьеру, больше никогда не рожая детей вне зависимости от возникновения или невозникновения новых браков, так и жить в одном браке десятилетиями, работая чисто формально или не работая вовсе, и тоже иметь только одного ребенка, что называлось «посвятить себя семье».

Отношение к женщинам, совсем «забывающим» родить детей из-за увлеченности карьерой, так и к многодетным матерям (даже благополучным, достаточно обеспеченным и непьющим, но имеющим всего троих-четверых детей) было весьма нетерпимым.

Материнство в современной России

В последние десятилетия в России общественное отношение к материнству и поведение мужчин и женщин в отношении рождения детей изменилось. Сейчас уже нет тотальной убежденности (по крайней мере среди молодежи), что каждая женщина обязательно должна иметь детей.

Возникло немало постсоветских вариантов женской жизни, не предполагающих рождения детей — как современных (чаще всего это добровольный отказ от деторождения даже не ради карьеры, а просто потому, что «не хочется»), так и традиционных и даже архаичных (например, уход в монастырь). При этом толерантность к многодетности не усилилась и многодетность по-прежнему очень мало распространена.

Влияние религиозных ценностей на умы значительного числа женщин в постсоветское время несколько усилилось, однако степень этого влияния не такова, чтобы привести к многодетности. Скорее речь идет о более негативном отношении к абортам и в связи с этим предпочтении надежных современных средств контрацепции.

Продолжающееся ослабление прочности и долговечности института брака, причем как официальных, так и неофициальных союзов, в сочетании с нарастанием консьюмеристских ценностей приводит к тому, что наличие даже одного ребенка значительно осложняет жизнь молодой женщины. Интервью показывают, что многие считают период первых трех лет жизни ребенка крайне тяжелым и малопривлекательным, стремятся никогда больше такого не повторить.

Впрочем, для некоторых женщин, и их тоже достаточно много, материнство оказывается эмоционально настолько насыщенным и вознаграждающим, что они испытывают желание повторить опыт слияния с ребенком, рожая второго, и третьего, и четвертого... Однако для значительной части таких «гармоничных» мам эти мечты так и не становятся реальностью из-за превалирующей в обществе нормы, согласно которой «правильно» «дать как можно больше» одному ребенку, а не «плодить нищету». Причем в это «дать как можно больше» действительно вкладывается все больше не столько родительского внимания, сколько материальных средств. Например, если в период экономического кризиса 1990-х годов считалось совершенно нормальным, когда «приличные» люди использовали для маленького ребенка одежду, коляску, кроватку, оставшиеся от старших детей или даже от их собственного детства, то сейчас, если такое и происходит, в этом невозможно открыто признаться: ожидается, что ребенку будет куплено все новое, причем желательно, чтобы это были вещи известных марок, а не «барахло с рынка».

В целом можно сказать, что за последние полтора десятилетия отношение российских женщин к материнству во многом прибли-

зилось к западной модели. Произошла «вторая контрацептивная революция» (если считать первой повсеместное распространение практики бесплатных легальных аборт в 1920-е годы XX века), кроме того, ослабло нормативное давление, предполагающее обязательное рождение хотя бы одного ребенка каждой женщиной. Главное же изменение заключается в том, что теперь рождение или не-рождение ребенка действительно является для многих вопросом выбора, решения, размышлений, а не спонтанным поведением, «судьбой», как было раньше. Гораздо большее значение, чем раньше, имеют репродуктивные желания женщин.

ОТЦОВСТВО, ИЛИ ЗАЧЕМ НУЖНЫ ОТЦЫ В СЕМЬЕ?

Краткая история отцовства

Как и многие другие слова, термин «отцовство» неоднозначен. Слово «*отцовство*» обозначает социальный институт, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как к родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и в структуре семьи. Реальные отцовские практики — деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей, — более текучи, изменчивы и разнообразны. Если изучение отцовства предполагает анализ социокультурных норм, чего общество ожидает от отца «вообще», то изучение *отцовских практик* — это описание того, что фактически делают и чувствуют конкретные отцы: что отцы дают детям, что отцовство дает мужчинам, от чего зависят индивидуальные стили отцовских практик и степень их успешности и, наконец, в какой социальной и психологической помощи нуждаются отцы.

Исследования показывают, что даже в самых примитивных социальных условиях наличие отца сильно повышает шансы детей на выживание. Например, у парагвайских охотников-собираателей индейцев ахе (гуарани) наличие отца утраивает шансы ребенка не умереть от болезни и удваивает его шансы не быть убитым соплеменниками. Постоянная связь между брачным статусом и детской смертностью существует во всех развивающихся странах: у детей, имевших законных отцов, всегда было больше шансов на выживание и жизненное благополучие, чем у внебрач-

ных детей или сирот. Эта разница сохраняется и сейчас даже в самых развитых и благополучных странах. Сегодня один из главных показателей этой зависимости — образовательный уровень детей: отцовский вклад, включая совокупный семейный доход и непосредственную заботу о детях, связан с более высокими учебными показателями детей, а когда они взрослеют — с более высоким социально-экономическим статусом.

Объем и содержание конкретных отцовских практик всегда зависят от существующих в обществе нормативных установок. При всех межкультурных различиях, «идея» отцовства включает два главных компонента: а) прародитель, первоисточник жизни и б) властное начало.

В традиционном обществе отец чаще всего позиционируется как а) кормилец, б) дисциплинатор, в) пример для подражания и д) непосредственный наставник сыновей (но не дочерей) в общественно-трудовой деятельности. Однако часто отцовство бывает чисто символическим, и едва ли не самый распространенный транскультурный его архетип — образ *отсутствующего отца*, который всем управляет, но конкретных социально-педагогических функций не имеет.

Физическое отсутствие отца в патриархальной семье, его отстраненность от ухода за детьми — не только следствие его внесемейных обязанностей или его нежелания заниматься этими делами, но и средство создания социальной дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти.

У некоторых народов существовали специальные *правила избегания*, делавшие взаимоотношения между отцом и детьми чрезвычайно сдержанными. Например, традиционный этикет кавказских горцев требовал, чтобы при посторонних, особенно при старших, отец не брал ребенка на руки, не играл с ним, не говорил с ним и вообще не проявлял к нему каких-либо чувств. По свидетельству осетинского классика Косты Хетагурова, «только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволительно отцу дать волю своим чувствам и понюхать, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставали с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: «Где наш сын? Не видал ли кто нашего мальчика?». Это было средством поддержания отцовской власти и иерархических отношений в семье и в обществе.

В средневековой Европе и в начале Нового времени отцовство было почетно и даже обязательно. Почти все мужчины состояли в браке, бесплодие и импотенция для мужчины — несмыслимый позор и бесчестье. Тем не менее однозначного ответа на вопрос «Как средневековые отцы обращались со своими детьми?» быть не может. Нормативные предписания и, тем более, повседневные отцовские практики никогда не были единообразными. Хотя средневековые авторы подчеркивали, что отцовская ответственность вытекает из факта зачатия ребенка, которого отец продолжает формировать и после рождения, главные заботы отца, в отличие от материнских, — поддержание дисциплины и преодоление греховных влияний. Главным средством того и другого были телесные наказания, подкрепленные авторитетом Ветхого Завета: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына своего, а кто любит, с детства наказывает его» (Притчи Соломоновы 13:24); «Не оставляй юноши без наказания» (Притчи 23:13); «Розга и обличение дают мудрость» (Притчи 29:15).

Но постепенно положение менялось. Если средневековые тексты говорят исключительно о властных функциях отца, которого домочадцы должны почитать и слушаться, а самому ему мало что предписывается, то начиная с эпохи Возрождения и Реформации, особенно в XVII–XVIII веках в Западной Европе появляется много поучений и наставлений отцам, как им следует воспитывать детей. Акцент все чаще делается на любви к детям. Заметно индивидуализируется и сама мужская психология. Знатные и образованные отцы все чаще говорят, что они вынуждены наказывать своих детей против собственной воли. Наряду с извечным вопросом, станет ли сын достойным продолжателем отцовского дела, в чем бы оно ни заключалось, возникает новая забота: а каким мой сын меня запомнит? Переориентация с власти на авторитет — процесс долгий и мучительный. Женщины-матери, сами только-только начавшие освобождаться от мужского деспотизма, уловили и реализовали эту потребность эпохи раньше, чем суровые и властные мужчины. Вся вторая половина XVII века, особенно после трактата Жан-Жака Руссо «Эмиль» (1762), проходит под флагом критики семейного, главным образом отцовского, воспитания.

Изменение содержания отцовской роли в новое время обусловлено двумя взаимосвязанными процессами: во-первых, ускорением темпа социально-экономического обновления и вытекающим

отсюда усилением значения внесемейных факторов воспитания и, во-вторых, изменением характера властных отношений в обществе. Индивидуальный отец все больше дополняется, а то и заменяется «коллективными отцами», наемными учителями (а в дальнейшем, о, ужас! и учительницами!), которые могут быть совершенно разными. Во взаимоотношения отцов и детей все чаще и энергичнее вмешивается государство, становясь посредником в решении спорных вопросов.

Не была исключением и Россия, хотя в ней средневековые представления, как и сам крепостной строй, продержались значительно дольше. Как в любом феодальном обществе, в древнерусской культуре дети занимали подчиненное положение. Выдающийся русский историк Н.И.Костомаров: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже... Слова почитались недостаточными, как бы убедительны они ни были... Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком».

И в Петровскую эпоху, когда педагогика «сокрушения ребер» стала подвергаться критике, отцовская строгость и суровость остаются непререкаемой нормой. Лишь в XVII веке в русской педагогике появляются новые веяния, причем изменение отношения к отцовской власти было тесно связано с критическим отношением к власти государственной. Например, А.Н.Радищев призывал к отказу от родительской власти как принципа воздаяния за «подаренную» детям жизнь: «...и жегните из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе хощу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце». Однако подобные взгляды были не правилом, а исключением.

Современное отцовство – основные тренды

В XX веке институт отцовства столкнулся с новыми глобальными вызовами: снижением рождаемости, ослаблением института брака, уменьшением потребности в семье и в детях, ростом числа холостяков, повышением социально-педагогических требований к качеству отцовства и усилением критического отношения к отцовским практикам.

По сравнению с прошлым у современных мужчин и женщин заметно ослабела мотивация как к вступлению в брак, так и к деторождению. Вследствие эмансипации сексуальности от репродукции символическим показателем «мужской силы» давно уже стало не число произведенных на свет детей, а сама по себе сексуальная активность. В ситуациях, когда деторождение было выгодно мужчинам (например, при распределении земли в общине по душевому принципу) или хотя бы не сопряжено с личной ответственностью (например, при связях с проститутками), эти моменты не различались, но в повседневной жизни мужчина привык заботиться о том, как удовлетворить свои сексуальные потребности, не становясь отцом. Появление в конце XX века женской гормональной контрацепции позволило мужчинам переложить эти заботы на самих женщин, но одновременно дало женщинам дополнительную власть: сегодня сексуально образованная женщина может принять важнейшее репродуктивное решение даже без ведома своего партнера, что порождает целый ряд сложных моральных и юридических вопросов, связанных с определением отцовства.

Еще один источник мужской неуверенности — генетическое определение отцовства, благодаря которому некоторые мужчины узнают, что воспитываемые ими дети на самом деле зачаты не ими. Получается, что детей не обязательно иметь, трудно содержать, легко потерять, и в придачу они могут оказаться чужими. Характерная тенденция постиндустриального общества — увеличение числа и признание социального статуса холостяков. Нетрадиционные браки и формы семьи означают и более широкое распространение нетрадиционных моделей отцовства: разведенные отцы; отцы, живущие отдельно от своих семей; приемные отцы, воспитывающие неродных детей; отцы-одиночки, воспитывающие детей без матери; отцы-геи; несовершеннолетние отцы и т.д. Раньше от этих категорий пренебрежительно отмахивались как от «неполноценных», «ненастоящих». Сейчас их признают (как можно не признавать действительность?!), изучают, стараются понять их специфические проблемы и помочь им максимально успешно воспитывать своих детей. Эволюция представлений о «нормальном» отцовстве, с одной стороны, отражает, а с другой — стимулирует перемены в повседневной жизни.

Особенно важно изменение оценочных критериев отцовства. В доиндустриальном обществе «хороший отец» был прежде всего

воплощением власти и необходимых для жизни знаний. Хотя в патриархальной крестьянской семье отец непосредственно не ухаживал за детьми, сыновья проводили много времени, работая под его руководством. В городской среде, под давлением таких факторов, как пространственная разобщенность труда и быта и вовлечение женщин в профессиональную работу, традиционные ценности отцовства меняются. Как работает отец, дети уже не видят, а по количеству и значимости своих внутрисемейных обязанностей он явно уступает матери.

Однако власть и влияние не одно и то же. Если от глобальных оценочных суждений перейти к конкретным эмпирическим данным, надо признать, что отцовский вклад в воспитание детей в XX веке не столько уменьшился, сколько качественно видоизменился. В развитых странах мужчины берут на себя много таких обязанностей, которые раньше считались исключительно женскими. Хотя, как и в предшествующие эпохи, отцы проводят со своими детьми значительно меньше времени, нежели матери, ситуация постепенно улучшается, особенно в семьях, основанных на принципе гендерного равенства. Например, в США среднее количество времени, которое американские отцы, по данным разных исследователей, проводят с детьми, выросло с 1960-х годов на 25–37%. Вопреки стереотипу, для более молодых и более образованных американских мужчин семья психологически важнее работы, она занимает центральное место в их жизни и во многом определяет их психическое благополучие.

Количество потраченного времени – не единственный критерий оценки отцовского вклада. Не менее важно то, какой субъективный смысл имеет для мужчины отцовство. Ответственный и заботливый отец – одна из главных ипостасей «современного мужчины». Однако содержание отцовских ролей и необходимых для их выполнения навыков определены культурой менее четко, чем материнские роли, здесь многое зависит от индивидуального соглашения. К тому же «прирост» отцовской заботы на уровне семьи практически сводится на нет тем, что все большая доля мужчин не живет со своими семьями. В тех же США после развода девять из десяти детей остаются с матерью, после чего их общение с отцами ограничивается, а то и вовсе прекращается – отчасти потому, что мужчины теряют к ним интерес, а отчасти потому, что бывшие жены препятствуют

таким контактам. В результате на уровне всего общества социальная безотцовщина не только не уменьшается, но даже растёт.

Сходные тенденции наблюдаются и в Европе. Гендерное равенство само по себе не стирает тонких различий между отцовскими и материнскими ролями и практиками. В Швеции, где супружеские роли юридически полностью выровнены уже в 1974 году, очень немногие отцы, несмотря на 100% компенсации, пользуются правом отпуска по уходу за ребенком, а женщины тратят на хозяйство и уход за ребенком в пять раз больше времени, чем мужчины. По ироническому замечанию социолога Уильяма Мак-Кея, «мужчины – не очень хорошие матери».

Бездетность – вопрос не только личного выбора. Для высоко образованных мужчин, родившихся в начале XX века, вероятность жениться и стать отцами была значительно выше, чем для мужчин, родившихся в 1950-1960-х годах. Это не только мужские проблемы. Например, оплачиваемые отцовские отпуска сами по себе не уменьшают расстояния между отцами и детьми. Дело не столько в законах, сколько в реальных условиях труда. Женский рынок труда сосредоточен преимущественно в общественных, дружественных по отношению к семье и ребенку, низко оплачиваемых, но стабильных секторах, тогда как мужской рынок труда расположен в частных, безразличных к ребенку, хорошо оплачиваемых, но ненадежных секторах. Поэтому женщины приспосабливают свою работу к детям, а мужчины, даже при желании, этого сделать не могут. И дело тут не только в психологии, но и в экономике. Чтобы не рисковать карьерой, отцы выбирают минимальный родительский отпуск, а мужчины, работающие на вершине частного сектора или имеющие самую длинную рабочую неделю, вообще не используют эту возможность.

Положение отцов в современной России

В России эти проблемы стоят еще острее. Общественное сознание дореволюционной России колебалось между традиционным идеалом авторитарной власти и слабостью реального отцовства: конкретный отец выглядел бледной копией батюшки-царя. Советская власть это противоречие усугубила. Сначала она подорвала патриархальную семью, основанную на частной собственности, а затем молчаливо приняла

модель семьи, в которой мужчине отводится преимущественно роль добытчика и кормильца, оставив все социально-педагогические функции на долю матери. Как откровенно сказала когда-то секретарь ВЦСПС Н.В. Попова, «хотя отец и несет по закону ответственность за воспитание детей, мать никто заменить не может, особенно в воспитании детей-дошкольников, поэтому нет нужды предъявлять к отцу излишние требования».

Отождествление родительства с материнством в какой-то степени сохраняется в российском политическом сознании и поныне. В нашем законодательстве в качестве конституционного принципа подчеркивается, что «заботиться о детях, их воспитании – равное право и обязанности обоих родителей» (п.2, ст.38), но фактически об отцах вспоминают редко. Характерно, что и в новой демографической программе задача повышения рождаемости целиком адресована женщинам.

Как и на Западе, российская молодежь все больше ориентируется не столько на продолжение рода, сколько на личные достижения. Молодые женщины и мужчины хотят иметь меньше детей, чем поколение их родителей. Достаточно велики и гендерные различия. Среди опрошенных Левада-центром мужчин карьеру и работу предпочли 43%, а семью и детей – 38%; у женщин соотношение обратное – 36% и 48%. У более молодых респондентов, особенно мужчин и москвичей, большой популярностью также пользуется ответ «пожить в свое удовольствие».

Впрочем, существует и противоположная тенденция: у многих взрослых и социально успешных мужчин появляется *потребность в детях*. «Стало модно любить детей. Это произошло в последние годы. В кругу моих друзей, приятелей, в кругу людей, с которыми я общаюсь... это модно», – говорит известный политический журналист Андрей Колесников, создавший колонку «Отцы» в газете «Коммерсант». Вокруг созданной Ашотом Насибовым «Школы молодого отца» на радиостанции «Эхо Москвы» группируются журналисты, музыканты и политики, которые к сорока годам или немного позже неожиданно обнаружили, что *хотят* стать отцами, причем не такими, какими они были раньше.

Российские СМИ всячески подкрепляют традиционный стереотип властного отца. Например, в популярном телесериале «Кадетство» все юноши разные, зато их отцы один авторитарнее другого,

разговаривать с сыновьями они умеют только на повышенных тонах. Училищные командиры выглядят более мягкими и понимающими...

Между тем традиционные определения отцовской роли и связанные с ними социальные ожидания не только сплошь и рядом не соответствуют реальным условиям жизни и индивидуальным особенностям обоих родителей, но во многих семьях отцов попросту нет. Большое число материнских семей в послевоенной России — не результат свободного выбора, а объективная необходимость: физические потери мужского населения вследствие двух мировых войн, усугубляемые избыточной мужской сверхсмертностью, не могли не сказываться на составе и структуре семьи.

Злую шутку консервативное сознание играет с мужчинами и при возникновении семейно-ролевых конфликтов. Если мужчина оценивается прежде всего по своим внесемейным достижениям, то любые социальные неудачи, вроде потери работы, снижают его семейный статус, а вместе с ним и самоуважение. Социолог Глен Элдер, изучавший психологические последствия американской Великой депрессии 1929–1932 годов, нашел, что, хотя потерявшие работу мужчины проводили больше времени с детьми, качество этих отношений заметно ухудшалось. Безработные отцы становились более раздражительными, принимали произвольные решения и т.п., причем ухудшение внутрисемейных отношений зависит не столько от масштаба финансовых затруднений, сколько от того, как сам мужчина их воспринимает: сознание своей неудачи в роли кормильца деморализует мужчину и осложняет его отношения с детьми. За прошедшие 70 лет в западных странах мужская психология несколько изменилась, а роль кормильца перестала быть единственной, оставшийся без работы молодой американец может пойти на перераспределение домашних обязанностей и сидеть с детьми, временно предоставив зарабатывание денег жене.

В России рыночная экономика также революционизирует общественное разделение труда, заставляя людей менять занятия и переучиваться. Однако консервативному сознанию трудно к этому приспособиться, особенно если перемены, как было в 1990-х годах, имеют кризисный характер. Вместе с привычной работой и статусом многие мужчины теряют самоуважение и веру в себя, а это, в свою очередь, отрицательно сказывается на их семейной жизни.

Отрицательно влияет на отцовство и дикий капитализм.

Работодателю не нужен сотрудник, обремененный слишком большими обязательствами вне офиса. Социологи отмечают, что многодетному отцу, как и женщине, устроиться на приличную работу значительно сложнее, чем бездетному или однопородному. Ни правовой, ни даже моральной защиты многодетные отцы не имеют.

Тяжелым испытанием для отцов становится развод. Разводимость в России выше, чем в Европе, и только треть опрошенных социологами разведенных отцов сказали, что видят своих детей достаточно часто и могут в какой-то степени заниматься их воспитанием. Жены говорят об отсутствии каких бы то ни было отношений между разведенным отцом и ребенком вдвое чаще (примерно так же выглядит эта статистика во Франции). Это объясняется не только и даже не столько нежеланием отцов, сколько настроением разведенных жен: лишь 17% из них сказали, что хотели бы более частых контактов отца с детьми, а 41% предпочли бы, чтобы таких контактов вовсе не было. Некоторые разведенные отцы вынуждены отстаивать свои права на ребенка в суде, причем, как правило, безуспешно, потому что консервативно настроенные судьи обычно решают эти споры в пользу матерей.

Подводя некоторые итоги, мы можем на основе данных современных исследований выделить основные особенности отцовства, характерные для конца первого десятилетия XXI века.

1. Определенный кризис отцовства, о котором много пишут в современной научной и популярной литературе, так же как и кризис маскулинности вообще, связан с появлением глубоких закономерных изменений гендерных отношений в обществе. Традиционные нормативные представления о «правильном» отцовском поведении подрагивали, прежде всего «вертикаль власти» и в обществе, и в семье. Социальное расстояние между отцом и детьми поддерживалось с помощью специальных ритуалов, правил избегания, передачи детей на воспитание в чужие семьи и т.д. Однако это не исключало многообразия реальных отцовских практик, обусловленных индивидуальными особенностями пары и ее социальной среды.

2. Социально-педагогические функции отцов (персонификация власти, кормилец, строгий воспитатель, пример для подражания и непосредственный наставник сыновей в общественно-трудовой деятельности) менялись вместе с историческими условиями жизни

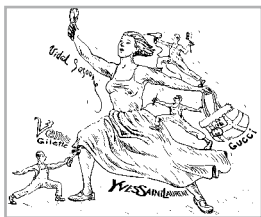
и структурой семьи. В Новое время под влиянием ускорения темпов социального обновления и создания множества внесемейных институтов воспитания, властные функции отца постепенно ослабевают, а отцовско-детские отношения индивидуализируются и психологизируются. Отец все больше становится в семье не символической фигурой, которой надо оказывать знаки уважения, а реальным человеком со своими слабостями и особенностями. У отца становится меньше прав и больше обязанностей. Изменяются и образы отцов в художественной литературе.

3. Ослабление авторитарного отцовства было всемирно-историческим процессом не только в Западной Европе, но, с некоторым хронологическим отставанием, и в России. Контраст между официальными нормативными представлениями об авторитарном, властном отцовстве и реальными отцовскими практиками наиболее образованных сословий породил в свое время немало конфликтов, отраженных в русской культуре, особенно в литературе. Представление о слабости и несостоятельности «русских отцов» отражено, в частности, в знаменитом романе «Отцы и дети». Вообще, в русской классической литературе XIX века очень мало «нравоучительных» примеров эффективного и счастливого отцовства.

4. Постиндустриальное общество продолжило эту линию развития. Демократизация общества, вовлечение женщин во внесемейный труд, признание прав ребенка и т.д. сделали авторитарное отцовство морально и психологически неприемлемым. Отец перестал быть единственным кормильцем семьи, но от него ждут, чтобы он проводил с детьми больше времени, был заботлив и нежен. Многие «новые мужчины» принимают это требование, но оно плохо совместимо с социально-экономическими реалиями, потому что нормы содержания и воспитания детей сейчас требуют все больших и больших затрат. К тому же в обществе растет число холостяков, и у человечества в целом заметно снизилась потребность в детях.

5. Все эти проблемы существуют и в России. Советская власть не только не устранила унаследованное от дореволюционного прошлого противоречие между идеализацией авторитарной власти и слабостью реального отцовства, но и усугубила его. Это противоречие существует и сегодня. Судя по данным массовых опросов, отцовство в России по-прежнему ассоциируется с материальным обеспечением,

а гендерное равенство понимается формально. Консервативное сознание, ориентированное на возвращение к «Домострою», и агрессивная маскулинная идеология только усугубляют социально-психологические трудности мужчин и женщин. Недаром в известных российских фильмах последних лет («Возвращение» Андрея Звягинцева и «Отец и сын» Александра Сокурова) так пронзительно и трагично звучит мотив безотцовщины...

ИГОРЬ КОН, АННА ТЕМКИНА

НОМО SEXUALIS
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
**ЗАКОНЧИЛАСЬ ЛИ
СЕКСУАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ?**

Ч

Человеческая сексуальность — сложное биосоциальное явление. Тесно связанная по своему происхождению с репродукцией, продолжением рода, она формировалась по мере эволюции человека.

Принято считать, что мужская сексуальность более экстенсивна и менее избирательна. Мужчины в среднем хотят иметь (и действительно имеют) больше сексуальных контактов и обычно с большей готовностью вступают в «случайные связи». На отношение мужчин к сексу, несомненно, влияет и «комплекс маскулинности» — для них это часто не только удовольствие, но и своего рода работа, которая требует успеха, завершения, причем на первый план часто выдвигаются количественные показатели — не «как», а «сколько».

Поскольку такое отношение к сексу требует дополнительных условий и стимуляции (не все мужчины так уж легко справляются с поставленными перед собой высокими «производственными показателями»), то мужчины же обычно и являются главными заказчиками и потребителями коммерческого сексуального обслуживания, будь то проституция или материалы эротического характера типа порножурналов.

Однако социология, антропология и гендерные исследования показывают, что типы мужского и женского сексуального поведения не следует абсолютизировать: помимо биологических оснований, за ними часто скрываются исторически изменчивые социокультурные факторы, совокупность которых описывается понятием сексуальной культуры. В Новое время, и особенно в XX веке эта культура сильно изменилась по сравнению с прошедшими веками. Продолжает меняться она и сейчас.

Главная тенденция Нового времени — *отделение сексуального поведения от репродуктивного, направленного на рождение детей*. Этот процесс начался давно. Чтобы понять разницу между сексуальным и репродуктивным поведением, человеку достаточно сопоставить, сколько детей он сознательно (а не потому что «так получилось») зачал и произвел на свет с тем, сколько раз на протяжении жизни и для чего он осуществлял те или иные сексуальные действия. Но поскольку репродуктивные аспекты сексуальности социально наиболее важны, они всегда и везде подвергались более тщательному и строгому социальному контролю и регулированию. Нерепродуктивным аспектам сексуальности культура уделяла значительно меньше внимания, а в некоторых культурах, связанных с отрицательным отношением к сексу, их и вовсе считали ненормальными и «противоестественными». Лишь сравнительно недавно общественное сознание, да и то далеко не везде, приняло тот факт, что сексуальность сама по себе не обязательно направлена на деторождение, не нуждается в оправдании и является самоценной.

В конце XX века под разделение сексуальности и репродукции была подведена и *материальная база*. С одной стороны, эффективная контрацепция позволяет людям заниматься сексом, не опасаясь нежелательного в данный момент зачатия, с другой стороны — искусственное осеменение и генная инженерия сделали принципиально возможным «непорочное зачатие», без какого бы то ни было сексуального общения и даже личного контакта родителей.

«Планирование семьи» не только снижает материнскую смертность (в том числе путем предотвращения нежелательных беременностей), но и способствует изменению способов деторождения. Важную роль в этом играют новые *вспомогательные репродуктивные технологии* (экстракорпоральное оплодотворение, сокращенно — ЭКО). ЭКО — это любое лечение или процедура, включающие манипулирование человеческими половыми клетками, спермой или эмбрионами *in vitro* (буквально — за стеклом, в пробирке), в искусственной среде, вне живого организма, с целью добиться беременности. Первый младенец в результате оплодотворения *in vitro* появился на свет в 1978 году. В настоящее время в мире насчитывается свыше миллиона детей, рожденных с помощью ЭКО (в это число не входят младенцы, зачатые с помощью искусственного осеменения). ЭКО вызывает много религиозно-этических и право-

вых вопросов, например, о легитимности такого ребенка и определении его родителей. Однако, по данным ВОЗ, ни физическое здоровье, ни психическое развитие детей, зачатых с помощью ЭКО, в долгосрочной перспективе не отличается от этих показателей у зачатых естественным путем.

Меняется и сама человеческая сексуальность. Существует несколько общих тенденций, которые, хотя и в разной степени, характерны для всех индустриально развитых стран:

- более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков;

- более раннее начало сексуальной жизни. Эти сдвиги охватывают весь цикл психосексуального развития и все формы сексуального поведения, от мастурбации до полового акта. По типу сексуального поведения сегодняшние молодые люди опережают своих сверстников из прежних поколений на 3-4 года;

- социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожителства; большинство населения и особенно молодые люди считают добрачные связи нормальными, не скрывают и не осуждают их. Иначе быть не может, если половое созревание происходит раньше, а возраст вступления в брак в индустриально развитых странах повышается;

- ослабление «двойного стандарта» сексуального поведения (под «двойным стандартом» понимается ситуация, когда то, что считается нормальным и естественным для мужчин, не считается приемлемым для женщин);

- признание сексуальной удовлетворенности одним из важных факторов удовлетворенности браком и его прочности;

- признание важности сексуального удовольствия для женщин, которых традиционная «викторианская» мораль считала вообще асексуальными. Исследования показывают, что современные женщины получают от сексуальной жизни значительно больше удовольствия, чем женщины прошлых поколений;

- сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике;

- рост терпимости по отношению к необычным и даже девиантным формам сексуальности, особенно гомосексуальности;

- увеличение разрыва между поколениями в сексуальных уста-

новках, ценностях и поведении — многое из того, что было абсолютно неприемлемо для родителей, дети считают нормальным и естественным.

В целом эти сдвиги можно считать положительными, потому что позволяют людям жить в большей гармонии с собой и со своим телом. Однако становление новых норм и образцов сексуального поведения значительно отстает от разрушения старых стандартов. Расширение сферы сексуальной свободы разрешает старые, но порождает новые социальные и психологические проблемы.

Эффективная контрацепция позволяет людям сознательно контролировать деторождение, но одновременно способствует снижению рождаемости и *постарению населения*, в некоторых случаях возникает даже угроза депопуляции вместо привычного перенаселения. Достижения медицины, особенно сексофармакологии (препараты типа Виагры), существенно расширяют возрастные рамки сексуальной активности, позволяя людям испытывать сексуальные радости чаще и дольше, чем было в недавнем прошлом. Однако для продолжения сексуальной жизни в преклонном возрасте нужно заботиться о поддержании не только потенции, но здоровья, красоты и культуры тела в целом, что возможно только при достаточно высоком уровне благосостояния и общественного здравоохранения. Поэтому бедные и необразованные общества остаются сравнительно сексуально обездоленными.

Сексуальное поведение и ценности меняются неравномерно. Главной движущей силой сексуальной революции была и остается молодежь. Произошедшее в 1960—1970-х годах повсеместное заметное снижение возраста сексуального дебюта (у женщин — минимум на два года) и автономизация подростковой и юношеской сексуальности от внешних форм социального контроля (со стороны родителей, школы, церкви и государства) создают множество опасных ситуаций, прежде всего нежелательных беременностей, аборт и заболеваний, передаваемых половым путем (ЗППП). Последняя угроза особенно возросла в связи со СПИДом.

Важное значение в этой связи приобрело сексуальное образование. В патриархальном обществе соответствующие знания и правила поведения передавались из поколения в поколение главным образом путем личных контактов. Городская цивилизация сделала такой способ передачи информации недостаточным и неэффективным.

Отсюда — растущее внимание к этой теме мирового (и не только медицинского) сообщества.

Движущая сила сексуальной революции — женщины, которые шаг за шагом осваивают новые для себя занятия и виды деятельности, что, естественно, сопровождается изменением их коллективного самосознания, включая представления о том, как должны складываться их взаимоотношения с мужчинами. Многие традиционные различия мужского и женского, привычно ассоциирующиеся с половым диморфизмом, ослабевают и перестают быть обязательной социальной нормой, открывая дорогу появлению индивидуальных вариаций, которые могут быть вообще не связаны с полом. Идея равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в постели производна от экономической независимости женщин. Этому способствует также женская гормональная контрацепция, которая освобождает женщин от привычных репродуктивных страхов и даже потенциально изменяет соотношение мужской и женской власти в вопросах репродукции. Сексуально образованная женщина сегодня может решать эти вопросы даже без согласия и без ведома мужчины.

Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия *показывает повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта* (в Скандинавских странах, Нидерландах и Северной Германии девушки теперь начинают сексуальную жизнь раньше, чем их сверстники-юноши), числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т.д. В других странах юноши по-прежнему приобретают сексуальный опыт значительно раньше, чем их сверстницы, но эти вариации зависят не столько от уровня социально-экономического развития, сколько от достигнутого уровня гендерного равенства.

Об уменьшении традиционных различий мужской и женской сексуальности свидетельствует сравнительно недавнее исследование сексуальности французов (телефонный опрос в 2006 году 12 364 мужчин и женщин от 18 до 69 лет). Сравнение данных этого опроса с результатами опросов 1970 и 1992 годов выявило резкое уменьшение разницы в мужских и женских сексуальных ценностях и практиках. О том, что женская сексуальность становится все более похожей на мужскую, можно судить по данным, приведенным в таблице 1.

Таблица 1.

Доля мужчин и женщин, сказавших, что они имели в течение жизни только одного сексуального партнера (%)

год	мужчины	женщины
1970	18	68
1992	21	43
2006	16	34

Разница в возрасте сексуального дебюта уменьшилась за 55 лет с двух лет (20,6 лет у мужчин против 18,8 у женщин) до нескольких месяцев (17,6 лет у мужчин против 17,2 у женщин). Выросла продолжительность женской сексуальной активности в старших возрастах. Уменьшилась разница среднего числа сексуальных партнеров: у 30—49-летних женщин их число выросло с 1,9 в 1970 году до 5,1 в 2006-м, а у их сверстников-мужчин осталось на прежнем уровне — 12,9. Хотя и мужчины и женщины продолжают считать, что у мужчин сексуальные потребности выше, чем у женщин, пятая часть мужчин от 18 до 24 лет вообще не обнаруживает интереса ни к сексуальности, ни к созданию пары. Доля мужчин-гомосексуалов с 1992 года не изменилась и составляет 4,1%, а влечение к представительницам своего пола у женщин стало сильнее, чем у мужчин (6,2% против 3,9%).

Сдвиги в гендерных стереотипах и поведении означают не «феминизацию» мужчин и/или «маскулинизацию» женщин и образование некоего «унисекса», а ослабление поляризации гендерных различий. Многие традиционные различия мужского и женского, считавшиеся раньше универсальными, не столько исчезают, сколько изменяются и перестают быть обязательной социальной нормой. Это открывает дорогу появлению множества индивидуальных вариаций, которые могут быть и не связаны с гендерными различиями.

Стирается разница и в характере партнерских отношений. Сексуальная революция второй половины XX века была прежде всего женской революцией. Идея равенства прав и обязанностей полов в постели — плоть от плоти общего принципа социального равенства. Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий

между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, в числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т.д. Нет никаких сомнений, что эти сдвиги продолжатся и в XXI веке.

С течением времени обостряются многие старые и возникают новые психосексуальные проблемы. Появление женской гормональной контрацепции дает женщинам возможность самостоятельно контролировать свое репродуктивное поведение. Сексуальное развитие женщин, которые стали лучше мужчин понимать свои сексуальные потребности и свободно о них говорить, создает для мужчин определенные трудности — например, стимулирует их исполнительскую тревожность («хороший ли я любовник?»). Современные молодые женщины ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, что в прежний мужской джентльменский набор не входило. Традиционная поляризация мужской и женской сексуальности корректируется принципами основанного на взаимном согласии партнерского секса. И все-таки мужская сексуальность меняется гораздо медленнее — она по-прежнему меньше связана с эмоциональной и духовной близостью и чаще переживается не как отношения, а как завоевание и достижение.

Соотношение половых (биологически обусловленных) и гендерных (социально сконструированных) различий мужской и женской сексуальности остается спорным, с одной стороны, сексуальное раскрепощение женщин способствует росту их сексуальной активности и удовлетворенности, уменьшает фригидность и т.д., с другой — женщины чаще мужчин испытывают отсутствие сексуального желания (в финском национальном опросе 1992 года это признали от 5 до 20% мужчин и от 15 до 55% женщин).

Индивидуализация и многообразие сексуальностей реализуются в разнообразии сценариев сексуального поведения, за которым стоят не только культурные нормы, но и глубинные личностные свойства. Например, возраст сексуального дебюта и индивидуальный стиль сексуальной активности старшеклассников, включая любовь к острым ощущениям, связан как со степенью их физической зрелости (точнее, с тем, как они ее воспринимают), так и со стремлением скорее добиться взрослого статуса, причем это верно для обоих полов. При этом те же

самые качества, которые дают молодым людям определенные социокультурные преимущества, одновременно являются факторами риска (девиантное поведение, склонность к наркотикам, алкоголизму и сексуальному насилию).

В прошлом изучение сексуального поведения часто строилось вокруг институтов брака и семьи. Этот ракурс проблемы, то есть сопоставление брачной, добрачной и внебрачной сексуальной активности, остается существенным. Несмотря на ослабление института брака, постоянные партнерские отношения остаются важной социальной и личной ценностью. По всем социологическим опросам, женатые люди больше удовлетворены жизнью, чем одинокие. Большинство людей считают совместную жизнь с сексуальным партнером наиболее близкой к идеалу (и фактически основная часть сексуальной активности приходится на стабильные партнерские отношения).

Однако сами семейные ценности дифференцируются, на первый план выходят качественные показатели *субъективного благополучия*. В отличие от традиционного брака, стабильность которого зачастую навязывалась извне, современные партнерства и браки тяготеют к тому, чтобы быть «чистыми» (термин английского социолога Энтони Гидденса), самооценными отношениями, основанными на взаимной любви и психологической интимности, независимо от способа их социального оформления.

Такие отношения значительно менее устойчивы, чем нерасторжимый церковный брак и даже буржуазный брак по расчету, основанный на общности имущественных интересов. Это означает увеличение числа разводов и связанных с ними социально-психологических проблем. Актуальной задачей общества становится поэтому не только укрепление семьи, но и повышение культуры развода, от недостатка которой больше всего страдают дети. Иногда процессы, порождающие болезненные проблемы, содержат в себе средства их смягчения (например, психологическая травма, причиняемая ребенку разводом родителей, смягчается осознанием того, что это явление массовое, ты не один в таком положении).

Типичная форма сексуального партнерства у современных молодых людей — так называемая серийная моногамия, когда человек живет одновременно только с одним партнером/партнершей, но эти

отношения продолжают не всю жизнь, а только какой-то более или менее длительный отрезок времени. Эта установка противоречит, с одной стороны, идее пожизненного брачного союза, а с другой — лево-радикальным идеям о ненужности института брака и супружеской верности вообще. Отношение серьезных социологов к серийной моногамии сначала было ироничным, казалось, что она может существовать только в молодежной среде и при отсутствии детей. Но последние десятилетия показали, что подобная практика, нравится нам это или нет, становится все более распространенной, а это ставит новые задачи перед государством и системами социального страхования.

Установка на возможную временность сексуального партнерства производна от высокой социальной мобильности, делающей любые социальные идентичности и принадлежности (профессиональные, территориально-этнические, конфессиональные и т.д.) более изменчивыми. Это создает ситуацию ненадежности и неопределенности, но в то же время увеличивает степень индивидуальной свободы и связанной с нею ответственности.

Снижение возраста сексуального дебюта и автономизация подростковой и юношеской сексуальности от «внешних» форм социального контроля со стороны родителей, школы, церкви и государства создает множество опасных ситуаций. Как показывают исследования, в 1970-х годах раннее начало сексуальной жизни очень часто было связано с различными антинормативными поступками (плохая успеваемость, пьянство, хулиганство, конфликты с учителями и родителями и т.п.). В дальнейшем эта взаимосвязь ослабла. Хотя раннее начало сексуальной жизни часто сочетается у подростков с проблемным поведением и стремлением скорее повзрослеть, оно зависит как от социальных условий, так и от индивидуальных, личных особенностей подростка. Это необходимо учитывать в практике сексуального просвещения.

Убедившись в бесплодности запретов и неэффективности семейного сексуального образования, европейские страны в конце XX века пошли по пути создания общественных систем сексуального просвещения детей и подростков, что дает положительные плоды, особенно в том, что касается уменьшения числа аборт и профилактики ИППП и ВИЧ-инфекции. Страны, которые с этим запоздали (например,

США), имеют значительно худшие демографические и эпидемиологические показатели. Нет сомнения, что в XXI веке усилия по сексуальному образованию подростков и молодежи в наиболее развитых странах будут продолжены, причем акцент делается не на запретах, а на убеждении и просвещении.

Важные сдвиги происходят в сфере сексуальной морали. Моральное регулирование и оценка сексуальных отношений не исчезают, но становятся более гибкими и реалистическими. При этом а) уменьшается разрыв между повседневной, бытовой и официальной моралью (и, следовательно, становится меньше лицемерия) и б) сужается круг морально оцениваемых явлений.

Число и тип сексуальных партнеров и конкретные сексуальные техники (что именно люди делают в постели) становятся исключительно делом личного усмотрения. Главными и единственными критериями моральной оценки сексуальных действий и отношений становятся их добровольность, взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается. Осуждению, а порой и юридическому преследованию, подвергаются не только прямое сексуальное насилие, но и различные формы сексуального принуждения и понуждения, на которые раньше не обращали внимания. Нетерпимость к сексуальному насилию и принуждению всегда связана с гендерным равенством, демократичностью и просвещенностью общества.

Важный элемент современной сексуальной культуры — связанная с общим ростом социальной терпимости и эмансипацией сексуальности от репродукции *нормализация гомосексуальности*.

Первым шагом на пути к освобождению однополый любви была ее декриминализация, то есть отмена уголовного наказания за гомосексуальные отношения. В большинстве западных стран это произошло в 1960—1970-х годах, в России — в 1993 году. Сложнее оказался процесс депатологизации, то есть отмены диагноза, признающего гомосексуальность психическим заболеванием. Представление о гомосексуальности как психической болезни, если не касаться богословских истоков, покоится прежде всего на отождествлении сексуальности с репродукцией, из которого автоматически вытекает признание гетеросексуальности единственной нормой. В середине XX века эта точка зрения подверглась сомнению. Исследования Альфреда Кинзи показали, что гомосексуаль-

ность распространена значительно шире, чем было принято думать, и является многомерной. Проведенное американским психологом Эвелин Хукер сравнение социальной адаптированности группы гомосексуалов с контрольной группой гетеросексуальных мужчин не выявило между ними существенной разницы и позволило сделать вывод, что «гомосексуальность как клиническое, болезненное явление не существует, а ее формы столь же разнообразны, как формы гетеросексуальности». После долгой борьбы Американская психиатрическая ассоциация, опираясь на эти научные данные, в 1973 году исключила гомосексуальность из своего перечня психических болезней. В 1990 году в том же направлении пересмотрела свою классификацию болезней Всемирная организация здравоохранения. В 1995 году эту позицию приняла Япония, в 1999 году — Россия, в 2001 году — Китай.

Депатологизация однополой любви напоминает судьбу левшества. В прошлом леворукость также считали болезненной и опасной, а левшей морально развращенными, им приписывали связь с дьяволом, обследования в тюрьмах и психиатрических больницах в конце XIX века «подтверждали», что левши чаще бывают лунатиками, невротиками, имеют преступные наклонности, среди них больше умственно отсталых, заик, эпилептиков и т.д. Врачи, учителя и родители делали все возможное, чтобы подавить в детях это болезненное начало и научить их пользоваться преимущественно правой рукой. Иногда это получалось, чаще — нет, но всегда причиняло много хлопот и мучений. Сегодня эти тревоги кажутся смешными. Хотя леворукость связана с особенностями латерализации полушарий головного мозга и, подобно гомосексуальности, встречается у мужчин вдвое чаще, чем у женщин, причем между этими феноменами есть определенная связь, она не сопряжена ни с какими психическими и нравственными отклонениями.

Нормализация однополой любви делает инаколюбящих более видимыми, слышимыми и социально благополучными. Европейское сообщество считает дискриминацию людей по признаку их сексуальной ориентации такой же юридически и морально неприемлемой, как расизм и антисемитизм. В демократических странах инаколюбящие живут открыто, хорошо интегрированы в общество, уровень образования у них выше, а уровень преступности ниже среднего, имеют многочисленные собственные организации, совместно с представителя-

ми других сексуальных меньшинств активно участвуют в политическом процессе. Число совместно проживающих и ведущих общее хозяйство однополых пар во всем мире быстро растет. В ряде стран (Нидерланды, Бельгия, Канада, Испания, Норвегия, ЮАР) однополые партнерства полностью приравнены к законным бракам, другие страны ищут какие-то компромиссные формы их признания и оформления. Однополая любовь предстает такой же разнообразной и вариабельной, как разнополая, а сексуальная идентичность становится одной из многих личных идентичностей.

Плюрализация стилей жизни выводит многие старые проблемы из сферы исключительной компетенции психиатрии и сексопатологии. Вместо того чтобы пытаться изменить необычный стиль сексуальной жизни своего клиента (по принципу «телеграфный столб — это хорошо отредактированная сосна»), врачи и психологи помогают ему добиться максимально возможного благополучия в рамках его собственной индивидуальности, уменьшая связанные с ней специфические трудности и риски.

Принципиально меняется отношение общества к эротике. В XX веке ее включили в число законных предметов массового потребления, а свобода получения и распространения сексуальной информации стала одним из неотчуждаемых прав взрослого человека. Существенный сдвиг в сексуальных установках — нормализация мастурбации. Мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшие жизнь бесчисленным поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое. Многие взрослые благополучно женатые люди не только дополняют ею свою партнерскую практику, но и считают ее автономной и самоценной формой сексуальной активности. Важной формой сексуального удовлетворения, особенно для тех людей, которым по тем или иным причинам трудно реализовать свои эротические желания в обычных отношениях, лицом к лицу, становится виртуальный секс. Интернет — это одновременно и новая, не ограниченная даже государственными границами служба знакомств, и возможность проиграть свои воображаемые сексуальные идентичности, и просто шанс выговориться. Как и всякое другое явление, он чреват определенными опасностями, прежде всего — угрозой ухода из реальной жизни в виртуальную, сексологи уже говорят о «виртуальной сексуальной одержимости».

Но подвержены ей, как и «телемании», о которой много писали в середине XX века, главным образом люди с определенными коммуникативными проблемами и трудностями. К тому же виртуальный секс может использоваться и в целях сексуальной терапии.

Перечисленные выше тенденции распространены повсеместно, но по-разному проявляются в разных странах. Это верно и относительно России. Традиционная *русская сексуальная культура* как на бытовом, так и на символическом уровне всегда отличалась крайней противоречивостью. Жесткий патриархатный порядок, логическим завершением которого была поговорка «бьет — значит любит», сочетается с фемининным национальным характером и синдромом «сильной женщины». Откровенный крестьянский натурализм, не знающий закрытости и интимности, соседствует с суровым внемирским православным аскетизмом. Разобщенность телесности и духовности проявляется и в языке, и в телесном каноне, и в представлениях о любви. Изощренная матерщина и иное сквернословие соседствуют с отсутствием высокой эротической лексики. Все это к тому же усугубляется сословными и классовыми контрастами.

Начиная как минимум с XVII века все цивилизационные процессы в России проходили под влиянием и во взаимодействии с Западом, «цивилизация» воспринималась как европеизация и вестернизация, и отношение к ней было противоречивым. В сексуальной культуре России XIX — начала XX века происходили принципиально те же процессы, что и в Европе, и обсуждались они в том же самом интеллектуальном ключе.

Октябрьская революция прервала это поступательное развитие. Декадентская эротика была не нужна рабоче-крестьянским массам, а большевистская партия видела в неуправляемой сексуальности угрозу своей идеологии тотального контроля над личностью. Столкнувшись уже в 1920-х годах со сложными социально-демографическими и социально-медицинскими проблемами (дезорганизация брачно-семейных отношений, рост числа нежелательных беременностей и аборт, распространение проституции, венерических заболеваний и т.д.) и не сумев справиться с ними цивилизованным путем, советская власть в 1930-х годах обратилась к репрессивным, командно-административным методам (рекриминализация гомосексуальности,

запрещение какой бы то ни было эротики, ограничение свободы развода, запрещение аборт и т.п.). Идеологическим оправданием этой политики была уникальная большевистская сексофобия («у нас секса нет»), с резко выраженным антибуржуазным и антизападным острием. С помощью репрессивных мер в СССР была выкорчевана вся сексуально-эротическая культура (эротическое искусство, научные сексологические исследования и любое сексуальное просвещение).

Однако официально провозглашенные цели этой политики — укрепление семьи и нравственности и повышение рождаемости — не были достигнуты. Наоборот, она имела эффект бумеранга. Вместо повышения рождаемости страна получила рост числа подпольных абортов, а как только аборт были легализованы — заняла по этому показателю первое место в мире. Запрещение легального сексуально-эротического дискурса неизбежно низводит человеческую сексуальность до уровня немой, чисто физиологической активности, делая ее не только примитивной, но и социально опасной и непредсказуемой.

Как только репрессивный режим ослабел, сексуальный дискурс стал возрождаться, причем выяснилась не только значительная отсталость страны, но и то, что, несмотря на все репрессии и социальную изолированность от Запада, главные тенденции динамики сексуального поведения в СССР были те же, что и там, — снижение возраста сексуального дебюта, эмансипация сексуальной мотивации от брачной, рост числа разводов, добрачных и внебрачных зачатий и рождений, повышение интереса к эротике, развитие женской сексуальности и т.д. В том же направлении эволюционируют и сексуальные установки россиян.

По данным всех эмпирических исследований, существенные сдвиги в этом направлении начались не в эпоху перестройки и гласности, а уже в 1960-х и, особенно, 1970-х годах. Подростки 1990-х годов только продолжили этот процесс.

Отличие России от Запада заключается не столько в направлении развития, сколько в его хронологических рамках и в степени общественной рефлексивности. Сексуальное поведение и ценности петербуржцев середины 1990-х годов напоминают те, что бытовали в Финляндии в начале 1970-х, а структура сексуального поведения современных российских подростков похожа на ту, что была типична для юных американцев начала 1970-х.

В развитых странах Запада сдвигам в сексуальном поведении предшествовали сдвиги в социальных установках, которые обсуждались публично. В России на бытовом уровне дело обстоит так же (иначе просто не бывает). Однако поначалу цензурные запреты, а позже отсутствие профессионального дискурса препятствовали осознанию этих сдвигов, которые из-за этого кажутся неожиданными и катастрофическими. Российские политические и педагогические дебаты о задачах и возможностях сексуального просвещения до сих пор идут на уровне 1950-х — начала 1960-х годов, а то и конца XIX века. Многие важные проблемы, открыто обсуждающиеся в любой молодежной тусовке, профессионально вообще не отрефлексированы и остаются под запретом, дабы не вводить молодежь в соблазн. Разрыв поколений в вопросах сексуальной культуры в России значительно больше, чем на Западе.

Еще один важный момент — противоречивое соотношение принципов сексуального либерализма и гендерного равенства. В Скандинавских странах пик сексуальной терпимости был достигнут в 1970-х годах, после чего некоторые ее проявления, такие, как проституция и порнография, стали подвергаться критике с точки зрения гендерного равенства.

В России либерализация началась позже, приняла форму коммерциализации секса и часто, как только речь заходила о праве женщин на сексуальное самоопределение, сочеталась с махровым сексизмом и традиционализмом.

Сдвиги в сексуальном поведении молодежи, сопровождающиеся значительными социальными издержками, застали российское общество и государство врасплох.

Глобальные демографические процессы, такие, как, например, снижение рождаемости, органически сливаются с локальными, обусловленными социально-экономическим упадком России 1990-х годов (снижение уровня жизни, рост детской смертности, разрушение общественного здравоохранения и общая криминализация страны). Обсуждающие их политики и журналисты пользуются случайными, недостоверными данными, отбор и выводы крайне политизированы. Отечественные данные не сравнивают с тем, что происходит в других странах, а глобальные процессы зачастую принимают за местные, сугубо

российские, обусловленные специфически российскими особенностями и трудностями. Сложные и противоречивые тенденции общественного развития примитивно объясняются «падением нравов», влиянием «растленного Запада», происками западных спецслужб и фармацевтических компаний. Реальные трудности, переживаемые страной, при этом мистифицируются и усугубляются.

Главный положительный результат 1990-х годов в сексуальной сфере, достигнутый усилиями медиков, — значительное снижение числа нежелательных беременностей и аборт. Тем не менее соответствующие российские показатели по-прежнему остаются одними из самых худших в мире. Успешная контрацепция требует не только материальных средств, но и наличия достаточно высокой общей сексуальной культуры. Между тем идея систематического сексуального просвещения молодежи была уже в 1996—1999 годах опорочена и заблокирована совместными усилиями консервативных политиков, церковников и коррумпированных СМИ (кстати сказать, при очень активной финансовой и идеологической поддержке американских фундаменталистов, вроде движения Pro-Life, о чем почему-то очень редко упоминают). Начатый ими в 1996 году и продолжающийся по сей день крестовый поход против сексуального просвещения отбросил страну на 20—25 лет назад.

Как показывают многочисленные исследования, общие тенденции сексуального поведения современной российской молодежи те же, что и в странах Запада, однако уровень сексуальной образованности россиян значительно ниже, что особенно ярко выражается в статистике распространения ВИЧ-инфекции и других заболеваний, передаваемых половым путем, подростковых беременностей, аборт и т.п. Принятое Всемирной организацией здравоохранения важное разграничение понятий сексуального и репродуктивного здоровья российским медицинским сообществом практически не усвоено, а понятие «безопасный секс» многие политики вообще отвергают, считая единственным средством профилактики ВИЧ и других инфекций половое воздержание до брака, чего молодежь, естественно, не делает. В связи с общим ростом ксенофобии и клерикализацией российского сексуального дискурса в последние годы резко усиливаются политическая гомофобия, оскорбления и травля сексуальных меньшинств в средствах массовой информации.

Все это создает в России серьезные трудности социально-медицинского, культурного и политического порядка и углубляет и без того большой разрыв поколений.

ГЕНДЕРНЫЙ ЭТАП СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На наш взгляд, сексуальная революция в России происходила в несколько этапов. Если в западных обществах сексуальная революция 1960—1970-х годов была связана с развитием рынка контрацепции и политическими изменениями (феминистским и другими политическими движениями, общественными дебатами на эту тему), то в России политические изменения были вызваны изменениями в повседневности и публичным обсуждением. Применительно к России исследователи выделяют два этапа радикальных изменений в сфере сексуальности. Первый этап, или *«сексуальная революция в повседневности»*, пришелся на позднесоветский период и был связан с либерализацией сексуальных практик, с изменением реального поведения людей. Второй этап, или *«дискурсивная сексуальная революция»*, начался в период перестройки/гласности и был ознаменован публичным обсуждением темы сексуальности и определенными общественными переменами — общедоступностью контрацепции и информации о сексе, реорганизацией медицинского обслуживания и т.п. Сейчас в России происходит третий — *гендерный* — этап сексуальной революции. В чем же он заключается?

Если говорить о новом поколении молодых людей, то исследователи отмечают, что у них происходит выравнивание гендерных стандартов, повышается значимость партнерства как осознанных, равноправных отношений. Однако эти тенденции захватывают не все общество равномерно. Они отчетливо выражены у образованного городского слоя, проявляясь в разных сферах жизни (в сфере межличностных взаимодействий, в разделении домашнего труда, в распоряжении деньгами, в воспитании детей и пр.), в том числе и в сексуальной. Сексуальное взаимодействие и появление детей описываются партнерами как предмет планирования и переговоров, учитывающих индивидуальные различия и взаимные потребности. Например, совместное принятие решения о рождении ребенка и включенность отца на всех стадиях беременности и участие в родах

означают формирование особого совместного опыта и доверия партнеров, способствующих преодолению гендерной поляризации (разрыва между «женским» и «мужским» миром) в репродуктивной сфере. Это способствует гендерному выравниванию представлений о родительских ролях и совместному участию в уходе за ребенком.

В интервью, проведенных нами с представителями молодежи, четко очерчивается рациональное, осознанное отношение к сексуальной жизни. Современные молодые женщины в России стремятся к контролю над своей жизнью, в том числе сексуальной. Контроль обеспечивается обретением знаний, заботой о здоровье, планированием сексуального дебюта, выбором партнера (мужа), «работой над оргазмом», информированным использованием контрацепции, планированием и организацией рождения детей и пр. Такие женщины знают, чего они хотят в своей сексуальной жизни и в жизни в целом и как этого добиться. Эти женщины достигли экономической и профессиональной независимости или стремятся к ней.

Как показали наши исследования, современная молодая женщина выстраивает стратегию создания семьи. Она определяет обстоятельства, которые считает необходимыми и достаточными для семейной жизни. Она имеет представление о собственной позиции и о соотношении ролей в будущей семье. С точки зрения двадцатидвухлетней женщины, прежде чем вступить в супружеские отношения, необходимо обеспечить свой карьерный рост и полную экономическую независимость. Нести ответственность за семью должны оба супруга: *«Я бы не сказала, что это (семья) сейчас стоит на моей повестке дня... Хочу достичь определенного карьерного роста и какой-то определенной финансовой стабильности, после чего я бы уже думала о семье, хотя не считаю, что женщина должна быть тем человеком, который содержит семью, но, собственно... надо быть абсолютно независимой»* (Людмила, 22 года).

Женщина готова нести ответственность за свои семейные планы и сексуальную жизнь. Для этого ей необходима соответствующая информация. Она осваивает специальную литературу, планирует репродуктивное поведение, контролирует свое здоровье, регулярно посещает гинеколога, предохраняется от нежелательной беременности и заболеваний. Наша информантка рассказывает: *«Я тщательно проштудировала, какую только возможно литературу по поводу контрацепции. Более того, мне оказалось мало, я пошла к нескольким разным врачам на прием, и все они*

мне сказали совершенно разные вещи... Я поняла: главное — что я сама готова нести за это (сексуальные отношения) ответственность. За этот шаг (сексуальный дебют), за эти последствия» (Алена, 22 года).

Женщина выступает инициатором использования контрацепции, на что соглашается (или не соглашается) мужчина: *«Когда было в первый раз, я сразу поставила, что я без презерватива не хочу и ничего делать не буду. Вот. Он, собственно, согласился, и сейчас это в порядке вещей» (Наташа, 22 года).* Она выступает инициатором контроля сексуального здоровья пары, настаивает на том, чтобы партнер также гарантировал свое здоровье: *«Перед тем как там заняться со мной сексом, он сдал кучу анализов, что он здоровый... Он не мог мне перечить ... он не мог мне сказать — нет. А как? Я так хочу! Я вот, я вся чистая, здоровая, и все, и я хочу быть уверена в тебе. Вот у тебя там куча, немерено этих женщин было...» (Яна, 19 лет).*

Для этих женщин характерно другое отношение к абортам по сравнению с советским поколением. Аборты перестают быть травматичными с медицинской точки зрения, но одновременно они утрачивают свойства нормальной, привычной практики. К этому средству контроля репродукции прибегают теперь гораздо реже, отношение к абортам становится более негативным. Отрицание абортов подкрепляется разными аргументами — от вреда здоровью до совершения убийства (подобная мотивация практически отсутствовала в советское время). Появляются категории «вины», «стыда», «греха», «некультурности», связанные с прерыванием беременности. Контрацептивная культура перестает быть абортной, хотя нежелательные беременности и аборты, к сожалению, все еще остаются распространенным опытом.

Признается (и осознается) наличие у женщины сексуальных потребностей. Женщина стремится испытывать сексуальное удовольствие, оргазм, обсуждает это с партнером, «работает» над достижением удовольствия. Оргазм становится одной из важных целей сексуальных отношений. В интервью о сексуальности наши информантки часто говорили о ценности оргазма, способах его достижения, сравнивали разные типы этого ощущения — в зависимости от интенсивности, качества и пр. Надо отметить, что истории о женском оргазме в качестве инструкций широко представлены в современных массмедиа. Женщина не видит смысла в имитации сексуального удовлетворения (о чем часто рассказы-

вали женщины поколения поведенческой революции) и расстается с партнером, с которым не достигает оргазма. Она считает, что невозможность достигнуть удовлетворения, обсудить эту проблему с партнером и найти определенный способ ее решения следует показателем неудовлетворительного качества отношений в целом, свидетельствует об отсутствии заинтересованности друг в друге и о недостатке доверия между партнерами. Она отказывается от одностороннего сексуального обслуживания, не приносящего ей удовлетворения, и не видит смысла сохранять такие отношения. Приведем характерные цитаты.

«...Мы с ним начинаем заниматься сексом, проходит пять минут, и я говорю: «Все. Давай. Хватит». Он такой: «Что?» Я такая: «Все, я не хочу. Мне не интересно»... Никаких ощущений. «А че, чтобы он получал удовольствие? Я не готова, чтобы удовлетворять какого-то мужчину. Ты вот не можешь доставить мне удовольствие? Все, давай, пока. Как бы мне это не интересно» (Яна, 19 лет).

«Это глупо, когда женщина начинает симулировать оргазм... Если у вас какие-то близкие отношения, если он не может тебя довести до оргазма, простите, это проблема, это надо решать, надо что-то делать, надо друг о друге заботиться... ты всю жизнь так и будешь ходить неудовлетворенной? Смысл? У вас же и отношения из этого будут строиться совершенно другие, потом это же означает, что вы друг другу как-то не особо доверяете, зачем ты будешь симулировать оргазм? Ты не доверяешь ему, ты не можешь ему сказать: ты знаешь, дорогой, мне это не нравится, а попробуй со мной сделать это, я хочу так вот» (Виктория, 24 года).

Допускается проявление инициативы женщины в сексуальных отношениях. Она выбирает партнера, контролирует время и ситуацию первого сексуального опыта. Она ищет подходящего сексуального партнера: любовника /мужа в перспективе/ отца ребенка. Она обладает высоким уровнем рефлексии, свободно рассказывает о том, что ее устраивает или не устраивает в конкретных сексуальных отношениях. Сексуально эмансипированная женщина часто выступает и инициатором разрыва, и в этом она сходна с «поколением матерей» (поколением поведенческой революции). Однако причиной разрыва может быть то, что молодую женщину не устраивают сексуальные отношения. Такая мотивация в поколении матерей встречалась гораздо реже.

Женщины, сознательно выстраивающие свою сексуальную жизнь, ориентируются на *партнерство*. Такие отношения предполагают взаимную заинтересованность, равноправие, наличие обоюдных сексуальных потребностей и обсуждение отношений. Информантка рассказывает: *«Я всегда, вступая с кем-либо в половую связь, как бы стараюсь расставлять такие акценты, что это нужно не только тебе, но и мне. И поэтому это как-то: никто здесь не подчиненный, и никто здесь не оплачивает, и не оплачиваем, то есть как-то это все на взаимовыгодных каких-то моментах построено»* (Людмила, 22 года). Партнеры должны быть одинаково информированы или вместе приобретать необходимые знания. Предохранение, беременность не считаются исключительно «женскими проблемами». Как полагает одна из информанток, в процессе сексуального просвещения нужно особое внимание уделять мальчикам, они должны знать не только, как функционирует их тело, но и особенности женского организма. *«Мальчики, например, тоже должны знать, я не считаю, что, если вот девочка залетела... это только проблема девочки. О том, как надо предохраняться, это не только проблема девушки. О том, что у девушки, оказывается, бывает менструация, не только девушка должна об этом знать»* (Виктория, 24 года).

Для партнерских пар характерен коммуникативный сценарий сексуальных отношений, а именно значимость взаимопонимания, дружбы, общения, взаимных интересов, нацеленность на совместные действия и эмоциональный контакт. Этот сценарий был характерен и для позднесоветского поколения, однако по сравнению с ним отношения становятся более рефлексивными, а сексуальная сфера — более важной. Коммуникативный сценарий молодых людей и девушек включает обсуждение вопросов сексуальной сферы и взаимодействий, знание сексуальных потребностей друг друга, признание значимости сексуального удовольствия в равной степени для обоих партнеров. В целом партнерские отношения противостоят двойному гендерному стандарту.

Молодые мужчины в этом случае, так же как и женщины, стремятся учесть индивидуальные и взаимные потребности в сексуальных отношениях, заботятся о безопасном сексе и предохранении от беременности, планируют семью и воспитание детей и пр. От них ожидается ответственность за разные стороны интимной жизни, в том числе забота о сексуальном удовлетворении партнера, использование контрацепции и

ориентация на безопасность в сексуальных отношениях. Такой мужчина знает сексуальные потребности подруги, заботится об ее самочувствии, «работает» над ее оргазмом. Для мужчин становятся нормальными обсуждение сексуальных чувств и практик, использование эффективной контрацепции, забота друг о друге. Наш эмпирический материал показывает, что часто молодые мужчины ответственно относятся к сексу и рассматривают взаимоотношения под влиянием или давлением девушек, а не по собственному выбору.

Рассмотрим, каким образом в партнерских отношениях выстраиваются контрацептивные практики и практики репродуктивного поведения, как происходит накопление знаний и опыта, как осуществляется сексуальное взаимодействие между мужчиной и женщиной, какое место во взаимодействиях занимает сексуальное удовольствие и удовлетворение.

Пара обсуждает сексуальный дебют или начало интимной жизни, при этом важным считается мнение женщины. Информантка рассказывает: *«Я ему объяснила, что должно пройти какое-то время, что не сразу все. Он как бы понял все и сказал: «...Когда скажешь сама, тогда и будет» (Ирина, 20 лет)*. Ирина и ее партнер совместно приняли решение проверить свое здоровье перед началом половой жизни и осуществили этот план. Аналогичные истории о начале сексуальной жизни рассказали нам и некоторые другие женщины. Ирина продолжает рассказ об освоении сексуальных знаний со своим гражданским мужем, о превращении этого процесса в игру, доставляющую удовольствие им обоим.

И: Кино? Ну, изредка. Так... книжки мы читаем, вместе [смеется]. Вслух.

Вопрос: Вслух, да? Какого типа?

И: «Эммануэль» мы читали. А так — мы читаем обычно вслух «Как побить сексуальную скуку», допустим, пособия различные такого содержания.

Эта пара обсуждала начало интимных отношений, предохранение, они вместе посетили врача, приняли решение о выборе гормональной контрацепции, которое устроило их обоих. Регистрацию брака и рождение ребенка они откладывают до окончания учебы и собираются предпринять меры, чтобы улучшить здоровье перед зачатием. В совместном быту у них нет гендерно маркированного разделения труда, Ирина

говорит об общности всех интересов и действий. Она не понимает, как партнер мог бы сделать что-то, не поставив ее в известность: *«Я не представляю, как так, чтобы мой муж не обсудил со мной даже покупку каких-то элементарных джинсов... это все у нас обсуждается в семье»*. Однако инициатором равноправия выступает она, и иногда ей приходится преодолевать сопротивление партнера: *«Я приветствую равноправие. Ну, мне очень нравится, что я... я не считаю, что я должна быть беременная, босая в кухне, он мне очень помогает»*.

Приведем еще один пример. Молодой мужчина (Дмитрий, 22 года) рассказывает о том, как со своей постоянной девушкой они экспериментировали в технике секса, обсуждали взаимные ощущения и предпочтения. При подозрении на беременность партнеры предпринимают ряд совместных шагов: *«мы купили тест в аптеке», «мы решили, что не готовы еще иметь детей», «мы прошли курс лечения... и сделали аборт»*. Частную клинику нашел сам Дмитрий, а для оплаты аборта продал свою дорогую куртку. После этого, пережив разные трудности, они стали использовать более надежную контрацепцию, в том числе гормональную. После распада гражданского брака у Дмитрия бывают случайные партнерши, в отношениях с которыми он всегда пользуется презервативами. По его словам, к предохранению он относится серьезно: *«Я не буду рисковать и все равно надену презерватив»*. В его суждениях выражена установка на равные отношения. Дмитрий считает, что женщине необходим секс как удовольствие, в частности, если она развелась, то «имеет право жить с другим мужчиной, получать кучу удовольствия».

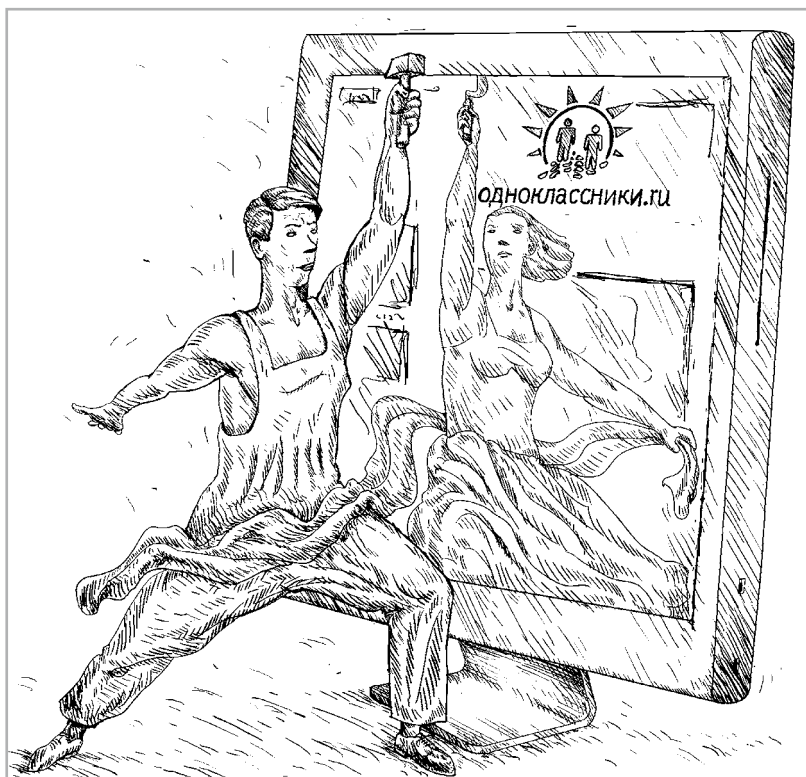
Молодые мужчины говорят о значимости удовольствия для женщины. Информанты убеждены, что *«и мужчины, и женщины обязаны работать... над тем, чтобы оргазм был гораздо выше»* (Петр, 20 лет). Петр говорит также, что считает себя обязанным помогать девушке в ситуации нежелательной беременности. Другой молодой человек, имея в виду женский оргазм, говорит: *«Надо бороться за качество... тем или иным способом, но этой кульминации добиться надо»* (Владимир, 26 лет).

Ориентация на партнерство описывается в рассказах многих молодых женщин и мужчин 1980-х годов рождения, которые существенно отличаются от поколения матерей и отцов. Тенденция к партнерству в сексуальной сфере, отношение к сексуальной жизни как к совместному рефлексивному равноправному проекту свидетельствуют о

том, что в сфере сексуальности происходят существенные изменения. Эти изменения отчасти обеспечены доступом к специальной литературе о сексологии, насыщенным рынком контрацепции, медицинским обслуживанием. Они связаны также с повышением ценности экономической и профессиональной независимости для многих молодых женщин. Однако трудно сказать, обладают ли эти тенденции устойчивостью. Партнерские отношения представляются достаточно хрупкими в гендерной культуре современной России. Росту активности и инициативности женщин противостоит дискурсивный поток, прославляющий традиционное противопоставление женственности и мужественности и советское наследие разделенных гендерных миров.

Таким образом, *гендерный этап* сексуальной революции в России может быть охарактеризован следующим образом. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере активность, рациональность, компетентность, ответственность, они ориентируются на практики сексуального удовольствия. Их сексуальная жизнь выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальные биографии которых во многом определялись судьбой и обстоятельствами. Данный проект ориентирован на партнерство. Однако у многих мужчин и женщин сохраняется традиционализм и воспроизводится гендерная поляризация, а сексуальная жизнь оценивается или как зависящая не от них лично, а от судьбы и обстоятельств. В таких условиях практики безопасного секса и ответственного отношения к деторождению становятся проблемными. На фоне снижения возраста вступления в сексуальные отношения, распространения СПИДа и ЗППП усиливается лицемерие общества и государства, ограничивающих сексуальное образование как способствующее «моральному разложению», не замечающих нехватку знаний и безответственного отношения к сексуальной жизни тех молодых мужчин, которые интерпретируют ее как свою неизбежную «судьбу».

ЛЮДМИЛА ПОПКОВА, АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ

**МИССИЯ — НЕВЫПОЛНИМА?
ПОЛИТИКА
И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО**

В

Во всех странах гендерная политика формируется в контексте общей социально-экономической и политической ситуации, а ее содержание во многом зависит от господствующей системы взглядов на принципы отношений между полами. Российское государство, как и Советский Союз в прошлом, объявляет своей официальной гендерной идеологией равноправие мужчин и женщин и соответственно берет на себя соблюдение всех международных обязательств в этой области прав человека. В Конституции Российской Федерации принцип равноправия полов закреплен в статье 19, согласно которой «мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности их реализации». Кроме того, принцип равноправия пронизывает все наше федеральное и региональное законодательство, включая Трудовой и Уголовный кодексы.

Наряду с Конституцией базовую правовую основу государственной политики гендерного равенства составляют международные документы, ратифицированные национальным парламентом. К самым важным из них относятся Конвенция ООН 1979 года «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» и многочисленные конвенции Международной организации труда об обеспечении равных прав и возможностей работающих мужчин и женщин. Следует отметить, что в течение последних десятилетий новые гуманитарные подходы к оценке мирового прогресса вырабатывает ООН. И проблема гендерного равенства не рассматривается как некая изолированная область, а встраивается в общую социальную и экономическую политику. Расширение возможностей женщин во всех областях общественной жизни становится одним

из ключевых критериев прогрессивного развития страны, наряду с показателями экономического роста.

В 1995 году Российская Федерация приняла официальное участие во Всемирной конференции ООН по положению женщин, утвердив затем два основных документа конференции — Декларацию и Пекинскую платформу действий — в качестве основы Национального плана по улучшению положения женщин. Ратификацию этих документов мы можем считать началом постсоветской гендерной политики. В соответствии с принятым планом государство создавало специальные правительственные структуры, отвечающие за проведение политики равноправия.

Очевидно, что конституционное равенство, как и принятие международных обязательств о гарантиях прав, останется лишь декларацией о намерениях без целенаправленной политики государства по преодолению неравенства полов. Успех этой политики, как показал мировой опыт, будет зависеть преимущественно от двух факторов:

— насколько эффективно удастся преодолеть дискриминацию по признаку пола и обеспечить реально равные возможности мужчинам и женщинам во всех сферах жизнедеятельности;

— способствует ли социальная и экономическая политика страны выравниванию статуса мужчин и женщин, то есть утверждению гендерного равенства на практике.

ДЕВУШКИ — ПОТОМ? ТРУДОВЫЕ ПРАВА, ДИСКРИМИНАЦИЯ, ЗАКОНЫ И «ПОЗИТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»

Экономическая самостоятельность, равные с мужчинами возможности работать и зарабатывать, реализовать свои профессиональные интересы и амбиции оказываются в любой стране мира основой гендерного равенства. Не случайно уже в середине 1990-х годов в нашей стране прекратились разговоры о том, что российские женщины в массе своей стремятся стать домохозяйками, отказаться от советской модели занятости. В первую очередь, большинство женщин не могут позволить себе не работать по экономическим причинам. И второе — обнаружился тот очевидный факт, что они вовсе не хотят ограничивать свои жизненные интересы только семьей и детьми. Поэтому столь важным и, пожалуй,

самым актуальным для современных российских женщин становится вопрос, насколько гарантированы им в реальной жизни права на труд, достойный заработок и профессиональную карьеру. Женщины и в период трансформаций и реформ, как и в советские времена, занимают активную позицию в сфере экономики, участвуют в общественном производстве, осваивают все новые виды деятельности. Особенно заметными оказались достижения в малом и среднем бизнесе, где около двух третей новых предприятий были созданы именно женщинами. Но если мы посмотрим на общую картину трудовой занятости, то увидим, что экономические возможности женщин отнюдь не равны мужским, а социологические опросы подтверждают, что женщинам труднее найти высокооплачиваемую и престижную работу. Достаточно взглянуть на объявления о таких вакансиях, где в большинстве случаев «требуются молодые мужчины».

А что же девушки, имеющие такую же квалификацию? Что с равноправием в трудовой сфере, какие правовые нормы и практики обеспечивают его в нашей стране?

Практика, при которой происходит ограничение прав и одному полу отдается предпочтение, определяется как дискриминация. Как известно, оснований, по которым человека могут ограничить или лишить прав, может быть сколько угодно. Это национальность, раса, возраст, религиозная принадлежность, политические убеждения и многое другое. В области трудовых отношений общепризнанным правовым принципом соблюдения прав человека считается положение о том, что единственным основанием права на работу может считаться профессиональная квалификация работника. Различение работников по какому-либо другим основаниям рассматривается как дискриминационное, лишаящее его конституционного права на равенство в сфере труда. В Российской Федерации все виды дискриминации, в том числе по признаку пола, признаются уголовным преступлением и наказываются в соответствии со статьей 136 Уголовного кодекса. В свою очередь, Трудовой кодекс запрещает работодателю оценивать работника по какому-либо основаниям, кроме его деловых качеств. В законе даже приводится специальный список 15 конкретных признаков, по которым запрещено дискриминировать работников, и среди них пол и возраст. Кодекс классифицирует подобную практику как дискриминационное «ограничение в трудовых правах и свободах» и предоставляет право лицам, подвергшим-

ся дискриминации, обращаться в органы федеральной инспекции по труду и/или в суд для восстановления нарушенных прав и возмещения материального вреда и компенсации морального ущерба.

Из этого обзора можно заключить, что и трудовое, и уголовное право, не говоря уже о Конституции, также гарантирующей возможность отстаивать свои законные права, обеспечивают мужчинам и женщинам одинаковые шансы на экономическую самостоятельность и достойный уровень жизни. Но даже самый предвзятый наблюдатель сразу отметит, что реальная картина в сфере трудовой занятости и доходов российских женщин никак не подтверждает этот тезис. Что говорят статистика и опросы населения по поводу ситуации с равенством трудовых прав и возможностей?

Как выяснила Федеральная служба занятости, в 2007 году при приеме на работу каждый второй человек сталкивался с прямой дискриминацией, чаще всего по признаку возраста и пола. Но при этом многочисленные социологические опросы и исследования показывают: граждане только в 15% случаев ясно осознавали, что столкнулись с нарушением их конституционных прав. Еще более поразительный вывод социологов — 30% работодателей из частного бизнеса были не в курсе, что отказ в приеме на работу со ссылкой на «неподходящий возраст и пол» является уголовным преступлением.

Женщины, как видим, оказываются в уязвимой трудовой ситуации сразу по двум позициям: а она слишком молода и может забеременеть и стать матерью маленького ребенка, уже с 45 лет она оказывается в «предпенсионном возрасте» и не может по мнению кадровых служб осваивать новшества, полностью отдавать себя делу. Конечно, в идеале многие российские работодатели предпочитают иметь сотрудников, готовых к сверхурочной работе, неожиданным командировкам, ненормированному рабочему дню. Безусловно, женщины с их, по сути, единоличной в нашей стране ответственностью за семью не особенно подходят под эти требования. Но понятно, что в правовом государстве проблемы эффективной организации труда и менеджмента не могут влиять на соблюдение законов. Кроме того, позиция работодателей подчас не определяется ничем, кроме предубеждений: вопреки давно изменившейся реальности, они продолжают настаивать на том, что женщины меньше мужчин заинтересованы в своей работе и профессиональной карьере. Надо сказать,

что Россия в этом плане вовсе не уникальна: эту ситуацию прошли и проходят все страны мира без исключения, и, как показывает опыт, только строгий государственный контроль за выполнением законов оказывает существенную роль в «перевоспитании» и приводит к отказу от устаревших гендерных стереотипов. Иными словами, это вполне реальная, решаемая задача, была бы проявлена воля государства.

Однако причины прямой дискриминации женщин на рынке труда могут быть куда более серьезными, чем просто предрассудки. Семейные обязанности и связанные с ними социальные права женщин делают их потенциально невыгодными работниками. По закону женщины могут получать пособия по беременности, родам и уходу за ребенком, им гарантируется сохранение рабочего места после декретного отпуска, обязанность предоставлять неполный рабочий день, больничные листы по уходу за ребенком и многие другие права. Поэтому российские работодатели идут на прямое нарушение законов, стремясь избежать соблюдения этих гарантий. Между тем отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или имеющей детей в возрасте до трех лет грозит уголовной ответственностью по статье 145 УК РФ. Но беременной женщине при существующей правовой процедуре весьма непросто бегать по судам, доказывая незаконность такого решения. Столь же привычными сегодня стали требования подписывать неформальные «обязательства» о том, что принятые на работу женщины не будут иметь детей в течение определенного срока, а также выплата «неформальной премии» за то, чтобы они просто уволились и отказались отстаивать свои права.

Почему же, как свидетельствуют социологи, только 1% граждан в этих случаях обращается в суд и столько же ищет защиты в профсоюзе предприятия? Конечно, правовая культура, включающая знания о своих правах, пока не особо развита в нашей стране, и это препятствует борьбе с дискриминацией. Но верно и то, что даже те женщины и мужчины, которые осознают свою дискриминацию в трудовой сфере, считают бесперспективным прибегать к судебному разбирательству и не рассчитывают на прокуратуру и трудовую инспекцию. Причина в том, что даже профессиональные юристы отмечают сложность существующей правовой процедуры, поскольку очень трудно доказать в суде факт дискриминации как «преднамеренный умысел работодателя». Эти правовые нормы крайне нечетки, и реально «поймать работодателя за руку» и привлечь его к ответ-

ственности не удастся. Надо заметить, что и на профсоюзы никто из пострадавших не рассчитывает, 85% трудящихся вообще никогда не обращаются в эти организации. Если бы Трудовой кодекс содержал конкретные механизмы защиты от дискриминации, как, например, Закон о защите прав потребителей, и работодателям пришлось бы раскошелиться за нарушение закона, успехи в этой борьбе не заставили бы себя ждать. Отсутствие практик защиты законных прав и интересов создает своего рода замкнутый круг: если вы не верите в успех, то и не начинаете борьбу, а затем уже ситуация воспринимается как привычная и даже сама собой разумеющаяся.

Жителю Воронежа удалось в 2008 году выиграть в суде дело по факту дискриминации, поскольку ему «повезло», у него имелся письменный отказ в приеме на работу. В отказе службы занятости было прямо записано, что его возраст не подходит работодателю. В суде ответчик задним числом придумать подходящие объяснения уже не мог. Но в большинстве случаев получить правдивую мотивацию отказа в приеме на работу, да еще и зафиксированную, как требует российская процедура, нелегко. Между тем в мировой практике сам работодатель обязан доказывать суду, что в его действиях не было дискриминационных моментов. В нашей стране некоторые региональные департаменты по труду, озабоченные масштабами трудовой дискриминации, пытаются компенсировать недостатки правовой системы, требуя от работодателей в письменной форме излагать причины отказа в принятии женщины на работу.

Несмотря на все юридические сложности, самым отважным и последовательным в нашей стране все же удастся отстоять свои права, даже если приходится проходить суды всех инстанций. В начале 2007 года сенсационной новостью стало «дело Баныкиной», юриста из города Сарова, выигравшей в Конституционном суде иск о нарушении своих материнских прав. Обнаружив противоречия в юридических нормах, молодая мама оспорила норму, ограничивающую ее пособие по беременности и родам определенной суммой, указав на то, что общие нормы требовали выплачивать пособие, исходя из среднемесячной зарплаты. Будучи высокооплачиваемым специалистом, она, как и сотни других женщин, теряла в этой ситуации большую часть дохода. В своем исковом заявлении Татьяна Баныкина квалифицировала эту норму как нарушение прав, в чем ее поддержал Конституционный суд, предписав отменить подобное ограничение и защитив таким образом права многих женщин. А в 2006 году уже

Европейский суд по правам человека постановил выплатить семи российским женщинам по 3000 евро моральной компенсации одновременно с индексированной задолженностью по детским пособиям. Принципиально важен в этих случаях сам факт предъявления требований к государству выполнять законы и взятые на себя международные обязательства.

Эти и другие прецеденты отстаивания прав в суде, конечно, дают надежду на большой прогресс в искоренении дискриминационных практик, но специалисты полагают, что борьба могла бы стать куда более успешной при устранении некоторых правовых барьеров применения законов на практике. Первый барьер — это размытое юридическое определение понятия «дискриминация», второй — отсутствие четкой системы привлечения виновных и наказания за нарушение закона. Что касается определения дискриминации, то в Трудовом кодексе она трактуется просто как «нарушение прав». Эта расплывчатая формулировка очень трудна для доказательств в суде. Гораздо эффективнее, по мнению юристов, может быть принятое МОТ определение дискриминации как «любого различия, исключения или ограничения, которое ослабляет или сводит на нет пользование правами». При такой формулировке любые практики дифференциации и предпочтения одного пола другому в сфере труда являются дискриминационными и подлежат наказанию.

Другим важным условием успешной борьбы с подобными нарушениями в трудовой сфере могло бы стать принятие отдельного закона о запрете дискриминации по признаку пола. Опыт многих стран показывает эффективность такой меры. И вторым шагом после принятия таких законов обычно становилось создание правительственных комитетов по равенству, специально занимающихся проблемой применения закона на практике. Почему это так важно? В эти органы власти граждане могли подавать жалобы по фактам дискриминации, чтобы затем от их лица чиновники обращались в суд с исками на нарушение закона. Ведь женщины не имели опыта, смелости, денег для самостоятельного обращения в суд, и исполнительная власть пришла им на помощь в борьбе с работодателями за свои права. Начавшись еще тридцать лет назад, эта борьба продолжается по сегодняшний день. В 2007 году американская компания Кохлер Корпорейшн вынуждена была выплатить 900 тысяч долларов компенсации по коллективному иску 2000 женщин, которых не приняли на работу на завод по производству труб. Этот иск в суде представляла правительствен-

ная Комиссия по равенству в сфере занятости. А годом ранее крупнейшая мировая торговая компания Уолл-Март столкнулась в суде с коллективным иском сотрудниц, обвинявших руководство в том, что их регулярно обходят при повышении по службе, начислении бонусов, а от менеджеров они слышат, что «мужчины здесь работают, чтобы сделать карьеру, а женщины — чтобы лишь подработать». Итог — решение суда о миллионе долларов компенсации за нарушение закона. Сотни тысяч судебных решений, принятых за эти годы, во многих странах переломили ситуацию с нарушением прав женщин на рынке труда. Работодатели, вынужденные выплачивать внушительные штрафы не только за отказ в приеме на работу, но и за публикацию объявления о вакансиях с указанием «требуется мужчины», постепенно вынуждены были корректировать свою кадровую политику. Нормы, запрещающие подобные дискриминационные требования, прописывающие суммы штрафов за их нарушение, являются отдельными статьями законов о гендерном равенстве.

В нашей стране таких объявлений, ограничивающих претендентов не только по полу, но и по возрасту, значительное количество: по оценкам исследователей, около 40%. Они стали привычным явлением, не вызывают противодействия ни со стороны граждан, ни со стороны органов власти, призванных следить за соблюдением законов. Отсутствие государственной озабоченности проблемой равных трудовых прав на деле, а не на уровне официальной идеологии и деклараций хорошо иллюстрирует дискуссия среди российских политиков по поводу этой ситуации. В 2007 году Федеральная антимонопольная служба предложила установить специальный запрет на указание пола и возраста в объявлениях о рабочих вакансиях и ввести штраф за нарушение этого запрета в размере от 40 до 500 тысяч рублей. Для российских парламентариев, принявших участие в обсуждении инициативы, мировой опыт демократических стран, конечно, не является убедительным аргументом. Они в большинстве своем, включая зампреда Комитета Госдумы по труду, озаботились совсем другим, а именно «усложнением жизни работодателей, которым предстоит просматривать слишком много резюме». Вот ведь о чьих правах должна идти речь. Да и зачем, собственно, соблюдать такие формальности, хотя они и предписаны законом? В ходе дискуссии к тому же выяснилось, что, по мнению народных избранников, «работодателя вообще нельзя принуждать брать на работу ненужных ему лиц». Изумленная реплика депутата из Комитета по делам женщин: «А

соблюдать Трудовой кодекс тоже нет необходимости принуждать?» — никак не повлияла на мнения большинства законодателей. Инициатива, понятное дело, так только инициативой и осталась.

Не вызывает удивления в связи с этим и судьба другой правовой инициативы — на сей раз со стороны женских общественных организаций, внесших в парламент в 2003 году закон «О государственных гарантиях равных прав, свобод и возможностей мужчин и женщин». Проект этого специального закона давал более четкое определение дискриминации и, главное, прописывал четкую процедуру ответственности и наказания виновных. Надо заметить, что подобные законы приняты в большинстве стран, включая наших ближайших соседей по СНГ — Казахстан, Киргизстан, Армению и др. Эксперты при обсуждении поддержали проект, но он был отложен в Госдуме на неопределенный срок, поскольку российские законодатели не посчитали борьбу с дискриминацией столь уж важной задачей, есть ведь и другие дела.

«СТЕКЛЯННЫЙ ПОТОЛОК», «ПОЗИТИВНЫЕ МЕРЫ» И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РАВЕНСТВА

Одними запретами победить дискриминацию в трудовой сфере не удастся, поскольку это сложное экономическое, социальное и культурное явление не поддается однозначной трактовке и решению. Кроме того, дискриминация существует в разных формах, бывает не только прямой, но и скрытой, как принято говорить — косвенной. Поэтому важной задачей становится обнаружение этих неформальных, подчас невидимых механизмов и практик.

Экономическая сущность такой скрытой трудовой дискриминации проявляется, в частности, в сегментации рынка труда на «мужские» и «женские» отрасли. При этом женщины в большинстве своем сосредоточены в менее оплачиваемых отраслях — бюджетной сфере, в легкой промышленности. Результатом этого становится неравенство доходов и статуса при формально равном доступе к образованию и рабочим местам. Это мировое явление, получившее название горизонтальной сегрегации рынка труда, формировалось в России в течение очень длительного времени и под воздействием многих факторов.

По данным Федерального агентства по статистике, заработные платы женщин составляют в настоящее время в среднем 60% заработной платы мужчин, причем тенденция к разрыву, по исследованиям экономистов, увеличивается. Право на равное с мужчинами вознаграждение за труд, гарантированное законом, не реализуется в полной мере. Как часто в публичных дискуссиях даже от женщин можно слышать утверждения о надуманности проблемы дискриминации, поскольку, мол, в своей трудовой биографии они с ней никогда не сталкивались! Это и понятно, ведь если работали они учительницами, врачами, преподавателями вузов, какое уж тут ограничение прав, работой кем угодно, вот только материальные результаты труда оставляют желать лучшего. Как метко заметила известный российский социолог Ольга Крыштановская, «косвенным показателем престижа профессии в нашей стране является количество женщин в этой профессии: чем их больше, тем ниже престиж».

И другой вопрос можно задать: «А на должность директора, декана или ректора претендовали когда-нибудь?» Прямых, формальных запретов занимать руководящие должности, конечно же, нет. Но почему, по данным той же статистики, среди всех преподавателей вузов женщин 70 %, а среди деканов их уже всего 30%, ну а ректоров 7%. Значит, не все в порядке с равными возможностями в профессиональном росте и карьере? Не случайно эта форма скрытой дискриминации получила название в мировой практике «стеклянный потолок»: так обозначается эффект «невидимого препятствия», с которым сталкиваются женщины, пытаясь продвинуться по служебной лестнице. Между тем уровень образования российских женщин еще с советских времен в среднем превышает образовательную подготовку мужчин. Но даже в тех сферах, где женщины составляют подавляющее большинство наемных работников, они, как правило, не занимают руководящих постов. Надо заметить, что государство как работодатель показывает здесь отрицательный пример бизнесу. На государственной службе женщин значительно больше, чем мужчин — 70%, а вот на высших руководящих постах в федеральных органах власти их всего 13%, а на уровне регионов — 30%. В правовом смысле эти ограничения означают, что два базовых обязательства — право на равное вознаграждение и право на продвижение в должности — совершенно не соблюдаются.

Сложности с решением проблемы косвенной дискриминации заключаются и в том, что для нее есть и объективные причины.

На повышение квалификации необходимо время, которым женщины из-за своих домашних и материнских обязанностей часто не располагают. На разрыв в оплате труда влияет также разница в продолжительности непрерывного стажа мужчин и женщин. Перерыв на роды и уход за маленьким ребенком прерывает профессиональное развитие, женщины теряют квалификацию, после выхода из декретного отпуска часто уже требуется переобучение.

Можно ли решать проблемы неформальной дискриминации с помощью государства? Понятно, что сложные задачи требуют тщательно продуманных, специальных мер государственной политики. Очевидно, что при наличии заинтересованности государство может своей политикой создавать условия для выравнивания экономических возможностей женщин и мужчин, предпринимать меры, направленные на повышение конкурентоспособности женщин.

Определить реальную стратегию российской власти в области гендерной политики оказывается не так легко, поскольку идейные установки власти противоречивы и непоследовательны. В первой половине 1990-х годов тон задавали либералы, исходившие из того, что государство гарантирует юридическое равноправие полов, и этого в условиях рыночной экономики вполне достаточно для свободной реализации возможностей и жизненных планов мужчин и женщин. На вопрос «Почему же в реальности женщины не добиваются такого же экономического статуса, как мужчины?» у российских либералов нашелся ответ. Оказывается, в силу разных «природой обусловленных» социальных ролей и функций мужчины стремятся к карьере, а женщины по большей части только к самореализации в семейной жизни.

С середины 2000-х годов, когда государство озаботилось демографической проблемой, советская риторика «защиты женщины-матери» с предоставлением ей особых прав в соответствии с ее материнскими функциями зазвучала вновь. Гендерная политика советского образца рассматривала женщин как особую социально-демографическую категорию, нуждающуюся в специальной защите для выполнения ими функции по воспроизводству нации. Поэтому система льгот, пособий, отпусков по уходу за ребенком, ограничения в применении женского труда на определенных производствах и видах работ были включены в протекционистское трудовое законодательство. Нынешняя реальная, а не деклара-

тивная политика государства, по сути, пытается соединить и советский традиционализм, и классический либеральный подход к решению гендерных проблем.

Главный официальный документ последних лет, посвященный «женскому вопросу», называется «Национальный план действий по улучшению положения женщин». В нем определены пять основных областей государственного регулирования:

- методическое и информационное обеспечение реализации мер, направленных на улучшение положения женщин;
- положение женщин на рынке труда; улучшение условий и охраны труда женщин;
- охрана здоровья женщин;
- развитие системы социального обслуживания женщин, оказания помощи женщинам, пострадавшим от насилия;
- укрепление семейных отношений.

Официально отвечают за гендерную политику в нашей стране два органа власти: Комитет Государственной думы по вопросам женщин, семьи и молодежи и, на уровне исполнительной власти, Министерство здравоохранения и социального развития. Основным объектом государственного внимания являются «женщиныидети» — именно так, в одно слово, предлагает обозначать этот объект известный политолог Синтия Инлои. Упоминаний о проблемах равенства, преодолении дискриминации на рынке труда, политическом участии женщин, как видим, в перечисленных направлениях Национального плана нет. Как и в советские времена, государство оказывается больше всего озабочено не гендерным равенством, а улучшением положения женщин преимущественно с точки зрения их материнской функции. Грубо говоря, все, что заботит государство в этом отношении, — это чтобы женщины исправно рожали. По убеждению сторонников протекционистского подхода к проблеме, государство обязано заботиться лишь о соблюдении материнских прав женщин, стремясь приспособить их занятость к выполнению гражданской обязанности по воспитанию детей. Понятно, что в этой логике обеспечение реальных трудовых прав и возможностей женщин, их шансов на профессиональную карьеру и на участие в государственном управлении не входит в приоритеты реальной политики государства. Так и последняя программа стимулирования рождаемости с помощью «материнского капитала» даже не рассматривает главную проблему, неизбежно встаю-

шую перед женщинами с детьми: сочетание работы и семьи. Все остается строго распределено по традиционным сферам. «Мужчинам — работа, женщинам — забота» — вот лозунг, близкий традиционалистам разных направлений. В середине 1990-х тогдашний министр труда «прославился» показательным высказыванием: «Зачем нам создавать рабочие места для женщин, когда у нас мужчины без работы». А теперь глава верхней палаты парламента С. Миронов предлагает выдавать семейное пособие женщинам-домохозяйкам, поддержать их «естественную роль матерей, а мужчин таким образом стимулировать быть кормильцами». Намерение понятное, но вот беда — эта политика не сработает, массового исхода женщин с рынка труда в материнство не случится. Очевидно, что подобная «защита» совсем не соответствует устремлениям большинства образованных российских женщин, которые в подавляющем большинстве хотят быть матерями, но нуждаются и в профессиональной самореализации, да и просто в заработке (в том числе и для того, чтобы в нормальных условиях растить этих детей — очень редко, когда на это хватает только зарплаты мужа). Пожалуй, решение главной жизненной дилеммы современной женщины-профессионала служит как раз основным показателем развития реальной политики равенства в стране.

Какая же политика может на самом деле вести к утверждению гендерного равенства? В нашей стране женские организации, феминистские группы и эксперты, опираясь на успешный мировой опыт, отстаивают другой подход к гендерной политике — подход, получивший название «эгалитарный» (от фр. *egalite* — равенство), то есть нацеленный на выравнивание реальных возможностей и статусов женщин и мужчин. Он противостоит как классическому либеральному принципу гарантий только формально-правового равенства, так и протекционистской заботе государства о женщинах исключительно в их материнской функции. Жизненные задачи современной российской женщины не сводятся к чисто материнским, и это реальность, с которой просто глупо не считаться. Государство должно не только строго наказывать за прямую дискриминацию, ущемление прав женщин в какой-либо сфере, но и проводить специальную политику, способствующую повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда, обеспечивающую их доступ к престижным работам и должностям. Эта политика имеет самые разные направления как в экономической, так и в социальной областях.

В сфере труда внимание государственных служб должно

быть сосредоточено на создании условий, обеспечивающих возможность повышения квалификации в любом возрасте, что особенно актуально для профессиональной карьеры молодых матерей, прерывавших работу в связи с беременностью и уходом за ребенком. Формы и методы осуществления новых практик достаточно разнообразны. Сюда могут входить пересмотр правил подбора персонала, специальные обучающие программы профессионального роста для женщин.

Традиционные представления о «естественном» разделении труда между мужчинами и женщинами, об исключительно женской ответственности за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, как известно, очень сильно препятствуют созданию одинаковых конкурентных условий на рынке труда. Как показал опыт многих стран, с помощью специальных мер можно влиять на ситуацию в сфере профессиональной занятости, предоставив реальные шансы женщинам реализовать свои способности и квалификацию.

Новые программы равенства, учитывающие разные жизненные условия мужчин и женщин, стали называться «позитивными действиями». Речь шла о том, чтобы женщины, имеющие необходимое образование и квалификацию по какой-либо специальности, могли беспрепятственно строить свою карьеру, продвигаться по служебной лестнице, становиться руководителями. Новый принцип не только способствует разрушению системы гендерных предрассудков, но и позволяет искоренять невидимые, неосознанные механизмы воспроизводства дискриминации. Именно эти скрытые барьеры, механизмы неприятия, даже травли со стороны коллектива не позволяют многим женщинам даже претендовать на руководящие позиции, заставляют заранее отказываться от конкурентной борьбы. Вот как описала такую ситуацию в интервью женщина-менеджер крупной фирмы: *«Когда я вышла на уровень руководства, я впервые поняла, что значит быть женщиной, когда все мужчины, начиная с электрика, требовали доказательств, что ты на что-то способна, каждый день приходилось доказывать, что просто соображаешь, о чем говоришь. На это уходят силы и энергия».*

Отказ от предубеждений в отношении женского руководства на практике приводил к более эффективному менеджменту, к полноценному использованию потенциала всех сотрудников, вносил новые ценности и разнообразие, существенно обновлял корпоративную культуру

ру. Фактически новая политика становится экономическим требованием постиндустриальной эпохи. В рамках этой стратегии государство, во-первых, в качестве работодателя становится примером ликвидации «стеклянного потолка» для женщин на государственной службе, а во-вторых, имеет финансовые рычаги для стимулирования и поощрения частных компаний, принявших подобные специальные программы продвижения компетентных женщин на руководящие посты. Во многих странах специальные меры правительственной поддержки в получении кредитов, аренде оборудования и техники обеспечили радикальный рост женского предпринимательства в малом и среднем бизнесе.

Но для женщин помимо реализации профессиональных устремлений важно и необходимо осуществлять и заботу о детях. Если государство заинтересовано в реальном гендерном равенстве, его социальная политика должна строиться таким образом, чтобы создать условия именно для совмещения семейных и профессиональных обязанностей женщин.

Почему, например, Гру Харлем Брундланд, мать четверых детей, смогла стать премьер-министром Норвегии? Конечно, прежде всего потому, что у нее оказались способности политика, она получила хорошее образование и добилась профессиональных успехов в своей деятельности, а ее коллеги по Рабочей партии не препятствовали ее карьере. Но был и другой существенный фактор, который позволил Брундланд, как и многим женщинам в Скандинавских странах, имеющим трех и более детей, добиться высоких постов в парламенте, правительстве, бизнесе. Этим фактором стала социальная политика гендерного равенства. Государство помогло им не отказаться от карьерных планов, когда они воспитывали детей, и это позволило им не ограничивать себя ни в карьере, ни в деторождении.

В свое время социал-демократические правительства Швеции, Норвегии и Финляндии сосредоточили усилия в семейной политике на тех программах, которые должны были помочь обоим родителям иметь возможность зарабатывать, перераспределять семейные обязанности, делить поровну ответственность за воспитание детей. Для этого в первую очередь была создана система бесплатных детских дошкольных учреждений, доступных всем гражданам без ограничений.

Система, хорошо известная в нашей стране советским женщинам, к настоящему времени оказалась практически разрушенной за период трансформаций. Детских дошкольных учреждений, внешколь-

ных центров у нас катастрофически не хватает. О каких возможностях можно вести речь сегодня, когда в большинстве регионов на одно место в детском саду претендуют восемь человек?! Многие женщины записываются на очередь, будучи беременными, но скорее всего это место освободится, когда их ребенок пойдет во второй класс. Ну а платить за частный детский сад или няню не по карману даже семье со средним доходом.

Важная особенность социальной эгалитарной политики заключается в том, что в центре ее внимания находятся оба родителя. В отличие от советского протекционистского трудового законодательства, выделяющего в особую категорию только работающих матерей, Конвенция МОТ, как известно, требует соблюдения прав *всех* наемных работников с семейными обязанностями, поэтому оба родителя должны находиться в одинаковых условиях перед работодателем. Родительский отпуск по уходу за ребенком стимулировал более активное участие отцов в воспитании детей, поскольку выплачивался полностью только при условии, что им воспользуются оба родителя. В Швеции уже около 35% отцов пользуются своим правом оставаться дома с больным ребенком. Установленное законом обязательство работодателей предоставлять возможность гибкого рабочего графика и сокращенного рабочего дня работающим родителям, социальное страхование, пенсионное обеспечение, выплаты работающим матерям и домохозяйкам, пособия на детей, покрывающие большую часть семейных затрат, специальные программы поддержки одиноких родителей — все направления социальной политики оказываются связаны с решением задач равенства полов. Равная ответственность за воспитание детей, перераспределение семейных обязанностей создавало новую модель равноправных отношений полов как в публичной, так и в семейной жизни, изменило гендерную культуру страны. От пожилых мужчин-профессоров в Норвегии и Швеции не раз приходилось слышать сетования на то, что их молодые коллеги-мужчины посвящают меньше времени карьере, поскольку «слишком заняты своими детьми». Это «слишком» на практике означает, что теперь их жены уделяют столько же времени профессиональной самореализации, как и мужа.

Для того чтобы соблюдались реальные права мужчин и женщин, необходимо проводить комплексную и продуманную гендерную политику. Однако в нашей стране правительственная реформа по реструктуризации социальной сферы в 2005 году была проведена без учета гендерных аспектов проблем. В итоге монетизация социальных льгот и изменения систе-

мы их распределения ухудшили, по данным исследователей, положение женщин-пенсионеров и инвалидов, отрицательно повлияли на положение одиноких и многодетных матерей. Взвешенный подход требуется и при решении драматичной проблемы «феминизации бедности», то есть преобладания женщин среди россиян с доходами ниже прожиточного минимума. При разработке правительственных мер, по мнению сторонников эгалитарной политики, нужно тщательно анализировать особенности положения и потребностей разных групп женщин, относящихся к наиболее беднейшим слоям населения. Простые решения в виде предоставления денежных пособий не меняют ситуацию объективного отставания квалификации женщин в связи с перерывами в профессиональной деятельности, связанной с рождением детей.

Государственная политика сможет стать по-настоящему эффективной и действенной, только если правительственные проекты и программы будут оцениваться с точки зрения их возможных последствий и для женщин, и мужчин. Тогда их интересы, реальные возможности и различия в условиях жизни станут частью стратегии равенства на деле.

МОЖЕТ ЛИ В РОССИИ ЖЕНЩИНА СТАТЬ МИНИСТРОМ ОБОРОНЫ? ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВЕНСТВА

В католической Испании на подобный вопрос уже дан практический ответ, во Франции под руководством женщин находятся министерства внутренних дел и юстиции. А в нашей стране на что могут претендовать женщины, «испокон веков» восславляемые за их силу, доброту и другие добродетели? Российская Конституция гарантирует им равное участие в политике, Конвенция ООН о ликвидации дискриминации обязывает государства принимать специальные меры по повышению представительства женщин в органах власти.

Но от наших политиков скорее всего мы услышим отрицательный ответ. Безусловно, у них имеются «весомые аргументы» в пользу того, что российский путь в этом вопросе должен быть особым. Самым «однозначным» и откровенным будет, как обычно, лидер ЛДПР В.Жириновский. Специалист по всем вопросам, он абсолютно точно знает, что *«российские женщины не хотят идти в политику вообще, и поэтому нечего их туда насильно звать, а хотят они хорошего мужа и норковую шубу»*. Кстати,

заботясь о тех, кому муж не достался, Жириновский неоднократно предлагал узаконить многоженство в России. В официальном письме, направленном одной женской организации по поводу проекта закона о равенстве, он еще более убедителен: *«Большинству женщин не нужно властвовать, они хотят подчиняться, им нужна ласка и забота»*. И далее уже уточняет: *«Только женщины, на которых мужчины не обращают внимания, хотят самоутвердиться в каком-то равенстве»*. Это ничего, что депутат Госдумы публично оспаривает конституционный принцип, главное, он точно знает волю народа. Конечно, партийные функционеры из «Единой России» не могут позволить себе подобных откровенных высказываний, но готовы заявить от лица всех женщин, что те не особо стремятся к управлению, поскольку у них есть более важные заботы о детях и муже. Высказался на сей счет и президент (конечно же, накануне 8 Марта): *«Дополнительное количество женщин способно украсить любое правительство»*, но далее оказалось, что *«женщины должны доказать свою способность работать на руководящих постах, реально заслужить их»*. Трудно с этим спорить, только вот встает вопрос: а что, мужчины могут и не доказывать ничего, они свои высокие посты заслужили по определению? В реальной жизни так обычно и происходит: женщинам надо быть в несколько раз профессиональнее своих коллег-мужчин, чтобы претендовать на высокую должность — заместителями министров они работать могут, а вот министром редко когда получается.

Когда наступает 8 Марта, как известно «праздник весны, цветов и духов», государственные деятели и политики привычно восхищаются женским терпением, чуткостью, добротой и т.д. Даже официальным борцам за права трудящихся, КПРФ, не приходит в этот день в голову вспомнить о политическом значении Международного дня женской солидарности. По поводу проблемы равных трудовых и прочих прав женщин в нашей стране всегда царит красноречивое молчание.

Единственное российское общественное объединение, которое в настоящее время имеет не только отдельную программу по достижению равенства полов, но и гендерную фракцию, — это не представленное в парламенте «Яблоко».

Становится очевидным, что России, как стране, претендующей на одно из лидирующих мест в мире, предстоит достигать многого в этом направлении. Так, по данным ООН, отслеживающей прогресс в политическом представительстве женщин в органах власти, Россия обычно

делит места в восьмом десятке то с Камеруном, то с Угандой и другими столь же «развитыми» странами. В Госдуме женщины составляют 14% общего числа депутатов, в исполнительной власти у нас три женщины-министра и одна — губернатор. Впрочем, чем ниже уровень властной вертикали, тем больше там оказывается женщин. Причины понятны: конкретной работы много, финансов и прочих ресурсов мало, так что в поселковые советы, районные, муниципальные структуры можно избирать. Эту ситуацию иногда называют «гендерной пирамидой власти»: чем ближе к вершине, тем меньше шансов у женщин. Российская картина выглядит особенно печальной на фоне мировых успехов продвижения женщин в большую политику, достигнутых в последние годы.

Консерваторам всего мира приходится смириться с тем, что женщины в ведущих западных странах все чаще занимают «традиционно мужские» должности — от министров обороны и иностранных дел до президентов и премьер-министров. Что позволило преодолеть патриархатные стереотипы и предубеждения, явные и скрытые барьеры, дискриминацию на пути женской политической карьеры? В ходе бурных дискуссий в демократическом сообществе родилась идея о выработке дополнительных мер, задача которых восстановить справедливость и дать женщинам реальные, а не формальные шансы принять участие в политике.

В 1960-е годы вряд ли кто-либо в ФРГ, тем более в Христианско-демократическом союзе, мог предположить, что их лидером, а затем и канцлером Германии станет Ангела Меркель. Француженки получили избирательные права только в 1946 году, а в начале XXI века они составляют почти половину правительства, сформированного правой партией, основанной генералом де Голлем. Конечно, наиболее впечатляющих успехов добились Скандинавские страны, где социал-демократы смогли обеспечить гендерный паритет в сфере государственного управления. Женщины занимают там 40—45% мест в парламентах и правительствах, что, несомненно, стало результатом целенаправленной политики всех ведущих партий. Социал-демократы первыми заговорили об изменении кадровой политики своих партий с целью гарантирования принципа гендерного равенства. Именно они пришли к мысли о введении системы квот для увеличения представительства женщин на выборных государственных должностях.

Идея о введении неких норм, регулирующих гендерный состав как руководства партий, так и списка кандидатов на выборные должности всех уровней власти, в свое время вызвала бурные дискуссии.

В большинстве случаев речь шла о том, чтобы установить правило, согласно которому представительство каждого пола в партийных списках кандидатов на руководящие должности и на выборах не должно быть ниже 40%. Во многих странах такая политика формулировалась как гендерно нейтральная, нацеленная на соблюдение баланса политического представительства полов. Если политически активные женщины начнут вытеснять мужчин из руководства своих партий и таким образом влиять на формирование избирательных списков, эта норма уже будет защищать права мужчин. В ряде европейских стран применение квоты, защищающей права мужчин, возможно, станет делом недалекого будущего.

Новая политика строилась на том, что без таких норм скрытая дискриминация, внутренние и внешние барьеры, стереотипы и отсутствие опыта помешают честному отбору кандидатов. А в этих условиях партии, стремясь не потерять женские голоса на выборах, создают системы отбора и подготовки компетентных женщин-политиков.

В России женские общественные организации предложили законопроект о поправках в избирательное законодательство, согласно которому представители каждого пола должны составлять не менее 30% общего числа кандидатов, внесенных в партийные списки политических партий во время избирательных кампаний. Инициатива в 2005 году была отвергнута депутатами, которые, как известно, всегда «знают», чего хотят их избиратели. *«Нормальные женщины никогда не будут голосовать за женщин в нашей стране, поскольку доверяют мужчинам, у них это лучше получается»*, — сказал во время дебатов один из депутатов от правящей партии, выступая, как обычно, от имени народа. Продолжающиеся уже пятнадцать лет, но все еще популярные публичные дискуссии в российских СМИ на тему «Нужны ли женщины в политике?» способны вызвать сильное изумление у непредвзятого наблюдателя. Очень уж они напоминают мировые дебаты начала XX века «Нужно ли женщинам высшее образование?»: ведь, как было точно известно тогдашним политикам, они хотят быть только медсестрами и учительницами начальной школы, а вовсе не врачами и профессорами.

Аргументы типа «испокон веков» и ссылки на традиционных, «нормальных женщин и мужчин» объединяют консервативную публику из разных лагерей. Конечно, призывами вернуться к основам домостроя вряд ли можно увлечь здравых людей, но у националистов и фундаменталистов разных мастей есть аргументы и не столь примитивные и смехотворные.

НАЦИОНАЛИСТЫ ПРОТИВ ФЕМИНИЗМА

Большая часть националистов отрицательно относится к идее гендерного равноправия. Российские националисты здесь не исключение, и поскольку антиэгалитарность и иерархичность заложены в самой сути национализма, в этом ничего удивительного нет. Идеальный гендерный порядок в России (патриархальная семья с двумя и более детьми, отец — глава семьи) признается националистами нормой, в то время как гендерные отношения в других странах или среди мигрантов они считают отклонением (интересно при этом, что, хотя националисты, как правило, призывают к главенству мужчин и традиционному подчинению женщин в семье, активное их раздражение вызывают семьи мигрантов с Востока, где преобладают именно такие отношения). И уже само собой разумеется, что русские мужчины — самые мужественные, русские женщины — самые женственные и т.п.

При этом феминизм для российских националистов — явно враждебная сила, поскольку пытается отвлечь этих самых белых «женственных женщин» от помощи мужчинам в борьбе с нелегальной иммиграцией и жидомасонским заговором, причем совершенно новыми для националистов способами.

В зависимости от отношения к правам женщин российских националистов можно разделить на три разновеликие группы:

— наци-скинхеды и организации, плотно с ними связанные (также в основном придерживающиеся национал-социалистической идеологии), а также ультраправые футбольные фанатские группировки. Примеры — Славянский союз, Национал-социалистическое общество;

— антимигрантские организации и движения (националистический мэйнстрим) — Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), Народный союз, Народно-державная партия России (НДПР);

— православно-фундаменталистские организации или организации, в идеологии которых консервативное православие играет важную роль — Русский общенациональный союз (РОНС), Союз православных граждан, Союз русского народа.

Для наци-скинхедов и близких им организаций характерно своеобразное признание возможности женского равноправия. Это так называемый арийский феминизм, связанный с тем, что женщины и девушки игра-

ют достаточно значимую роль в движении скинхедов — национал-социалистов. Стоит отметить, что среди участников нападений на расовой и национальной почве, чаще всего практикуемых наци-скинами, около трети составляют женщины. Это на порядок больше, чем участие женщин в легальных акциях националистов! Помимо этого существует и активно пропагандируется стиль *skingirl* (изначально, как и вся *skinhead* субкультура, не имевший националистического или расистского оттенка). В наци-скиновской мифологии активно фигурирует образ женщины-воительницы, восходящий как к скандинавским валькириям, так и к собственно скандинавской истории. Вот цитата, взятая с одного из наци-скин форумов: *«Для наци-скинов женщина прежде всего такой же боец, как и все мы, а потом уже мать. Потом — во всех смыслах этого слова. Т.к. пока мы молоды, мы должны защищать будущее белых детей. И если мы не сможем защитить это будущее сейчас, то зачем тогда появятся эти белые дети? Чтобы стать рабами ZOG (Сионистское оккупационное правительство. — Примеч. авт.) или проповедовать толерантность? Поэтому с ZOG должны бороться все — женщины и мужчины, на равных».*

В то же время в среде наци-скинов, как и в среде футбольных хулиганов, центральную роль играет культ силы и принципы уличной войны, где, очевидно, не место девушкам и женщинам. Как говорит поп-звезда российского футбольного хулиганизма Дмитрий Лекух (известный своими книгами «Мы к вам приедем...» и «Хардкор белого меньшинства»), *«футбол — это ВОЙНА. Это место, где мы, МУЖЧИНЫ: те, которые на поле, и те, которые на секторе, — МОЖЕМ БЫТЬ МУЖЧИНАМИ. Наверное, это последний островок WHITE POWER».*

Для антимигрантских организаций, прежде всего ДПНИ как самой массовой и самой раскрученной, характерен «светский» патриархальный подход. Основная претензия ДПНИ как к феминизму, так и к женщинам(!) — демографический кризис. Противники нелегальной иммиграции считают, что женщина может и должна рожать независимо от семейных и социально-экономических условий, а для русской женщины это просто долг перед нацией (Бороться с вымиранием придется собственными силами // dpni.org).

Уникальной спецификой является акцент на недопустимость для женщины любых отношений с «мигрантами», причем список национальностей в этой категории постоянно меняется. Предпосылка такова: только мужчины могут воспитать детей в соответствующей куль-

турной традиции, поэтому у мужчины может быть «жена-мигрантка», а у женщины «мужа-мигранта» быть не может никак. Здесь есть явный отсыл к реакционно-христианской схеме семьи, где муж «непререкаемый авторитет». Фундаментом для этих заявлений стало выступление дьякона Андрея Кураева (kuraev.ru) «Межнациональные браки и будущее русского народа», в котором он тщательно и расистски обосновывает свою позицию: *«Межнациональные браки — это форма геноцида русского народа, — считает дьякон Кураев. — Когда наши женщины выходят замуж за кавказцев, они обогащают своими генами другие народы. А русская нация слабеет!»* Затем Кураев заявляет, что хочет «предупреждать» русских девушек об «опасностях» браков с нерусскими, а также, что хочет *«видеть блондинистых детей в русских селениях»*. Обвиняются, естественно, девушки и женщины, «неразумные» в своем выборе, даже цифры приводятся — 61% москвичек состоят в межнациональных браках (не будем напоминать, что в Москве живут не только русские). По словам Кураева, в семье русской женщины и дагестанца (интересно, где дьякон нашел такую национальность? В Дагестане живут люди многих национальностей, но такой этнической принадлежности, как «дагестанец», нет) дети *«будут дагестанцами и, более того, мусульманами»*. С Кураевым соглашаются и православные националисты из РОИС (О вреде межнациональных браков см. http://www.rons-inform.org/more.html?id=1033_0_19_0_C), неумело манипулируя цифрами и рассуждая о вреде межнациональных и межрасовых браков. При этом они провозглашают вредными межрелигиозные браки или браки между православными и атеистами.

Православные националисты не очень далеки от домостроя. Для них гендерное равенство — это прежде всего разрушение традиционной, патриархатной семьи и провоцирование демографического кризиса. Хотя есть примечательная «демократизация» домостроя: «В России женщин никто не притеснял. У них всегда были достаточные права и свободы. Так называемые ограничения, которые существовали, налагались на женщин с их же согласия, и диктовались они исключительно религиозным и бытовым характером. Женщина добровольно подчинялась мужчине, т.к. видела в нем опору и поддержку» (Феминизм. Россия. Мужской взгляд/ www.rusidea.ru). Некоторые из них идут гораздо дальше и выдвигают, например, требование лишить женщин права голоса. По их мнению, *«среди русских всего 15% сторонников равноправия»* (Пыхтин С.П. Домостроительство против феминизма).

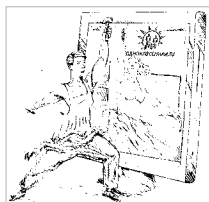
Семья в России — это, оказывается, «малая Церковь», которую разрушает гендерное равноправие (монахиня Нина. О женской эмансипации), а женщина — безгласный посредник между мужчиной, который обладает безусловным нравственным авторитетом, и детьми, будущими создателями «малых Церквей». В качестве одного из самых серьезных обвинений выдвигается нежелание сторонников эмансипации воспитывать детей в соответствии с христианскими догматами, под которыми как раз и понимается в первую очередь подчинение женщин мужчинам.

Своеобразный ответ на гендерную демократию — выдвигание идеи «семейного ценза». Семейный ценз подразумевает, что активное и пассивное избирательное право может принадлежать только главам полноценных семей, то есть семей, имеющих детей (Серебряков С.С. Русский театр трагедии и политики).

Приведенные высказывания позволяют заключить, что национализм со всей очевидностью противостоит идеям гендерного равноправия. Патриархатный гендерный дискурс пытается «очеловечить» национализм и православный фундаментализм, приблизить его к повседневному опыту человека, обеспечить функционирование «умеренного национализма», создавая при этом плодородную почву для насильственной дискриминации.

Аналогия с семьей, включающая восприятие нации как формы взаимодействия мужского и женского начал, — эффективный способ подачи национализма как естественного, практически природного феномена. Кроме того, семейная метафора объясняет и подчинение индивида государству, и его готовность жертвовать собственной жизнью во имя нации (Рябов О.В. Гендерное измерение национализма: методологические проблемы исследования <http://riabov.wordpress.com>).

Таким образом, вывод однозначен — усиление в российском обществе националистических и неонацистских тенденций приведет к обострению дискриминации не только по национальному, расовому и религиозному признаку, но также усилит гендерную дискриминацию, борьба с которой в России как следует еще даже и не началась.

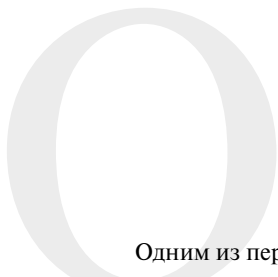

НИКОЛАЙ МИТРОХИН

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ:

**«ДОМОСТРОЙ»,
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ
ГЛАМУР И БИОЭТИКА**

Одним из первых вопросов, который встает перед человеком, приходящим в церковь, — как правильно себя вести с точки зрения своей гендерной роли: что может или не может делать в Церкви женщина или мужчина, как он/она должны одеваться, как должны научить вести себя ребенка соответствующего пола. Руководители Церкви и многие священники более низкого ранга регулярно с амвона или в СМИ делают публичные заявления, касающиеся общих вопросов гендерных отношений. Церковь, утверждают они, уникальный носитель нравственного капитала, и потому вопросы семьи, воспитания, морали, повседневного бытового поведения, демографической политики — это ее приоритеты. Важность вопросов, связанных с гендерным фактором, вызывает многочисленные дискуссии, ведущиеся среди постоянных членов православного сообщества («воцерковленных» на внутрицерковном языке) и духовенства.

Мы не выступаем против правил, которые формулируются РПЦ для тех людей, которые считают себя членами именно этой церкви. Эти правила не просто регулируют жизнь конкретного сообщества, но позволяют ему существовать, а его членам находить взаимопонимание, они определяют границу между членством в сообществе и деятельностью за его пределами. Вопросы в том, как появились те или иные правила, какое основание и силу они имеют, насколько можно доверять в каждом конкретном случае людям, их трактующим.

В современном русском православии «законоучителей» очень много — от общецерковных сайтов до «бабушки» в сельском храме. Почти каждый субъект церковной жизни готов поделиться (порой очень

настойчиво) своим мнением о том, что можно, а чего нельзя делать в Церкви. Эти мнения зачастую противоречат друг другу. Если поговорить с их носителями, можно услышать массу вариантов обоснования различных позиций.

Добро бы альтернатива состояла в том, принять ли версию поведения, описанную в таком-то веке выдающимся подвижником в египетской пустыне, или согласиться с прихожанкой «бабой Маней», утверждающей, что «у нас тут так всегда было». Но и отсылки к святым, к мнениям современных авторитетнейших архимандритов в монастырях по всему миру или просто к руководителям Церкви по одному и тому же вопросу нередко настолько противоречивы, что заводят в тупик любые дискуссии.

Когда же стороны решают обратиться к авторитету священных книг — будь то Библия (в церкви именуемая также Священным Писанием) или творения Святых Отцов первых веков христианства (Священное Предание), — ситуация запутывается еще больше. Почти два тысячелетия люди ищут и находят в этих текстах ответы на мучающие их вопросы, однако проблема в том, что ответ зачастую соответствует чаяниям вопрошающего, поскольку в этих великих книгах при необходимости можно найти обоснование практически любого мнения или поступка.

Конечно, священники, имеющие более высокий уровень богословского образования, мягче и спокойнее относятся к нарушениям известных им правил, нежели те, кто учился в семинарии заочно или не учился вовсе и для кого жесткое выполнение раз и навсегда установленного ритуала окружающими служит гарантией стабильности в первую очередь их собственного положения. Те миряне, что находятся в церкви дольше, обычно более терпимо относятся к «нарушениям правил», чем те, кто только недавно начал их систематически выполнять.

Так существуют ли в Церкви какие-то единые правила, касающиеся гендерных вопросов? И как они меняются (если меняются) в эпоху больших социальных перемен в обществе — не только распада коммунистической системы, но и продолжающейся урбанизации, глобализации и, конечно, специфической постсоветской динамики изменений во взаимоотношениях полов, запоздалой по отношению к Западной Европе, но новаторской по сравнению с традиционными обществами, доминирующими к востоку и к югу от нашей страны.

Мы обратимся к трем сферам, в рамках которых РПЦ рассматривает вопросы гендерных отношений:

— предписание гендерно ориентированного поведения в ограде храма (о ношении женщинами платков, брюк, о «нечистых днях» и разделения помещения храма по гендерному признаку);

— предписание от лица Церкви гендерных ролей в семье и общественной жизни (о главе семьи, абортах, гомосексуальности, демографическом кризисе и общественной нравственности);

— разделение по гендерному признаку формальной и неформальной власти в Церкви.

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В ХРАМЕ

Первая информация, с которой встречается приходящий в храм человек, размещена при входе, на стенде с объявлениями. Там практически всегда есть «Правила поведения в храме». Они же периодически публикуются в православной прессе, на сайтах храмов и епархиальных управлений, а также их многократно переиздают в виде брошюр с тем же названием.

Анализ различных вариантов «Правил» говорит нам, что единого, четко регламентированного свода правил поведения в храме нет. Имеющиеся списки различаются порой очень существенно, но все их варианты несут в большей или меньшей степени четкую гендерную регламентацию. В минимальном виде она, например, представлена на сайте православного прихода московского вуза — Московского физико-технического института: *«Женщины должны входить в Храм скромно одетыми и с покрытой головой. Недопустимо причащаться Святых Таин и прикладываться к святыням с накрашенными губами».*

Более регламентированная и жесткая версия подобного регламента расположена на сайте Тульской епархии:

«Женщины не должны приходить в Церковь в брюках, в коротких юбках, в кофтах и блузках без рукавов (с открытыми руками), с косметикой на лице. Особенно недопустима помада на губах. Голова женщины должна быть покрыта платком, косынкой или шарфом.

Мужчины перед входом в храм обязаны снять головной убор. Нельзя появляться в церкви в майках, шортах, спортивной, неопрятной одежде.

По древнему обычаю, мужчины стоят в правой части храма, женщины — в левой, оставляя свободным проход от главных дверей к Царским вратам.

Кроме того, и по сей день можно наблюдать благочестивое правило, когда женщины пропускают вперед мужчин во время Елеопомазания, Причащения, прикладывания к праздничной иконе и ко Кресту».

Разница в наборе правил, по всей видимости, не случайна. Студенческие приходы в вузах, как правило, малочисленны, и ставить перед молодежью (особенно перед молодыми мужчинами) жесткие требования к одежде и размещению по гендерному принципу в храме просто бессмысленно. Миссионерская задача будет провалена. Поэтому портал МФТИ обходится минимальным набором ограничений. В частности, запрет на губную помаду, обязательно повторяющийся и в других подобных текстах, вызван тем, что ею при поцелуе пачкаются иконы и другие сакральные предметы. Второй текст апеллирует к гораздо более архаичным и строгим канонам.

При анализе разных вариантов «Правил поведения в храме» с точки зрения гендерных отношений обращает на себя внимание их однозначная направленность на одежду и поведение женщин. Тому есть две основные причины. Одна — практическая. Женщины, в современной РПЦ по-прежнему составляют подавляющее большинство прихожан (то есть членов церковной общины) и «захожан» (случайных посетительниц). К последним и обращены «Правила поведения». Мужчин, готовых прийти в храм на службу, равно и как по любой другой необходимости (поставить свечку, приложиться к иконе или мощам), по-прежнему, довольно мало, и в большинстве приходов их готовы привечать без особых условий.

Вторая причина «женской» ориентированности этих правил — стремление с порога обосновать доминирующую роль в церкви мужчин. «Платок — это знак скромности», — говорится в правилах Казанского собора Санкт-Петербургской епархии. Мнение относительно платков, которые необходимы пришедшей в храм женщине, в РПЦ разделяют подавляющее большинство верующих. Наличие платка в современной РПЦ означает приобщение женщины к сообществу молящихся и готовность действовать по сложившимся в храме правилам. Последнее

в церкви входит, в частности, в понятие «смирения», которое прямо увязывается с наличием платка. Интересно, что крестьянская традиция прикрывать голову в церкви именно платком (обычным для селянок головным убором) вытеснила дореволюционную норму посещения храма в шляпках, разделявшуюся женщинами, принадлежавших к среднему и высшему классу.

Другой вопрос — ношение платка в обычной жизни. По этому поводу в Церкви нет общего мнения. Современное российское общество негативно относится к людям, маркирующим себя религиозной (квазимонашеской) одеждой в обычной жизни, видит в этом проявление религиозного «фанатизма». В полной мере это относится и к тем нестарым еще женщинам, что постоянно носят платок на работе или на улице. Решающиеся на это женщины, как правило, глубоко вовлечены в жизнь православной религиозной общины и являются не только носителями, но и распространителями присущей ей специфической субкультуры «воцерковленных», обязывающей к ношению специфической одежды.

Однако интересно, что и в среде глубоко верующих людей отношение к внешнему виду воцерковленных женщин довольно противоречиво. Вот такое описание (или даже ироническое самописание) можно увидеть на крупном консервативном православном сайте: *«Опознать в толпе большого города обычную прихожанку — дело несложное, но, увы, не по радостному лицу и доброму приветливому отношению... На голове неопределенного цвета платок. Юбка волочится по асфальту. Черная. Бесформенная. Часто бархатная, что ясно по только этому материалу присущим потертям. Сношенные ботинки. Ну и хит любого сезона — его величество рюкзак! Если на нем провести миниархеологические раскопки (можно воспользоваться лезвием), вам повезет найти надпись «Олимпиада — 80!»* (Тюренкова Пелагея. Ты — женщина, или Встречают по одежке // Сайт «Православие и мир». 2006. 25.10. [http://www.pravmir.ru/article_1406.html]). По ироническому тону автора ясно, что в демонстрации своего смирения и, так сказать, асексуальности верующей женщине не стоит «перебарщивать», а следует как-то совмещать смиренность и женственность.

Такая же амбивалентность существует и в отношении к не менее актуальному «одежному» вопросу — о женских брюках.

Традиционное крестьянское мировоззрение, доминировавшее в среде «воцерковленных» отвергало брюки как неподобающее («постыдное») одеяние. Эту позицию еще недавно разделял не только приходской актив («бабушки»), но и большинство священников: *«Брюки как сугубо мужской вид одежды вообще должны быть исключены даже из повседневного гардероба каждой православной христианки» (вспомним, что в Священном Писании каждый, носящий одежду противоположного пола, проклинается)*, — говорится в правилах, размещенных на сайте официальной газеты Екатеринбургской епархии. (Женщина в храме // Сайт «Православная газета». Екатеринбург. Б.д. [http://orthodox.etel.ru/2002/47/c_women.shtml]). Но поскольку многие работающие женщины, несмотря на подобные призывы, продолжали ходить в повседневной жизни в брюках и не имели времени и возможности переодеваться специально для посещения храма (например, чтобы забежать после работы поставить свечку), стороны начали искать компромиссы. К началу 2000-х годов в городских храмах появились «дежурные» юбки, которые выдавались за свечным ящиком посетительницам «в штанах». Служительницы и священники теперь терпимо относятся и к тому, что женщины в брюках стали символически охватывать бедра припасенным платком. Даже жены священников начали признаваться в церковной и светской прессе, что носят брюки — за пределами храма, разумеется. К настоящему времени категорический запрет появления в брюках во многих церквях снят, а с недавнего времени женские брюки продаются даже на православных ярмарках. При этом священники, в том числе известные, нередко находят аргументы, обосновывающие подобные перемены. Например, настоятель патриаршей резиденции Свято-Данилова монастыря в Москве архимандрит Алексей (Поликарпов) в интервью «православному женскому» журналу «Славянка» в 2007 году на прямой вопрос «А как относиться к женским брюкам? Можно или нельзя?» сказал: *«Если отвечать можно или нельзя, то необходимо указать, где об этом сказано. А о женских брюках нигде не сказано. В Священном Писании упоминается лишь, что женщина не может носить мужскую одежду. Но по тому времени брюк не носили ни женщины, ни мужчины. Однако в народных костюмах христианских стран женских брюк мы нигде не встретим. Русская традиция тоже представляет женщину в юбке или платье, зачем ее ломать? Но если какая-то женщина хочет*

отстоять свое право на брюки... Что ж, пожалуйста. И в храм, если иначе не может, пусть приходит в привычной одежде. Но пусть приходит. А там, со временем, ее сознание будет меняться, и она увидит, что хорошо, а что неуместно».

«ДОМОСТРОЙ» КАК ИСТОЧНИК ПРАВИЛ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

С начала 1990-х годов «Домострой» (мало кем прочитанный в оригинале, а известный в основном по извлечениям, обильно публиковавшимся в церковной периодике и в книгах «советов священников» разных церковных издательств) интерпретировался как документ, закрепляющий абсолютную власть мужчины (отца) над женщиной и детьми в повседневной семейной жизни, а «священника-старца» рассматривающий в качестве стратегического руководителя семейного корабля.

Обращаясь к этому историческому тексту, следует прежде всего иметь в виду, что «Домострой» был рассчитан на малочисленную и специфическую социальную группу средневекового общества — владельцев крупной собственности. Соответственно роль женщины (точнее, жены хозяина) в нем описывалась, исходя из требований, актуальных для этой группы. Жене предписывалось во всем быть помощницей мужу, то есть вести большое хозяйство и контролировать исполнение всеми служащими своих обязанностей, а поставщиками — обязательств. Фактически ей отводилась роль управляющей усадьбой. Это, конечно, с одной стороны, исключало ее работу вне пределов «семейного гнезда» и, разумеется, было примером неравенства с мужчинами близкого ей социального статуса, с другой стороны, в «Домострое» ничего не говорится о социальных правах и обязанностях крестьянок, которые среди женщин того времени составляли подавляющее большинство и работали наравне с мужчинами. Таким образом, нынешние апелляции фундаменталистски настроенных священников и мирян к «Домострою» несостоятельны даже не потому, что идеи, заложенные в нем, принципиально устарели (жены нынешних владельцев крупной частной собственности также часто бросают работу ради контроля за имуществом и прислугой), а потому, что были рассчитаны не на «народные массы».

Нелишне также помнить еще один момент — в рамках этой модели физические и моральные наказания за ослушание возводились в принцип: глава семьи получал право на подзатыльники и порку как средство ежедневного воспитания. Женщина в этой модели должна беспрекословно слушаться мужа и всячески демонстрировать ему «смирение». Желающих жить по подобным стандартам в настоящее время пока находится не много, в чем с сожалением признаются и сторонники данной модели.

ЦЕРКОВЬ В БОРЬБЕ ЗА МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ, ПРОТИВ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ И ГОМОСЕКСУАЛИЗМА

Церковная иерархия (Московская патриархия — как основной управленческий орган РПЦ, епископат и близкая к нему часть духовенства) в 2000-е годы приняла несколько документов, фиксирующих ее позицию по социально значимым вопросам. Часть из них затрагивают гендерные взаимоотношения. Самый важный из этих документов — «Основы социальной концепции РПЦ» (2000).

В порядке приоритетов в нем описывается отношение церкви к нации, государству, праву, политике, труду, собственности, войне и миру, преступности и лишь к десятому параграфу дело доходит до «вопросов личной, семейной и общественной нравственности».

Первый же абзац этого параграфа провозглашает (цитаты из Библии мы при публикации опускаем): *«Различие между полами есть особый дар Творца созданным Им людям. Будучи в равной степени носителями образа Божия и человеческого достоинства, мужчина и женщина созданы для целостного единения друг с другом в любви. Воплощая изначальную волю Господа о творении, благословенный Им супружеский союз становится средством продолжения и умножения человеческого рода. Особенности полов не сводятся к различиям телесного устройства. Мужчина и женщина являются собой два различных образа существования в едином человечестве. Они нуждаются в общении и взаимном восполнении. Однако в падшем мире отношения полов могут извращаться, переставая быть выражением богоданной любви и вырождаясь в проявление греховного пристрастия падшего человека к своему "я"».*

Дальше речь идет о том, что Церковь признает в качестве брака союз мужчины и женщины, который должен быть освящен священником. Однако РПЦ в этом документе заявляет о признании и гражданских (то есть зарегистрированных государством) браков, более того, в нем содержится порицание тех своих «духовников», которые эти браки считают незаконными. Развод, равно как и повторный брак, по мнению Церкви возможны, особенно если супруги не живут вместе. Хотя на второй брак имеет право только «невиновная сторона». Вопрос о расторжении супружества по взаимному согласию (без обоюдного ухода в монастырь) в документе не рассматривается. (Здесь и далее документ цитирует по публикации на официальном сайте Московской патриархии «Патриархия.Ру» [<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>]).

В тексте концепции содержится развернутый, хотя и не очень конкретный отзыв на актуальную гендерную проблематику, пролождающий идеи, заложенные в начале послания:

«В дохристианском мире бытовало представление о женщине как о существе низшего порядка в сравнении с мужчиной. Церковь Христова во всей полноте раскрыла достоинство и призвание женщины, дав им глубокое религиозное обоснование, вершиной которого является почитание Пресвятой Богородицы... С самого начала бытия церковной общины женщина деятельно участвует в ее устройении, в литургической жизни, в трудах миссии, проповедничества, воспитания, благотворительности.

Высоко оценивая общественную роль женщин и приветствуя их политическое, культурное и социальное равноправие с мужчинами, Церковь одновременно противостоит тенденции к умалению роли женщины как супруги и матери. Фундаментальное равенство достоинства полов не упраздняет их естественного различия и не означает тождества их призваний как в семье, так и в обществе. В частности, Церковь не может превратно толковать слова апостола Павла об особой ответственности мужа, который призван быть «главою жены», любящим ее, как Христос любит Свою Церковь, а также о призвании жены повиноваться мужу, как Церковь повинуется Христу. В этих словах речь идет, конечно же, не о деспотизме мужа или закреплении жены, но о первенстве в ответственности, заботе и любви...

Представители некоторых общественных течений склонны принижать, а иногда и вовсе отрицать значение брака и института семьи,

уделяя главное внимание общественно значимой деятельности женщин, в том числе несовместимой или мало совместимой с женской природой (например, работы, связанной с тяжелым физическим трудом). Нередки призывы к искусственному уравниванию участия женщин и мужчин в каждой сфере человеческой деятельности. Церковь же усматривает назначение женщины не в простом подражании мужчине и не в соревновании с ним, а в развитии всех дарованных ей от Господа способностей, в том числе присущих только ее естеству... Стремление уничтожить или свести к минимуму естественные разделения в общественной сфере не свойственно церковному разуму».

Нравственные вопросы в этом параграфе сводятся к проблемам целомудрия (приветствуется) и порнографии (осуждается). С оговоркой, что Церковь признает красоту человеческого тела как данную Богом, определяется отношение к современным образовательным практикам в этой сфере:

«Понимая, что школа, наряду с семьей, должна предоставлять детям и подросткам знания об отношениях полов и о телесной природе человека, Церковь не может поддержать тех программ «полового просвещения», которые признают нормой добрачные связи, а тем более различные извращения... Школа призвана противостоять пороку, разрушающему целостность личности, воспитывать целомудрие, готовить юношество к созданию крепкой семьи, основанной на верности и чистоте».

Отношение к нравственным и отчасти гендерным аспектам социальных процессов (помимо вопросов, связанных с семьей и сексуальной жизнью) рассматривается в «Основах социальной концепции» в двух следующих параграфах: «Здоровье личности и народа» и «Проблемы биоэтики».

В первом из них, в частности, РПЦ довольно спокойно говорит о своем праве влиять на демографические процессы:

«Демографические проблемы находятся в сфере постоянного внимания Церкви. Она призвана следить за законодательным и административным процессами, дабы воспрепятствовать принятию решений, усугубляющих тяжесть ситуации... Борьба с депопуляцией должна включать активную поддержку научно-медицинских и социальных программ по защите материнства и детства, плода и новорожденного. Государство призывается всеми имеющимися у него средствами поддерживать рождение и достойное воспитание детей».

Зато раздел «Проблемы биоэтики» (по размерам в два раза больший, чем предыдущий, посвященный вопросам здоровья) содержит длинный список того, что в настоящее время по мнению РПЦ делать не стоит:

«Бурное развитие биомедицинских технологий, активно вторгающихся в жизнь современного человека от рождения до смерти, а также невозможность получить ответ на возникающие при этом нравственные проблемы в рамках традиционной медицинской этики — вызывают серьезную озабоченность общества. Попытки людей поставить себя на место Бога, по своему произволу изменяя и «улучшая» Его творение, могут принести человечеству новые тяготы и страдания. Развитие биомедицинских технологий значительно опережает осмысление возможных духовно-нравственных и социальных последствий их бесконтрольного применения, что не может не вызывать у Церкви глубокой пастырской озабоченности».

Первым в списке таких технологий называется аборт. Против него Церковь выступает, естественно, жестко, но оставляет за собой право на снисходительное отношение к женщинам, которые его совершили.

Следующий вопрос — о контрацепции. РПЦ в этом документе выступает против контрацептивных средств, которые «фактически являются абортивными», но более спокойно относится к тем, которые таковыми не являются. При этом облегченно вздохнувшим на этом месте гражданам напоминает, что целью брака является рождение и воспитание детей. И лучший путь к этому — регулярные воздержания.

Далее, уже без всяких ссылок на Библию и какие-либо религиозные (не говоря уж о научных) авторитеты, церковные законодатели устанавливают «нормы» в довольно сложных медико-социальных вопросах:

«Применение новых биомедицинских методов во многих случаях позволяет преодолеть недуг бесплодия. В то же время расширяющееся технологическое вмешательство в процесс зарождения человеческой жизни представляет угрозу для духовной целостности и физического здоровья личности. Под угрозой оказываются и отношения между людьми, издревле лежащие в основании общества. С развитием упомянутых технологий связано также распространение идеологии так называемых репродуктивных прав, пропагандируемой ныне на национальном и международном уровнях.

Данная система взглядов предполагает приоритет половой и социальной реализации личности над заботой о будущем ребенка, о духовном и физическом здоровье общества, о его нравственной устойчивости. В мире постепенно вырабатывается отношение к человеческой жизни как к продукту, который можно выбирать согласно собственным склонностям и которым можно распоряжаться наравне с материальными ценностями...

Пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни, Церковь не может считать нравственно оправданными. Если муж или жена неспособны к зачатию ребенка, а терапевтические и хирургические методы лечения бесплодия не помогают супругам, им следует со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание. Пастырские рекомендации в подобных случаях должны учитывать возможность усыновления ребенка по обоюдному согласию супругов. К допустимым средствам медицинской помощи может быть отнесено искусственное оплодотворение половыми клетками мужа, поскольку оно не нарушает целостности брачного союза, не отличается принципиальным образом от естественного зачатия и происходит в контексте супружеских отношений.

Манипуляции же, связанные с донорством половых клеток, нарушают целостность личности и исключительность брачных отношений, допуская вторжение в них третьей стороны... Использование донорского материала подрывает основы семейных взаимосвязей, поскольку предполагает наличие у ребенка, помимо «социальных», еще и так называемых биологических родителей. «Суррогатное материнство», то есть вынашивание оплодотворенной яйцеклетки женщиной, которая после родов возвращает ребенка «заказчикам», противоестественно и морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе...

Нравственно недопустимыми с православной точки зрения являются также все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов. Именно на признании человеческого достоинства даже за эмбрионом основана моральная оценка аборта, осуждаемого Церковью.

Оплодотворение одиноких женщин с использованием донорских половых клеток или реализация «репродуктивных прав» одиноких мужчин, а также лиц с так называемой нестандартной сексуальной ориентацией лишает будущего ребенка права иметь мать и отца. Употребление

репродуктивных методов вне контекста благословенной Богом семьи становится формой богоборчества, осуществляемого под прикрытием защиты автономии человека и превратно понимаемой свободы личности».

Это — официальная позиция руководства Церкви, звучащая, надо сказать, намного либеральнее, чем весьма жесткие высказывания епископата и рядовых священников РПЦ по названным вопросам. Отношения мужчины и женщины, как говорилось выше, зачастую рассматриваются с позиций «Домостроя», которой исключает равенство не только в семье, но и в профессиональном отношении. Осуждаются *любые* формы контрацепции. Программы же «полового воспитания» нередко рассматриваются как спланированные за рубежом для развращения и разрушения «русского народа», а их сторонников однозначно рассматривают как вражеских агентов. Так же резко отрицательно рядовое духовенство относится и к любым формам «неестественного» зачатия (в том числе и при оплодотворении яйцеклетки *in vitro* клетками мужа).

Однако при этом уровень риторики, нередко весьма радикальной на региональном и локальном уровне, существенно отличается от повседневных практик священнослужителей. Далее мы поговорим об этом более подробно.

РИТОРИКА НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ТЕМЫ И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

«Основы социальной концепции», как и другие общецерковные документы, лишь декларация неких принципов, которые реально не обсуждались, а значит, и не воспринимались Церковью как социальным институтом. Трудно сказать, прочли ли их в епархиальных управлениях благочинные, не говоря уже о приходских батюшках, но, во всяком случае, ссылаются на них в епархиальной и приходской прессе не часто.

Обычное духовенство рассуждает об этих вещах на основе трех источников знания: полученного в семинарии образования, православной литературы, изданной в последние два десятилетия, а также «желтой прессы» и популярных телепрограмм, дающих «негативные» примеры для аргументации. Вопросы «репродуктивных прав» и использования стволовых клеток имеют весьма малое отношение к реальной

жизни русской провинции, в которой епископы и священники пытаются позиционировать себя перед региональными властями и населением как новых идеологов, носителей знания о морали и нравственности, оракулов, предупреждающих о видимых им на горизонте общественной жизни опасностях. Поэтому одно из ключевых тем в их публичных, общественно значимых выступлениях стала довольно скромно упомянутая в «Основах...» тема депопуляции населения России, или демографического кризиса.

Вот изложение речи одного из архиепископов в сообщении регионального новостного агентства: *«Всего несколько десятков лет назад русские женщины внушали иностранцам уважение тем, что хранили девственность до 30 лет. К сожалению, сегодня мы не можем этим похвастаться», — заявил сегодня на пресс-конференции архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. По его словам, во время Великой Отечественной войны «немцы — наши противники — восхищались чистотой и целомудрием наших женщин. Также они удивлялись чистоте нашего народа, нашей святости. Такой народ, по их словам, нельзя победить». Сегодня, с усвоением ценностей, которые России навязывает Запад, россиянам нужно серьезно задуматься о восстановлении национальных традиций, уверен владыка»* (Агентство «Ура». 2006. 18.04. [<http://www.ura.ru/content/svrd/18-04-2006/news/3936.html>]).

Для православного духовенства характерны запугивание аудитории (в том числе перспективой массового потока «трудовых мигрантов»), поиск врагов, сознательно усугубляющих демографические проблемы, раздувание мифов о безоблачной жизни православного российского народа до революции и абсолютное нежелание прислушиваться к научным дискуссиям по демографической политике, за выход из «демографической ямы», по мнению авторов речей, в изобилии публикуемых региональными православными газетами, светскими СМИ, ответственны российские женщины, которые должны вернуться к православному образу жизни, прекратить делать аборт и стараться рожать больше детей. Но поскольку спонтанное возвращение населения России к православию в ближайшее время признано нереалистичным, помочь им в этом должны меры, предлагаемые РПЦ и ее конкретными региональными представителями. В развитие темы обычно следует просьба к региональному руководству удовлетворить текущие потреб-

ности местных православных общин. Наиболее частым в последнее время стало увязывание «поиска путей преодоления демографического кризиса» с введением в средних школах предмета «Основы православной культуры», призванного, в частности, внушить детям традиционные семейные ценности.

Другая часто поднимаемая «проблема» — увеличивающееся число межэтнических сексуальных контактов и внебрачных отношений. Причем, в отличие от советского времени, речь часто идет о людях, принадлежащих к разным культурам и разным религиозным группам. Подобные отношения, особенно среди молодежи, нередко встречают возражения у родственников и уж тем более в церковной среде. Для борьбы с этим явлением на приходском уровне (а иногда и на епархиальном) используется миф о «телегонии». Под последней понимается якобы «научно доказанная» идея, что в женщине остается «генетический материал» от первого сексуального контакта. Проще говоря, даже выйдя замуж за другого и забеременев от него, женщина может родить ребенка с цветом кожи и формой лица от первого своего в жизни (или предыдущего) полового партнера. Подобные идеи распространяются в региональных православных газетах и активно пропагандируются в книгах и на сайтах православных фундаменталистов.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВ

В середине 2000-х годов наряду с негативным православным дискурсом относительно репродуктивной и демографической ситуации появился и позитивный. Начала его развивать молодая православная интеллигенция. За 1990-е годы в крупных городах сформировались заметные группы православной молодежи с высшим образованием, более или менее регулярно посещающие церковные службы. В этой среде возникла мода на относительную многодетность (матери охотно шли на рождение третьего ребенка) и появилось стремление всеми силами избежать аборт (в том числе путем интенсивного использования контрацептивов — что было уже необычно для традиционной православной среды). И то, и другое — новые тенденции в среде российской интеллигенции.

С таким примером перед глазами церковные СМИ и околоцерковные журналисты, работающие в светских СМИ, ощутив необходимость формирования положительного образа Церкви у образованной городской молодежи, энергично вступили в православный гламурный дискурс. Он должен был засвидетельствовать, что среди православных есть социально успешные люди, гордящиеся своей большой, крепкой семьей с несколькими детьми. При этом в подобных публикациях оказалась отброшена в сторону модель традиционной семьи, где несколько поколений близких родственников живут вместе и заботятся друг о друге (что в 1990-е годы православная пресса пыталась пропагандировать как модель, единственно приемлемую в российских условиях). Зато достаточно заметное место в православном гламуре заняли рассуждения о том, что наличие троих и более детей не мешает женам развиваться интеллектуально, сохранять физическую красоту (в том числе с помощью шейпинга и спа-салонов), а порой и заниматься самостоятельным бизнесом. Беседы с актерами, предпринимателями и священниками, исповедующими новую модель православной семьи, строились и по образцу аналогичных материалов в светской прессе и иллюстрировались обязательными фотографиями «в семейной обстановке» и в храме, что опять-таки резко контрастировало с привычной моделью поведения воцерковленных, которые обычно стараются скрыть от посторонних глаз свою личную жизнь и участие в обрядах.

Цитата из типичного в этом отношении интервью в «продвинутой» епархиальной газете, которое мы приводим с характерным для современной православной журналистики «запевом»:

«Этой профессии нет ни в одном справочнике, об этом виде служения не упоминает богословие. Но оно существует тысячелетия и подразумевает не только роль жены, хозяйки дома и хранительницы очага, многодетной матери, воспитательницы, помощницы священника, благотворительницы и общественного деятеля, но и красивой женщины. Об этом наш корреспондент беседует с Ольгой Бернардовой, женой священника Виктора Куркина, настоятеля храма иконы Казанской Божьей Матери в поселке Янтарный Калининградской области.

— Матушка Ольга, не удивляйтесь, но я хочу начать интервью не с Вашего общественного служения, а... с моды. Недавно все

православное сообщество всколыхнули слова митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла о том, что многие православные женщины словно бы демонстративно «убого» одеваются. В частности владыка сказал: «Мы не должны производить впечатление странных, придурковатых людей, если мы хотим быть Церковью народа, а не замыкаться в гетто. Мы должны показать пример народу, в том числе и своим внешним обликом».

— Я тоже это вижу и недавно сама была такая — небрежно одетая, совершенно не заботящаяся о своем внешнем виде. Сначала я просто не обращала на это внимания. Ну, я оправдывала себя тем, что у меня четверо детей, что я загружена работой, что мне некогда. Поверьте, вправду не до того было.

— И что же случилось потом?

— Мне стали делать замечания подруги: «Матушка, ты же молодая, посмотри на себя, так нельзя». Но решающим событием стал тот факт, что мне пришлось стать публичным человеком — организатором и ведущей Православного фестиваля духовно-нравственной и народно-патриотической песни «Петропавловские встречи в Янтарном». В этом году мы будем проводить его уже в третий раз...

Никогда не забуду, как мне было неловко два года назад перед таким количеством людей, не забуду, как я пыталась скрыть свою неухоженность и полноту. Представляете, я, как девчонка, пряталась за большими аудиоколонками на сцене.

— На втором фестивале, в 2006 году, все уже было иначе?

— Почти. Во-первых... я похудела за год на 15 килограммов, как и обещала в шутку гостям первого фестиваля при прощании. Во-вторых, за две недели до второго фестиваля я пошла в парикмахерскую. Меня так радостно встретили, что бесплатно сделали мне модную стрижку, легкую химию, мелирование и прическу. Не забуду, какой обновленной, с каким ощущением полета я возвращалась домой и какими удивленными глазами смотрели на меня прихожане. Хотя, признаюсь честно, перед некоторыми людьми я прячу свою стрижку и мелирование под платок» (Куркина Ольга. Профессия — матушка // Спас. Калининград. 2007. Май. [<http://www.u Brus.org/newspaper-spas-article/?id=407>].

ГОМОСЕКСУАЛИЗМ

Особенно острой проблемой в последние годы для РПЦ стало общественное признание гомосексуализма. Острота эта связана с необходимостью совместить осознание достаточно радикальных правовых изменений в этой сфере (уголовная ответственность за гомосексуализм была отменена всего 16 лет назад), требования дальнейшей либерализации в данной сфере со стороны самого гей-лесби сообщества (например, разрешения гей-парадов) и традиционно широкое распространение гомосексуализма среди монашества (в том числе епископата).

Официальная позиция Церкви по этому вопросу заявлена в тех же «Основах социальной концепции»:

«Священное Писание и учение Церкви недвусмысленно осуждают гомосексуальные половые связи, усматривая в них порочное искажение божозданной природы человека. «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость» (Лев. 20:13). Библия повествует о тяжком наказании, которому Бог подверг жителей Содома, по толкованию святых отцов, именно за грех мужеложства... «Не обманывайтесь... ни малакии , ни мужеложники... Царства Божия не наследуют», — писал апостол [Павел] жителям развращенного Коринфа...*

*Дискуссии о положении так называемых сексуальных меньшинств в современном обществе клонятся к признанию гомосексуализма не половым извращением, но лишь одной из «сексуальных ориентаций», имеющих равное право на публичное проявление и уважение... Православная Церковь... считает гомосексуализм греховным повреждением человеческой природы, которое преодолевается в духовном усилии, ведущем к исцелению и личностному возрастанию человека. Гомосексуальные устремления, как и другие страсти, терзающие падшего человека, врачуются Таинствами, молитвой, постом, покаянием, чтением Священного Писания и святоотеческих творений, а также христианским общением с верующими людьми, готовыми оказать духовную поддержку** .*

* Малакия — онанизм. Он также часто осуждался в церковных текстах до начала XX века, но в настоящее время в официальных церковных документах упоминания о нем исчезли, и он фигурирует в качестве греха только в полуофициальных «списках грехов».

** В отличие от церковных групп, занятых (с переменным успехом) «духовной поддержкой» алко- и наркозависимых, мне неизвестно ни одной, которая бы проводила аналогичную работу с геями.

Относясь с пастырской ответственностью к людям, имеющим гомосексуальные наклонности, Церковь в то же время решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как «норму», а тем более как предмет гордости и пример для подражания. Именно поэтому Церковь осуждает всякую пропаганду гомосексуализма. Не отказывая никому в основных правах на жизнь, уважение личного достоинства и участие в общественных делах, Церковь, однако, полагает, что лиц, пропагандирующих гомосексуальный образ жизни, не следует допускать к преподавательской, воспитательной и иной работе среди детей и молодежи, они не могут занимать начальственное положение в армии и исправительных учреждениях.

Не менее жестко отношение РПЦ и к транссексуальности — проблеме новой для православного сознания:

«Порой извращения человеческой сексуальности проявляются в форме болезненного чувства принадлежности к противоположному полу, результатом чего становится попытка изменения пола (транссексуализм). Стремление отказаться от принадлежности к тому полу, который дарован человеку Создателем, может иметь лишь пагубные последствия для дальнейшего развития личности. «Смена пола» посредством гормонального воздействия и проведения хирургической операции во многих случаях приводит не к разрешению психологических проблем, а к их усугублению, порождая глубокий внутренний кризис. Церковь не может одобрить такого рода «бунт против Творца» и признать действительной искусственно измененную половую принадлежность. ...вступление его в церковный брак недопустимо».

Действительно, острые возражения у представителей Церкви вызывают (в духе цитируемого документа) не уже устоявшиеся за 1990-е годы формы проявления гомосексуальности — журналы, клубы (не занимающиеся активной саморекламой), совместно живущие пары или отдельные часто мелькающие на телевидении личности, но факт массовых мероприятий подобной направленности. Особый протест со стороны духовенства вызывает постоянно гастролирующий в российской провинции певец Борис Моисеев, использующий не только гей-эстетику, но и религиозно окрашенные образы.

В то же время с середины 1990-х по начало 2000-х годов Церковь сотряс целый ряд скандалов, связанных с гомосексуальными домогательствами архиереев к своим сотрудникам. Обвинения против

семи (далеко не всех, на кого жаловались) архиереев попали в светскую печать, трое вынуждены были оставить свои посты. В Екатеринбурге, например, в 1999 году обвинения против правящего епископа в домогательстве выдвигались на митингах прихожан и тиражировались самой массовой газетой страны — «Комсомольской правдой».

Однако и в этом, и в других случаях отставка епископа «по состоянию здоровья» — максимум, чего могли добиться жалобщики, да и то, как правило, после долгой кампании в светской прессе. РПЦ не было принято никаких системных мер против подобных случаев, не говоря уж о том, чтобы, в соответствии с декларируемыми принципами, изгнать из своих рядов священников-гомосексуалов.

Поэтому жесткая идеологическая позиция по отношению к гомосексуализму нередко бывает лишь косвенным проявлением нерешенности внутрицерковных проблем в этой области. В то же время, возможно, именно эта нерешенность удерживает РПЦ от активных реальных действий против гомосексуалистов. Идеи акций «прямого действия» (пикетов перед концертами гомосексуальных исполнителей, обращений в суд, бития окон в гей-клубах и публичного сжигания специализированных журналов), как правило, не поддерживаются иерархами ни на федеральном, ни на региональном уровне, несмотря на то, что многие церковные активисты готовы в них участвовать. Гомофобные выступления в мае 2007 года прихожан одного из фундаменталистских храмов в Москве с требованием закрыть ряд гей-клубов, равно как и поощряемая на епархиальном уровне периодически вспыхивающая брутальная гомофобная активность в Екатеринбурге, — скорее исключения из правил, обусловленные конкретными социальными травмами.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ВОПРОСАХ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глобализационные процессы, в которые вовлечена и Россия, остро ставят вопрос о повышении представительства женщин во всех сферах общества, в том числе и в религиозной, где традиционно доминируют мужчины. Особенно четко это доминирование закреплено в авраамических религиях и конфессиях, в которых только мужчины составляют священническую корпорацию.

В последние два десятилетия эта ситуация подвергается серьезной ревизии, особенно в государствах с доминирующей протестантской религиозной культурой. В некоторых Церквях женщины стали епископами, то есть официально заняли иерархические позиции, легально не доступные им прежде в рамках христианства. Руководство РПЦ не раз заявляло о полном неприятии подобных идей и даже о фактическом разрыве отношений с теми Церквями, которые приняли решение о женском священстве (в частности, Англиканской), или о полном прекращении контактов с распространителями другой «заразы» — допуска открытых гомосексуалистов к священническому или епископскому служению (Епископальной). Более того, неприятие женского священства и гомосексуализма стало одним из основных аргументов иерархии РПЦ в ее антиглобализационной и антимодернизаторской риторике.

Интересно, что формального запрета на занятие женщиной высоких постов в православной иерархии в официальных церковных документах нет. Устав РПЦ упоминает о распределении гендерных ролей только в одном случае — когда речь идет о существовании мужских и женских монашеских общин (пункт XII. Параграф 1). Среди требований к кандидатуре патриарха, епископа или священника есть, например, ограничения по возрасту (только для патриарха), профессиональному опыту или образованию, но нигде не сказано, какого пола он должен быть (хотя, конечно, при этом и используется мужская форма наименования религиозного статуса). Так, указано, что Патриарх Московский избирается из числа епископов, обладающих определенным набором нравственных и профессиональных качеств. Сами епископы назначаются Священным синодом РПЦ из числа монашествующих или белого духовенства, постриженного в монашество. Но в Уставе РПЦ не сказано, что эти монашествующие должны быть мужчинами. Однако на практике, осененной традицией, духовенство РПЦ формируется исключительно из мужчин.

Тем не менее у женщин есть свои каналы влияния на церковную жизнь. В настоящее время мы можем выделить три категории женщин, влияющих на ситуацию внутри Церкви: харизматическую (старицы, блаженные, юродивые), статусную (монахини, матушки, неформальные жены) и приходскую (работницы храмов и рядовые прихожане).

Феномен стариц и блаженных женщин говорит о том, что верующие могут воспринимать женщину в качестве сакрального и харизматического объекта, ожидать выздоровления или разрешения проблем от ее молитв и советов, а также относиться к ней как к лицу, осуществляющему священнодействие. Привязанность к такому сакральному или харизматическому объекту порождает группы последователей. Вот так женщина, имеющая последователей, получает власть и становится частью структуры, альтернативной официальной церковной иерархии — института старчества, то есть системы личных харизматических авторитетов. Старицы — женщины, берущие на себя различные сакральные функции — от молитвенной помощи кому-то до исполнения специальных священнических обрядов.

Старицы — часть феномена «народного православия» (так же как бабки-читалки, блаженные, юродивые), и в этом отношении могут рассматриваться как персонажи «за церковной оградой», нередко оппозиционные церковной иерархии. Сами иерархи, в том числе Патриарх, регулярно выступают против «оппозиционных» стариц или групп почитателей их памяти. Особые их возражения вызывает исполнение священнических обрядов или открытая критика иерархии. При этом значительная часть стариц включена в деятельность неформальных духовнических сетей внутри РПЦ, то есть в систему взаимоотношений между старцами-духовниками. За разрешением конкретных религиозных чаяний старцы и старицы порой перенаправляют своих последователей друг к другу. Очень немногие старицы стали частью церковной культуры, признаются иерархией и прославляются ею после смерти (как, например, московская святая Матронушка). В целом влияние стариц, по всей видимости, несколько меньше, чем старцев, однако она ярко демонстрирует признание их церковным народом в качестве:

- сакрального объекта (после смерти);
- харизматического объекта (при жизни);
- посредника при разрешении духовных проблем;
- персоны, исполняющей священнические обязанности.

Другая большая группа женщин, реально оказывающих влияние на внутреннюю жизнь Церкви и де-факто участвующих в механизме альтернативного распределения власти, не обладает харизматическим авторитетом, но вполне компенсирует его своим воздействи-

ем на повседневную деятельность церковных структур. Они имеют статус, присваиваемый иерархами (а не церковным народом, как в случае харизматической категории), но реального влияния добиваются в соответствии со своими личными способностями. К этой статусной категории можно отнести монахинь и матушек (жен священников). Монахини — наиболее очевидная и влиятельная в глазах церковной иерархии категория. Настоятельницы монастырей, особенно крупных, нередко обладают авторитетом, далеко выходящим за пределы епархии, что, в частности, опирается на значительные финансовые ресурсы.

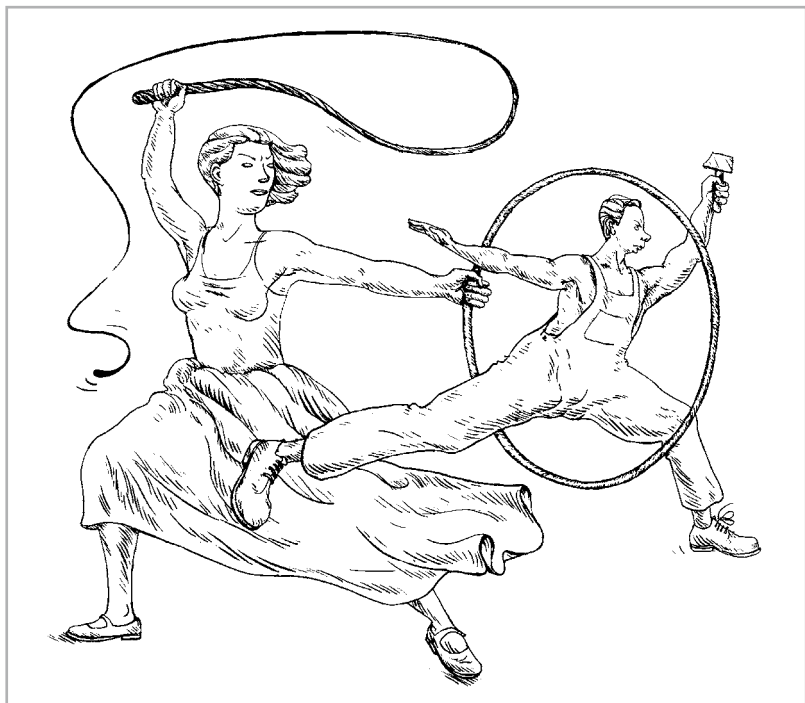
Все названные категории влияния в численном выражении незначительны и достаточно слабо связаны между собой (кроме среды монашествующих и стариц). Относительно массовая категория — постоянные посетительницы храмов (воцерковленные), из среды которых выделяются работницы храмов. Отсутствие в Уставе и практике церковной работы четкого разделения обязанностей между сотрудниками храма (это можно описать и как неопределенность социальных ролей) приводит к большому разнообразию вариантов их взаимодействия. Священник может брать (и нередко делает это) на себя хозяйственные функции (ремонт и восстановление здания, финансовые дела), следить за чистотой и порядком в храме и вести занятия в воскресной школе. А в соседнем храме его роль может ограничиваться только исполнением обряда, и все попытки «сунуть нос» в другие дела будут решительно пресечены персоналом храма, основную массу которого ныне составляют именно женщины. Более того, по их жалобам священника может заменить правящий архиерей или, наоборот, в ситуации, когда епископ пожелает перевести священника на новый приход, прихожане его могут не отпустить. «Бабий бунт» в этой ситуации нередко приносит успех.

Таким образом, можно констатировать, что в Русской православной церкви, несмотря на номинальное мужское доминирование, женщины, составляющие большинство верующих, имеют значительное влияние.

Церковь как социальный институт по своей природе консервативна. Эта ее функция — идти последней и несколько сдерживать впереди идущих — необходима обществу, поскольку не все оно состоит из безусловных сторонников прогресса и не все прогрессивные явления приносят пользу обществу. Естественно, что этот консерватизм в полной

мере распространяется и на гендерные отношения. Другое дело, что РПЦ сейчас претендует не только на духовное окормление собственно православных, но и на своего рода идеологическое руководство Россией в целом, стремясь влиять на судьбы всех людей — верующих, неверующих, инаковерующих. Это обстоятельство делает особенно важным включение позиции Церкви в более широкую дискуссию по гендерным проблемам — дискуссию, в которой будут звучать аргументы и сторонников гендерного равенства, и тех, кто считает, что гендерное неравенство не только вечно, но и священо.

ИРИНА САМОУКОВА

ГЕНДЕРНЫЕ ТРЕНДЫ
СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
**ТУРГЕНЕВСКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
НОСЯТ ПРАДА!**

В

В этой статье мы рассмотрим гендерные образы, актуальные для российской культуры последнего десятилетия. Напомним читателю, что образы мужчин и женщин, создаваемые в различных жанрах (символические репрезентации), не только отражают представления людей о самих себе, своих реальных взаимоотношениях, но и выступают как своеобразные ориентиры для действия, в данном случае для строительства гендера. Иными словами, культурные репрезентации предлагают набор образцов, моделей «правильной»/«неправильной», «успешной»/«неуспешной» (список можно продолжить) мужественности и женственности.

Конец 1990-х—2000-е годы — время довольно ощутимых изменений в символической репрезентации российских женщин и мужчин. Основным пространством гендерного набора образов становятся современные массмедиа: телевидение, гляцевые журналы, реклама и соответствующие жанры: телешоу, сериалы, поп-музыка, постеры и рекламные щиты.

И в досоветские, и в советские времена и даже в начале 1990-х годов главной областью культуры, где создавались гендерные модели, была литература, словесное творчество. Наше главное культурное достояние — образ русской женщины — сформировался именно в литературе: в «Евгении Онегине» Пушкина, в романах Тургенева и Гончарова, в прозе Достоевского и Толстого, в поэзии Некрасова и Блока. Ведущую роль в сохранении и передаче «черт русской женщины» — ее самоотверженности, нравственной стойкости,

готовности быть опорой мужчине в его развитии и духовном поиске — играла школа, где литература долгое время была не только главным, но и единственным предметом, изучающим культуру. Литературные образы русских женщин — невест и матерей (жены изображались значительно реже) — и их возлюбленных на протяжении многих десятилетий были своеобразным «языком» разговора о гендерных проблемах. В конце восьмидесятых годов прошлого века Василий Шумов, лидер рок-группы «Центр», пел о «тургеневских женщинах», которые сегодня:

...читают газеты
Звонят по телефону, ходят на работу
Имеют образование, опускаются в метро
Стоят в очереди, расщепляют атом

Тургеневские женщины обсуждают события
Разбираются в артистах, ищут нефть
Говорят о медицине, выступают на эстраде
Кладут асфальт, сосредоточены в танце

Тургеневские женщины на улицах Тулы...
Тургеневские женщины у костров в тундре...

Но в наши дни литература уже не столь авторитетна. Она сама стала в значительной мере массмедийным явлением: важной для широкой аудитории становится та книга, о которой пишут в глянцевого журналах и говорят на ТВ.

Если мейнстримом сегодняшней российской культуры становится культура популярная, массовая, то и основные гендерные тренды, основные ориентиры для строительства гендера формируются в ней. Обладая огромными ресурсами воздействия на сознание людей, массовая культура, мыслящая стереотипами, может легко манипулировать представлениями женщин и мужчин о том, какими им следует или не следует быть, сводя многообразие и сложность человеческой жизни к небольшому числу простых схем. Такая «примитивизация» затрагивает в наши дни даже само представление о гендере. Следует заметить, что проблемы взаимоотношения полов, дискуссии о положении мужчин и

женщин сегодня часто становятся темой телевизионных ток-шоу и статей в массовой прессе. В сознание многих людей внедряется мысль, что «гендерное» — это то, что имеет отношение к любви, к положению женщин в семье, то есть к тому, что связывается со сферой частной жизни, традиционно отводимой женщине. Современные медиа часто представляют женщин как настоящих экспертов в этой сфере: они дают советы, как вести любовные игры, выбирать грамотную тактику в отношении мужчины-руководителя, как следить за красотой и здоровьем и т.д. «Гендерное» для широкой публики — это еще и про различные, часто «самой природой установленные» взгляды женщин и мужчин «на жизнь» и друг на друга. Иногда «гендерные проблемы» в массмедиа связываются с «феминизмом», который представляется как агрессивная блажь, выражающаяся в стремлении женщин освободиться от ответственности за семью и утвердиться в господстве над мужчинами. При этом механизмы дискриминации по признаку пола в области репрезентаций стали более изощренными. Открытые высказывания сексистского характера встречаются сравнительно редко.

Массовая культура становится глобальной. Жанры, или, как сейчас принято говорить, форматы телепередач и популярных изданий имеют международный характер. Многие популярные сериалы, идущие на российском телевидении, создаются при активном участии зарубежных сценаристов. Образы мужчин и женщин здесь во многом утрачивают национальную специфику, и проблемы взаимоотношения полов предстают такими же, как и в других странах. Так, идущий уже несколько лет юмористический сериал «Саша и Маша» изображает взаимоотношения молодой пары, живущей в современном мегаполисе. Специфически российские здесь только имена персонажей, все остальное — распределение домашних обязанностей, совместный досуг, сексуальные взаимоотношения, финансовые обязательства — могло бы происходить в жизни пары среднего класса любой цивилизованной страны мира.

Когда мы сталкиваемся с образами женщин и мужчин на телевизионном экране, рекламном щите, в романе или популярной песне, не следует забывать о двух сторонах репрезентаций. С одной стороны, всякий культурный образ отражает реальные представления людей о гендере и в этом смысле соотносится с жизнью, но с другой — существуют «законы жанра», «формат», который существенно

видоизменяет эти представления. Именно формат становится призмой, через которую культура, и массовая культура в первую очередь, преломляет реальные гендерные проблемы.

Например, мелодрама целиком сосредоточивается на изображении частной жизни и семейных взаимоотношений. Главное место здесь занимает любовь, подвергающаяся испытанию. Важный момент в этом испытании — неравенство любящих: по возрасту, социальному положению, основным жизненным установкам. Любовь, естественно, в итоге побеждает все преграды. Жанр мелодрамы, возникший еще в XVIII веке, с самого начала привлекал внимание к положению женщины, так как изображал семейную жизнь (взаимоотношения влюбленных, стремящихся соединиться друг с другом, супругов, детей и родителей) — ту сферу, где женщина в то время имела пусть и ограниченное, но право голоса. Старинные мелодрамы часто потрясали общество и воспринимались как революционные произведения. Так это было с пьесой Ф.Шиллера «Коварство и любовь», которая заканчивалась трагической гибелью влюбленных, находящихся на разных ступенях социальной лестницы. Эта гибель утверждала внесловную ценность человека, ценность любви как союза родственных душ. В советское время, когда отношения между женщинами и мужчинами опосредовались их ролью в жизни государства, мелодрамы, в центре которых оказывалась любовь, были редкостью. Люди воспринимали их как произведения «про реальную жизнь». Достаточно вспомнить невероятную популярность таких советских картин, как «Москва слезам не верит», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Служебный роман». В поздних советских мелодрамах практически отсутствовал идеологический момент, когда счастье влюбленных напрямую зависело от участия в их судьбе партии и государства, как это было в фильмах 1930—1940-х годов («Цирк», «Свинарка и пастух», «Свадьба с приданым»). Коллизии мелодрамы казались жизненными потому, что реально большинство их зрителей интересовали только проблемы частной жизни, от событий государственного масштаба люди были отчуждены и относились к ним довольно равнодушно (показательно, что в перестроечное время мелодрам практически не было). Сегодня жанр мелодрамы очень широко представлен и в массовой литературе, и в кино, и особенно на телевидении. Социальная функция их

существенно изменилась. Любовные перипетии современной мелодрамы часто восполняют событийную бедность, эмоциональную ущербность жизни их основной аудитории. Мелодрамы, все больше похожие на сказки, которые часто дезориентируют читателей и зрителей (главным образом женщин), предлагая им надеяться на чудо: встречу с состоятельным и благородным «принцем», который вдруг выделит из толпы свою избранницу и без остатка отдаст себя любви и заботе о ней. Так уже сами законы жанра участвуют в формировании стереотипа — представления о том, что женщина создана для одной лишь красивой любви, и она обязательно «нагрянет», причем, как правило, «нечаянно».

Массовой культуре свойственно деление жанров по «гендерному признаку», то есть в зависимости от адресата: женщинам предназначены мелодраматические истории, мужчинам — крутые детективы и боевики.

В современной российской культуре остатки советской модели «идеальной мужественности» сохранились в многочисленных сериалах, посвященных трудам и дням силовых структур: армейскому братству, спецназу, борцам с преступностью. «Правильный» советский мужчина изображался либо как символический «сын» Родины-матери, партии, либо как символический (что нередко подчеркивалось отсутствием биологического родства) «отец» — наставник других «сыновей» и «дочерей». В 1990-е годы главным агентом борьбы с преступностью в популярном искусстве был одинокий боец, вынужденный действовать во враждебном окружении бандитов и продавшихся им служителей закона (романы В.Доценко о Бешеном, сериал «Бандитский Петербург»). Нередко судьба такого борца со злом складывалась трагично. Однако сегодня романтические индивидуалисты-бойцы практически не встречаются. В значительной части культурной продукции продвигается образ мужского братства, где опытные мужчины (командиры, «батяни») опекают и наставляют новичков. Мир в такого рода произведениях держится на мужской силе и солидарности, на почти бескорыстном (мотив бессребреничества силовиков всячески акцентируется) служении мужского сообщества своему делу. В этом сообществе могут появляться и женщины, которые смягчают нравы мужской среды, создавая некое подобие большой семьи. Так, в известном сериале про питерских «ментов» Настя

Абдулова в минуты передышек и дружеского общения кормит коллег бутербродами, разливает чай. Для нее коллеги — это настоящая семья, опора в трудную минуту. Именно поэтому у героини возникают некоторые проблемы с обустройством личной жизни с партнером со стороны — видимым бизнесменом. Но чаще в «мужских» жанрах женщины изображаются иначе: иногда это слабые существа, нуждающиеся в защите, а порой — взбалмошные создания, безрассудно вмешивающиеся в серьезные мужские игры и тем самым создающие дополнительные проблемы.

Персонажи, сюжеты, предметный антураж мелодрамы, напротив, создаются для того, чтобы, с одной стороны, угодить аудитории «домохозяйек», а с другой — сформировать у нее вполне определенные представления о роли и месте женщины в отношениях с мужчинами, в семье, поскольку сюжет разворачивается исключительно в сфере быта. Последнее имеет место даже в том случае, если события происходят в прошлом: большая история в мелодраме — только фон семейно-любовных коллизий.

Миры мелодрамы и миры «мужских» жанров практически не пересекаются. Брутальные персонажи боевиков не появляются там, где обитают стремящиеся удержать мужа жены и мечтающие соединить жизнь со своими партнерами одинокие дамы. В «розовых романах», на разные лады пересказывающих историю Золушки, крайне редко можно встретить играющих мускулами и желваками мужланов. Неспешное действие здесь разворачивается в локальном пространстве гостиных, кухонь и спален, кафе и уединенных загородных домов. Мелодрама создает образ мужчины, который, как и его подруги, думает главным образом о личном счастье. Такой «человечный» образ мужчины можно было бы приветствовать, если бы в сюжете мелодрамы присутствовала и какая-нибудь иная модель мужского поведения.

Сюжеты многочисленных российских мелодрам предлагают тему женского соперничества в обретении достойного мужчины. Жизнь женщины предстает как нескончаемая борьба за семейный очаг. Так мелодрама «загоняет» женщину в частную сферу, даже если и уделяет какое-то внимание ее профессиональной деятельности.

Изображение трудовых отношений в современной российской массовой культурной продукции заслуживает особого

разговора. Поскольку речь идет о произведениях искусства, то показ профессиональной деятельности здесь выступает лишь аспектом изображения характера человека. Для массовой культуры, обслуживающей досуг, тема труда актуальна лишь в той мере, в какой она помогает сконструировать персонаж, понятный публике. В массовой культуре, в том числе и российской, существует специальный жанр представления коллизий на современном предприятии, — технотриллер. К этому жанру относятся, например, многие романы Ю.Латыниной («Охота на Изюбря», «Промзона»). В отечественных технотриллерах речь идет о полной драматических ситуаций жизни современного крупного бизнеса, но... женщины здесь никогда не бывают руководителями, в лучшем случае — помощницами-секретаршами или журналистками. И снова мы сталкиваемся со своеобразной гендерной сегрегацией: там, где речь идет о серьезных государственных проблемах (естественно, в той мере, в какой эти проблемы вообще ставятся в популярной культуре), женщина изображается на вторых ролях как помощница-исполнительница или прекрасная награда победителю.

Как руководитель, эксперт или равноправный с мужчинами сотрудник женщина представлена в тех жанрах современной культуры, где в основе сюжета лежит любовная история или раскрытие тайны (детективы). Что касается детективов, то здесь работает также «память жанра» — классические образцы Агаты Кристи с ее мисс Марпл или очень популярная в наши дни модель «иронического детектива» Иоанны Хмелевской. Экцентричная дознавательница просто включается в инфраструктуру современного российского сыска (детективы А.Марининой). В мелодраматических жанрах часто встречается мотив тоски внешне жесткой начальницы по «простому женскому счастью»: уютному дому с мужем и детишками. Можно сказать, что эта тема уже вошла в жанровый стандарт. В женском ироническом детективе в духе Д.Донцовой героиня, ведущая расследование, является не профессионалом, а откровенной дилетанткой, оказавшейся в центре загадочных событий по воле случая или от скуки. Такие «следовательницы» всегда нуждаются в компетентном мнении опытного мужчины и в его крепком плече, как, например, в романе В.Е.Платовой «Смерть на кончике хвоста». В этом романе в детективный сюжет встраивается очень характерная для мелодрамы «история Золушки»: попутно с рас-

следованием героиня — малообеспеченная служащая, которую цинично используют ее недалекие бойфренды, — обретает настоящего мужчину: и умного, и успешного, и порядочного, и с материальной перспективой.

Так что в целом репрезентация женщины в сфере труда в отечественной культуре, при внимательном рассмотрении, не блещет разнообразием. Настоящее женское счастье, если верить большинству популярных произведений, возможно только возле крепкого и не очень, а иногда даже любого мужского плеча.

Образы мужчин и женщин в современной российской культуре все более визуализируются, обретают плоть. Для предшествующей российской культуры — и советской, и классической, и традиционной — в целом это не было характерно: там взаимоотношения полов обсуждались главным образом с точки зрения социальных ролей и нравственных ценностей. Кто может детально описать, как выглядела, например, Татьяна Ларина? У Пушкина о ее внешнем облике практически ничего не сказано, даны только поведенческие характеристики: «дика, печальна, молчалива». Во внешности Онегина акцентируется лишь прическа («острижен по последней моде»), а также костюм. Это было сделано, чтобы подчеркнуть дендизм Онегина, его отличие от других мужчин, странность и жизненную новизну образа. Зато каждый телезритель легко может себе представить кокетливую внешность «прекрасной няни» и даже следовательницы-интеллектуалки Анастасии Каменской, образ которой сначала возник в романах А. Марининой. Важной характеристикой женских, а во многих случаях и мужских ролей сегодня становится открыто демонстрируемая сексуальность. К сожалению, часто эта сексуальность весьма типовая, лишенная индивидуальности. Приобщение к стандартам внешности — осязаемый тренд современной продукции массовой культуры. Часто повторяющийся сюжетный мотив: преображение невзрачной девушки в бутике или модном парикмахерском салоне, ее приобщение к гламурному визуальному стандарту, которое оценивается как ступень жизненного успеха.

В современной российской культуре произошли некоторые изменения и в том, как понимается традиция — исконность гендерных ролей и образов. Советская модель гендерных репрезентаций, где

отношения полов опосредовались государственной идеологией — идеальный мужчина был сыном партии, а женщина работницей и матерью нового поколения советских граждан, — уже не противопоставляется досоветской традиции, которая активно обсуждалась в постперестроечную эпоху. По поводу советской традиции тогда существовали разные, порой взаимоисключающие мнения, однако был и некий консенсус в отношении чудовищного бремени, взваленного на женские плечи советской властью (вспомним образ женщин-шпалоукладчиц). В современном массовом сознании «советское» уже не очень четко отделяется от «досоветского». Обе «традиции» причудливо накладываются на современные представления о настоящем мужчине и настоящей женщине. Традиционное осовременивается. Жена видного советского военачальника (сериал «Московская сага») показывается не столько как домохозяйка и боевая подруга, как это было в произведениях советского периода, сколько как роковая женщина и секс-бомба. Исторические деятели, даже такие как Сталин, запросто изображаются озабоченными почти исключительно семейными и любовными проблемами. Репрезентация гендера в современной российской культуре нередко подчиняется «правилу», которое американский исследователь культуры Клиффорд Гириц образно назвал «принципом муравьиной кучи»: традиционное и новое здесь гротескно сочетаются.

Потребительские ценности, утвердившиеся в российском обществе в последнее десятилетие, оказывают мощное влияние на то, какие образы женщин и мужчин продвигаются как успешные и достойные подражания. Наибольшие изменения в связи с этим произошли в изображении романтических любовных отношений.

Отечественная культура всегда предъявляла очень высокие требования к *любимОЙ* (чего не скажешь о *любимОМ*). Женщина выступала как своеобразный горизонт мужских поисков совершенства. Вспоминается популярная песня советских времен, где планка требований поднимается буквально на заоблачную высоту:

Часто сижу я и думаю,
Как мне тебя называть,
Скромную, добрую, милую,
Как мне тебя величать.

Я назову тебя зоренькой,
Только ты раньше вставай.
Я назову тебя солнышком,
Только везде успевай.
Я назову тебя радугой,
Только ты ярче гори.
Я назову тебя радостью,
Только ты дальше зови...

При этом влюбленный мужчина в лирическом излиянии в корне пресекал низменно-материальные ожидания своей пассии:

Не могу я тебе в день рождения
Дорогие подарки дарить,
Но зато в эти ночи весенние
Я могу о любви говорить.

Я пока что живу в общезитии,
Увлекаюсь своею мечтой.
Никакого не сделал открытия,
Но оно непременно за мной.

К мужчине как предмету обожания никаких особых требований любящая женщина не предъявляла. Любили его, можно сказать, ни за что:

Каким ты был, таким ты и остался,
Но ты и дорог мне такой.

Мы не случайно выбрали в качестве примеров тексты советской массовой песни. Именно в этом жанре ярче всего воплощались представления о любви, разделявшиеся миллионами. Несмотря на то, что в наше время наблюдается своеобразный ренессанс советского популярного искусства, гендерные ориентиры в современной культуре сменились на прямо противоположные. Изменения начались уже на рубеже 1990-х годов, когда певица Катя Семенова на всю страну

предъявила идеальному мужчине требования, которые имели вполне конкретный (можно сказать даже «чисто конкретный») характер (в том числе и материальный):

Чтоб не пил, не курил
И цветы всегда дарил,
В дом зарплату отдавал,
Тещу мамой называл,
Был к футболу равнодушен
И в компании не скучен,
И к тому же, чтобы он
И красив был, и умен.

Дальше больше... В наши дни девушки уже желают многого, слишком многого: «Такого, как Путин, чтобы не пил...» Появляются требования и культурно-развлекательного свойства, как в песне группы «Ленинград», где возникает «замечательный мужик», приглашающий в Геленджик, и даже гиперболически раскрепощенное (в том числе с точки зрения рифмы):

Увози меня скорей,
Увози за сто морей
И целуй меня везде —
Восемнадцать мне уже...

Так инициатива создания облика «идеального возлюбленного» переходит к женщине, а романтика спускается с небес на землю.

В вышедшей в конце 1990-х годов книге «Мужчины» чуткий к изменению гендерных отношений писатель Виктор Ерофеев не без удовольствия отмечал, что русские женщины научились наконец говорить слово «ещё». Автор приветствовал жизнелюбивый, прежде всего сексуально раскрепощенный, пафос этого высказывания. Именно Виктор Ерофеев — автор романа «Русская красавица», получившего всемирную известность, начал свою литературную деятельность тем, что совершил ряд героических в условиях советского ханжества попыток

наделить русскую женщину телом и эротической инициативой. Из объекта духовного поклонения, каковой она была в отечественной культуре, русская красавица — героиня Ерофеева — становится субъектом спасения России от зла, как московская богемная девица рубежа 1980-х Ирина Владимировна Тараканова. При этом активная женщина наделяется писателем сложной и богатой жизнью тела, у которого есть изящные щиколотки и пахнущая бергамотом вагина. Это тело нуждается в красивой одежде, дорогих духах, изысканном питании. Желание достойной оправы в глазах В.Ерофеева вполне оправдывало образ жизни героини романа «Русская красавица», которая иногда при-торговывала собой.

Но в 2004 году Виктор Ерофеев опубликовал эссе с красноречивым заглавием «Почему дешевеют русские красавицы?». В нем автор с горечью констатировал, что русские женщины, некогда прославленные Некрасовым за остановленного на скаку коня и способность войти в горящую избу, не выдержали испытания обществом потребления:

«На общественной сцене возникает новый тип женщины, которую легко купить за приличные деньги, но которая дешевет в человеческом измерении. Не обладая моральными ценностями, женщина путается в понятиях, сбивается с толку. Она дорого продается, но дешево покупается. Она по-прежнему мечтает о вечной любви, но в ее ожидании она доступна и заменяема. Она лишается таких качеств, как самопожертвование. Как вы сказали? Что это значит? Она все измеряет своим интересом. Наконец, она влюбляется, она, кажется, даже любит. Вдруг выясняется, что свою благоприобретенную природу не изменить, от интереса нигде не деться. Она любит, пока ей интересно. Однако с ней уже неинтересно».

В словах писателя-интеллектуала ощущается моральная паника. Можно, конечно, иронизировать над этим, в очередной раз констатировав кризис российской маскулинности, однако в высказывании В.Ерофеева есть немало справедливого.

Современные глянцево-журнальные, телевизионные, рекламные тиражируют образы сексуализированной потребительской женственности, того, что получило название «гламур». Образ женщины-потребительницы сегодня проникает даже в литературные произведения с откровенно феминистским посылом. Так, в романе Т.Москвиной

«Смерть — это все мужчины» героиня, предлагающая читателям целую лекцию в духе радикального феминизма о том, как мужчины узурпировали культуру, не смущаясь, рассказывает, как она обустроивает свое житейское благополучие, находясь на содержании у богатого любовника. Она считает вполне моральным жить в оплачиваемой им квартире, пользоваться его кошельком и при этом не стеснять себя никакими обязательствами.

На этом фоне требование большой и чистой любви выглядит как-то не слишком убедительно. С точки зрения автора романа, современная женщина должна иметь все — в том числе и неограниченное право на любовь и самовыражение, но при этом не ощущать абсолютно никакой ответственности, приобретая свободу, так сказать, на халяву.

Критика потребительских концепций любовных отношений довольно часто встречается в гламурных романах из жизни топ-менеджеров крупных компаний и рублевских жен (С.Минаев, О.Робски). Однако эта «критика» в последнее время сама становится одним из стереотипов гламурной культуры, своеобразным знаком «духовности» персонажей. У героев и авторов гламурной литературы желание вырваться за пределы мира потребления имеет в полном смысле «романтический» характер, то есть не предполагает ни отказа от гедонистических ценностей, ни реальных шагов к другой жизни.

Гламурные образы потребительского гендера воспринимаются многими публицистами как реальная угроза и женственности, связанной с традиционной ролью жены, матери, самоотверженной возлюбленной, и мужественности, которая агонизирует под давлением безответственного гедонизма.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМЕ

Давно известно, что реклама пропагандирует определенный образ жизни, предлагая потребителю некие модели и образцы ориентации в современном мире, знаками которого и являются товары и услуги. Обусловленные культурой отношения между полами — гендерные отношения — часто становятся основой рекламных грез. Однако из всего многообразия гендерных отношений с завидным постоянством

отбирается лишь очень ограниченный набор образов: во-первых, интенсивно эксплуатируется сексуальность как важнейшая характеристика современного человека, во-вторых, в зависимости от категории товара на сцене появляются различные формы семьи.

Забудем на время, кто заказывает музыку. Внутренняя кухня рекламного бизнеса для нас в данном случае не слишком интересна. Будем говорить о том, что есть — о «вселенной», населенной существами, имеющими пол, которая практически постоянно напоминает о себе с экранов телевизоров.

Можно выделить *три базовых типа гендерных образов*, встречающихся в современной телевизионной рекламе.

Первый тип можно назвать доминирующим. Его основу составляют сексуализированная женственность и параллельная ей глянцева-ая, целлулоидная мужественность, представленная образами так называемых метросексуалов — довольных собой жителей мегаполисов, венцом успеха которых становится внимание гламурных женщин. «Классных телок» должно быть много, как минимум две, как в рекламном ролике Pepsi-Max, где две роскошные и неотличимые друг от друга девицы в купальниках моют сверкающий автомобиль утоляющему жажду счастливицу. Глянцевые женские образы продаются партиями, оптом, как товары. Здесь — в рекламе косметических средств, автомобилей, сотовых телефонов, элитных соков и йогуртов — торжествует ухоженное тело, безупречное с точки зрения соответствия стандарту. Правда, необходимость «быть безупречной» — головная боль преимущественно женщин. Это она всегда существует словно «на сцене», где малейшая небрежность может «все испортить», как в рекламе дезодоранта Rexona с Жанной Фриске. Мужчина, обретя товар, может только улучшить свое положение, стать еще более крутым, еще более успешным. В рекламе мужских гелей для душа за шуплым парнем на пляже бежит множество ослепленных страстью шикарных женщин. Они хотят его, расталкивая друг друга в жажде обладания. «Телки и вода», как определил бы эту идиллию поэт и шоумен Вадим Степанцов. Но женщина в мире рекламы — это все-таки другое. Вовремя не озаботившаяся своим товарным видом, цветом, запахом, она мгновенно становится лузером с поросятами в подмышках (Rexona).

В подобных роликах преобладает самовлюбленный индивид. Здесь женщины и мужчины просто обожают свое тело — «любимые

пяточки», увлажненную кожу, гладко выбритые ноги, волосы без перхоти. Романтические слоганы и сентиментальные мотивы массового кино «иронически» трансформируются в этом бесконфликтном мире любви к себе. В рекламе чипсов голос за кадром призывает «делиться чем-то хорошим», а герой клипа, разыгрывающий со своей подругой знаменитую сцену из фильма «Титаник», вдруг выпускает девушку из рук, чтобы отправить в рот лакомство, и красотка летит в бездну с эстакады супермаркета. Часто партнер — величина вообще второстепенная. Поэтому рядом с женщиной/мужчиной может отсутствовать визуальное изображение существ противоположного пола. Особенно это касается образов женщин. Экспертную оценку женскому совершенству нередко выносят другие женщины, их восхищенно-завистливый взгляд. Так закрепляется давний культурный стереотип — тема женской конкуренции. Охотницы из рекламы мужских гелей для душа готовы растоптать друг друга в погоне за мужчиной. Стоит ли говорить, что реклама представляет нам вечно молодое тело и это особенно бросается в глаза, когда продвигаются средства от старения, с помощью которых матроны в годах выглядят старлетками. Кстати, в рекламе средств от импотенции чаще встречаются седовласые мужики средних лет.

Любовные отношения между гламурными индивидами в рекламе этого типа часто изображаются как внезапная страсть, накрывающая героев в самых «неожиданных» местах (прежде всего, конечно, в лифте!), как в рекламе жевательной резинки Eclipse.

Семья здесь фигурирует редко, а если и появляется, то преподносится как атрибут успеха, мужского или женского. Женщине в такой семье важно не испортить свой «товарный вид», сэкономить время, чтобы заняться собой. Есть у нее и «маленькие секреты», позволяющие манипулировать мужчиной, создавая у него иллюзию женской мудрости и практичности (реклама пищевых концентратов и моющих средств). Впрочем, этот вид рекламы можно отнести и ко второму типу, который с некоторой натяжкой можно было бы назвать альтернативой первому.

Второй тип рекламных образов воспроизводит гендерные стереотипы зрелого советского застоя и эксплуатирует мотивы семьи. Если образы мужчин и женщин «гламурной» рекламы космополитичны, порхают, подобно мотылькам в мире глобального потребления, то

типажи этого типа отсылают к «традиции», устойчивости и устоям, связи времен и поколений. Здесь появляется небогатая, но с достатком, так называемая расширенная семья, состоящая из пап, мам, дедушек, бабушек, детей и племянников. Обстановка также намекает на единение: совместное застолье с шутками и плясками, семейный отдых на шести сотках. Здесь новое органически вливается в старое: пенсионеру, отправляющемуся вместе с внуками на дачу в стареньком, но опрятном автомобиле советского производства, продвинутая мама детишек сует обогащенный витаминами йогурт. Пафосом подобной рекламы является «демократизм», трактуемый как простонародность. Здесь продвигаются товары, предназначенные не столько для тела и удовлетворения амбиций, сколько для здоровья, и выгодные по цене. Глянцевое совершенство персонажей отсутствует. Мы видим здесь ностальгические типажи, хорошо знакомые по любимым советским комедиям и мелодрамам: обычные фигуры, рядовые профессии, повседневную одежду.

«Ностальгическая» (поименуем ее так для удобства) реклама часто использует юмор, который, собственно, и заключается в показе некоторого несовершенства и наивности персонажей, их «лоховства» — юмор, балансирующий между умилением и хамством. В рекламе кредитной карточки банка «Русский стандарт» изображается сентиментально-идиотическая сцена, в которой толстая кассирша супермаркета кокетничает с клиентом — низкорослым, провинциального вида парнем, который и сам охмуряет ее, предъявляя свою карточку с «низким процентом», как бы оправдывающим его внешнюю мужскую непрезентабельность. Как пелось в одной советской песне: «Не могут все на свете быть красивыми, но счастье почему-то красит всех!»

Наконец, *третий тип* гендерных образов в рекламе воспроизводит городскую молодежную культуру. Главное здесь — друзья, шумная компания, где стерты гендерные различия: прикольная одежда, пирсинг, татуировки, развлечения — все это является общим для парней и девчонок. Собственно, и продвигаются в этом рекламном продукте молодежно-досуговые товары — жевательные резинки, шоколадки, сотовые операторы, пиво. Сексуальные моменты подаются как игра детей во взрослые игры. Футболиста Рональдиньо хорошенькая девушка обучает фразе «Я люблю». Он, немного смущаясь, несколько раз прилежно повторяет волнующие слова. Но все это не всерьез, шутка, поскольку

любить следует чипсы Laus, «белые грибы со сметаной». Инфантильный гендер подобной рекламы не ведает иного жизненного пространства, кроме вечного праздника и вечного прикола, здесь нет даже и намека на проблемы, связанные с возможным (да возможно ли оно?) взрослением, предстоящим жизненным выбором, ответственностью.

Подведем некоторые итоги: *самовлюбленный индивид* с атрибутами успеха, среди которых мужское/женское внимание и возможность им манипулировать, *постсоветская семья* с бабушками, дедушками, детьми, папами и мамами, изображаемая с некоторой иронией, *молодежь как круг друзей*, компания. Все типы рекламных образов более или менее гендерно симметричны: гламурной стервозе соответствует успешный и ухоженный мужчина; папуля-лох сочетается с мамулей-клушей, чуваку в пирсинге сопутствует экстравагантная чувиха. У женщин, правда, чуть больше возможностей (и, само собой, больше обязанностей), так как им приписываются либо значительные телесные ресурсы, либо семейный авторитет, а в «молодежной» рекламе — эротическая инициатива. Если говорить о гендерных образах рекламы в целом, то здесь наблюдается тенденция к символическому доминированию женщин. Проще говоря, женских образов больше, чем мужских, они ярче и заметнее. Это свойственно европейской культуре, где именно женщина выполняет символическую функцию награды достойному мужчине. Именно поэтому в женском образе больше объектности, вещности (по сравнению с образом мужчины). Поэтому ее легко представить как объект заботы, контроля, а ее тело изобразить как товар и капитал. Никто не оспаривает правомерность работы рекламы со стереотипами, в конце концов, и литература, и искусство, особенно массовое, тоже основываются на них. Но стереотипы подвижны, а гендерные отношения в российской культуре и вовсе представлены весьма сложными типажам. Здесь часто встречаются самоотверженные самостоятельные девушки, активистки, бросающие вызов общественному мнению, слабые, но духовные мужчины, бесшабашные авантюристы...

Конечно, в рекламе, циркулирующей в российском медийном пространстве, встречаются и другие образы женщин и мужчин. Приведем некоторые примеры, в которых интересно именно некоторое отклонение от названных выше типов.

Гендер как «культурный пол» может быть представлен в сфере профессиональной деятельности. Мужчины и женщины изобра-

жаются в рекламе в роли экспертов, вне всякого эротического или даже семейного контекста. Здесь часто проводится идея равных возможностей: *он* компетентный стоматолог, а *она* авторитетный дантист. Перед угрозой кариеса, в заботе о здоровье клиента гендерные различия стираются. Однако мужчинам в качестве профессиональных экспертов все же отдается предпочтение: они часто предстают даже в роли поваров, уборщиков, специалистов по бытовой технике, то есть придают вес этим традиционно женским в российском контексте занятиям.

Все чаще эксплуатируется образ компетентной матери, матери-эксперта, которая по-научному, грамотно заботится о здоровье детей, предлагая им только самое полезное, богатое витаминами и защищающее от микробов. Роль матери здесь не случайна, так как мать — хотя она и выглядит весьма привлекательно — означает в данном случае власть и авторитет. Так что за гендерной продвинутостью маячит вполне традиционная для советского контекста роль женщины (как государственного агента, выращивающего достойных граждан), но уже с опорой на достижения современной цивилизации. Не случайно рядом с компетентной матерью появляется детский сад, шумный двор, наполненный резвящимися детьми, многодетная семья. Идеологический подтекст такой рекламы довольно прозрачен.

Образы представителей старшего поколения — дедушек и бабушек — порой базируются на инфантильных архетипах, воплощающих непосредственно детские фантазии потребителей. Молочную продукцию «Домик в деревне» рекламирует «ничья бабушка» — по-немецки одетая фрау, неизвестно как оказавшаяся в селе. Ей соответствует «Веселый молочник». Перед нами — персонажи западноевропейских сказок. У них нет истории, бытовых или географических привязок. Идет работа с чистыми культурными архетипами.

В рекламе пива продвигаются образы мужского братства. От продвинутых и успешных профессионалов — жителей мегаполисов, открещивающихся от стерв-манипулянтков, до brutальных советских мужиков без баб. Кажущаяся некорректность представляется некой реакцией на засилье сексуализированной и манипулятивной женственности в глазах потребителей. Хотя встречаются и смешанные компании, где важна идея гендерного равенства в потреблении. В рекламе пива «Три медведя» мужская компания приглашает в свой круг «Машенок». В роли-

ке Нескафе проводится редкая для российской рекламы идея женской дружбы без мужчин, как бы параллельная мужскому пивному сообществу. Продукт становится «еще одним поводом для встречи с подругами».

Наконец, в гламурной рекламе средств «заботы о себе» стало появляться нестандартное женское тело. Полная и здоровая девушка с упитанными бедрами и мощными плечами демонстрирует «мерцающую кожу» — результат средства для загара. Такой бодрый «реализм» можно приветствовать хотя бы за мысль о разнообразии тел возможных потребителей и за признание этого разнообразия нормальным, даже красивым.

Однако в целом гендерное напряжение, реально существующее в нашем обществе, рекламе неинтересно. Она довольствуется житейской максимой: мужик есть мужик, а баба есть баба. Конфликты — не внутри мира, конструируемого рекламой, а в связи с ее восприятием потребителями — могут возникнуть только на базе вопиющей гендерной дискриминации. Так, в уже снятой с эфира рекламе средства «Линор» женщине на работе предписывалось думать только о жесткости белья, а в рекламе компании Рексона — о дурно пахнущих российских женщинах. Реальные же гендерные проблемы практически не обыгрываются. А ведь бывают в жизни женщин/мужчин «кризисные» ситуации, и вполне можно показать, как они могут быть корректно разрешены. Так было в столь возмущившей российское мужское сообщество рекламе прокладок, где девушки выручали друг друга в трудной ситуации, или в рекламе пива, где молодая женщина работала художником по металлу и жаждала оставаться собой.

Впрочем, давать советы — неблагодарное дело. Хотелось лишь напомнить, что рекламные образы возвращаются в жизнь, влияют на наши предпочтения, определяют жизненные сценарии. Конечно, рекламные слоганы цитируются как шутка, прикол. Но не упустим ли мы момента, когда этот прикол приобретет статус истины и основного ориентира в гендерных отношениях?

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРА: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Теперь попытаемся привести примеры образов и произведений, репрезентирующих иные, отличные от мейнстрима модели гендерных отношений. Эти модели предлагаются не только так называемым высоким, но

и популярным искусством и свидетельствуют о стремлении создателей и потребителей художественной продукции преодолеть сложившиеся уже в современной российской культуре стереотипы мужественности и женственности.

Нелегкая участь современного мужчины

Альтернативные модели репрезентации гендерных отношений в современной российской культуре довольно часто связаны с созданием нового образа мужчины.

Классическая русская литература создала множество образов «слабых мужчин», которые всецело были поглощены проблемами личного самоопределения (так называемые лишние люди — Онегин, Печорин, персонажи Тургенева), сторонились семейной жизни и не могли сделать счастливыми влюбленных в них прекрасных женщин. Воспитание детей этих героев тоже практически не заботило. О семейных ценностях задумывались разве что герои Л.Н.Толстого. В советской культуре мужчина изображался как слуга партии и государства. Если он и воспитывал молодое поколение, то это происходило, как правило, в общественной жизни, например на производстве. В рассмотренных выше образцах мужественности в телесериалах или массовых романах мужчина предстает либо как brutальный боец с социальным злом, либо как прирученный «женским миром» мелодрамы любовник и муж. Возникает вопрос: а может ли современный мужчина играть какую-то самостоятельную роль в семье? Речь при этом идет о его нравственных качествах, а не о часто изображаемой функции кормильца и добытчика. Ответ на этот вопрос можно найти в некоторых произведениях, созданных в последнее время, например в кинокартинах режиссера А.Звягинцева «Возвращение» (2003) и «Изгнание» (2007). Оба фильма имели большой общественный резонанс, в том числе и с точки зрения поднятых в них гендерных проблем.

Важно, что семья представлена у А.Звягинцева не как область частной жизни, а как своеобразная опора гуманистических ценностей, и ответственность за сохранение этих ценностей возлагается на мужчину. Мужчина здесь воплощает властное начало. Это для Звягинцева аксиома. Проблема заключается в самом характере этой власти, в ее цене.

Оба кинофильма — своеобразные притчи, в которых приглушена бытовая и историческая конкретика. Особенно это бросается в глаза в «Изгнании», где персонажи наделены интернациональными именами (Алекс, Марк, Вера). Притчевая эстетика как раз и свидетельствует о тяготении создателей фильма к эссенциалистскому пониманию мужественности и женственности, то есть к изображению гендерных ролей как изначально заданных, как предназначения и судьбы. Проблема заключается в том, что современный человек, прежде всего мужчина, от этого своего предназначения отстывает, или ему требуются дополнительные усилия, чтобы понять свою гендерную миссию. Женщина у А. Звягинцева показана женой и матерью, существом, зависимым от мужского решения. Все, что она может, — это спровоцировать мужчину на выбор между добром и злом. Такую роль женщины в фильме «Изгнание» отметила одна из участниц интернет-форума:

«Помимо всех прочих, привлекла внимание последняя сцена фильма. Женщины, убирающие поле, машут вилами, поют себе, ни о чем таком не думают, тут же и детей растят — как бы в пику Вере, думающей женщине (героине фильма, которая сообщила мужу о своей беременности от другого мужчины, чтобы как раз спровоцировать мужа на ответственный поступок. — И.С.). Знай живи себе, да детей расти. Не твое это дело думать. От этого беды одни» (<http://www.kino.ru/forum.php?id=3312> 3 января 2008).

Главную мужскую роль в обоих фильмах А.Звягинцева исполняет Константин Лавроненко, ставший в российском кинематографе 2000-х годов воплощением благородной и в силу этого обреченной на страдание и одиночество мужественности. В его экранном облике главным оказывается взгляд, исполненный раздумья и скрытой боли, таящий способность к самоотверженной любви. Этот имидж проявляется даже тогда, когда Лавроненко играет сюжетно отрицательного персонажа в популярном сериале «Ликвидация». Образ вражеского диверсанта, созданный актером, неоднозначен, ибо он не только бандит, но и самоотверженный и нежный любовник. Иными словами, персонажи Лавроненко репрезентируют сложную эмоциональную жизнь мужчины, чего нашей культуре давно не хватало.

В фильме «Изгнание» рядом с Алексом, персонажем Лавроненко, появляется его старший брат Марк (А.Балуев). Именно

Марк, узнав о беременности Веры, жены Алекса, практически не обсуждая сложности и моральной неоднозначности ситуации, волевым решением организует аборт, от которого молодая женщина умирает. Для Марка более значимы внешние признаки репутации семьи, а не нравственная и даже религиозная — картина полна христианских ассоциаций — проблематика. За то, что Марк предпочел не сочувствие и понимание, а жестокий закон силы, его ждет расплата: он умирает в одиночестве от сердечного приступа, проклинаясь собственным братом. По мнению А.Звягинцева, свою традиционную роль «мужа», опекающего женщин, и «отца», проводящего инициацию сыновей («Возвращение»), которая призвана превратить мальчиков, пребывающих в младенческой беззаботности возле матерей, в мужчин, может выполнить только эмоционально богатый, способный к самоотверженности и самоотречению мужчина. Мужской мир держится на любви и сочувствии слабым, а не на одной лишь силе и агрессии. Режиссер как бы призывает современных мужчин к «возвращению» домой, в семью. Роль воспитателя сыновей, мужа рассматривается им как истинное предназначение мужчины, и за выполнение этой роли нередко приходится платить трагическую цену.

При кажущейся традиционности мужских образов в фильмах А.Звягинцева они представляются новыми из-за своей внутренней противоречивости, проблемности. Именно на мужчину, а не на женщину создатель фильмов возлагает ответственность за сохранение гуманистических ценностей. Женщины у Звягинцева явно не в состоянии нести на своих плечах груз воспитания детей, не способны превратить мальчиков в мужчин. Они, слабые и беззащитные, как бы призывают мужчин вернуться к своей архетипической, древней, изначальной культурной роли нравственного авторитета.

Мужчина-неудачник

В массмедийной культурной продукции активно продвигается образ успешного мужчины: физически сильный, профессионально состоявшийся, материально независимый. Бизнесмен, силовик, успешный журналист или высокооплачиваемый менеджер. В таких мужских образах главным оказывается их социальный статус. Стоит ли говорить, что очень многие реальные мужчины этому стандарту не соответствуют и

потому представляются неудачниками. Образы таких «неудачников» все чаще привлекают внимание современных авторов. В ряде произведений подвергнуты сомнению сами критерии мужской состоятельности, тиражируемые массовой культурой. Образ мужчины в таких произведениях строится на противопоставлении социальной неуспешности и богатого внутреннего мира героя. Можно сказать, что такая модель мужественности традиционна для русской культуры, которую практически не интересуют самодостаточные хозяева жизни. Многочисленные купцы и промышленники М.Горького страдают от потери человеческого контакта с окружающими, чувствуют себя несчастными.

Знаком внешней «неуспешности» мужского героя может быть его откровенно «немужская», если руководствоваться стереотипами, профессия, например работника среднего образования. Рассмотрим два романа популярного «серьезного» (то есть творящего вне жанрового стандарта массовой литературной продукции) прозаика Алексея Иванова «Географ глобус пропил» и «Блуда и МУДО».

Герой первого произведения, созданного еще в начале 1990-х годов, — откровенный неудачник: живет в маленьком провинциальном городе, окончил университет, но, чтобы заработать на жизнь, устраивается на первую подвернувшуюся работу — учителем географии (значима «второстепенность» предмета) в ближайшую к дому среднюю школу. Ко всему прочему у героя еще и нелады с женой, за которой начинает ухаживать его бывший школьный приятель, пусть мелкий, но все-таки бизнесмен. Да и фамилия учителя как бы говоряще-незначительная — Служкин. Ученики относятся к новому географу совершенно несерьезно, отчасти потому, что он, хотя и «мужик», выполняет непрестижную и низкооплачиваемую работу, но Служкин все же находит в педагогической деятельности свое призвание. Этот сюжет вполне бы годился для советской литературы, где проводилась мысль о почетности и важности любой профессии, если бы не методы учителя географии. Служкин несколько не стремится укрепить свой авторитет, а, напротив, устанавливает с учениками приятельские, даже панибратские отношения: выпивает с ними, откровенно рассказывает о своей личной жизни, дает затрещины, влюбляется в ученицу. Как педагог, он действует на грани профессионально допустимого, за что героя и выгоняют из школы. Но эта странная педагогическая «стратегия» приносит парадоксальные плоды: ученики Служкина

на глазах взрослеют и оказываются способными на ответственные поступки. Служкин не желает играть по законам «успешных и правильных» мужчин. Он постоянно нарушает нормы и стереотипы, ради пробуждения личности подростков жертвуя репутацией правильного наставника.

В романе «Блуда и МУДО» (МУДО — «муниципальное учреждение дополнительного образования», проще говоря, Дом пионеров и школьников) педагог без специальной профессиональной подготовки Моржов оказывается в особом женском коллективе (почти все преподавательницы — одинокие женщины, самостоятельно воспитывающие детей). Здесь он реализует собственный проект по защите МУДО — единственного возможного места работы многих педагогов и места досуга немногочисленных, но все же реально существующих подростков — от захвата коммерческими структурами. И снова с формальной точки зрения герой поступает неправильно: чтобы МУДО не закрыли, он придумывает идею с «мертвыми душами», составляя списки мнимых членов кружков и секций, а чтобы преподавательницы не унывали, Моржов одаривает их обильными мужскими ласками, восполняя их социальную маргинальность женской востребованностью. Так герой А.Иванова становится творцом социально-сексуальной утопии во имя спасения тех, кто сам себе помочь не в состоянии.

В обоих романах мужественность героя реализуется парадоксально, а именно в том, что он нарушает правила, расшатывает вертикаль иерархических отношений мужского сообщества. В финале Моржов отказывается от лавров победителя, как бы устраняясь из мира, созданного им для других: для детей и беззащитных женщин (женщины-начальницы у Иванова либо играют по жестким правилам, либо являются марионетками корыстных чиновников-мужчин).

Приведенные примеры разрушают укоренившиеся в сознании многих людей представления о мужественности, подрывают гендерные стереотипы, сформировавшиеся уже в новейшей российской культуре.

Игра в гендер

Критика потребительских моделей мужественности и женственности заметна в современной поп-музыке, исполняемой женщинами (Земфира, Мара, Butch, Д.Арбенина, С.Сурганова). В последнее

время стали появляться публикации, в которых творчество этих авторов рассматривается как выражение лесбийской субкультуры (Новое литературное обозрение. 2007. № 88), хотя большинство исполнительниц в своих интервью отказываются от такой идентичности.

Следует заметить, что современная популярная культура (речь идет прежде всего о ее массмедийном секторе — телевидении, рекламе, музыке) довольно часто балансирует на границах гендерных ролей и идентичностей, обращаясь к гомосексуальной тематике. Можно, пожалуй, говорить о некой гендерно-гламурной фронде по отношению к консервативно настроенному обществу. В очень популярных передачах «Comedy Club» и «Наша Russia» шутки на гомосексуальные темы звучат регулярно. Отрицание певицами лесбийской идентичности выражает и стремление дистанцироваться от гламура, и неприязнь к медийным ярлыкам, ограничивающим смысл их творчества.

В творчестве названных исполнительниц имеет место своеобразная игра с гендерными ролями. Тот персонаж, от лица которого исполняется песня, а также его адресат, гендерно не маркированы. Проще говоря, не всегда ясно, от чьего лица — ЕЕ или ЕГО — поется песня и к кому она обращена — К НЕМУ или К НЕЙ. В текстах появляется особое МЫ. Два человека ищут эмоциональный контакт друг с другом на основании общего опыта переживания, как, например, в песне Земфиры «Кто»:

Сколько уже прошло?
Сколько еще пройдет?
Мне без тебя тяжело.
Просто давай дружить,
В губы давай дружить,
Я буду твоим НЛО.
Кто показал тебе звезды утра?
Кто научил тебя видеть ночью?
Кто, если не я?
Я, я всегда буду за тобой,
Я, я всегда буду за тебя,
Нет, не отпущу.

Предмету любви, будь то ОН или ОНА, не предъявляется некий список духовных или имиджевых требований, напротив, лирический герой/героиня озабочены тем, что он/она может сделать для другого:

я ворвалась в твою жизнь, и ты обалдела.

я захотела любви, ты же не захотела.

может, я че не то говорю, ты послушай,

послушай:

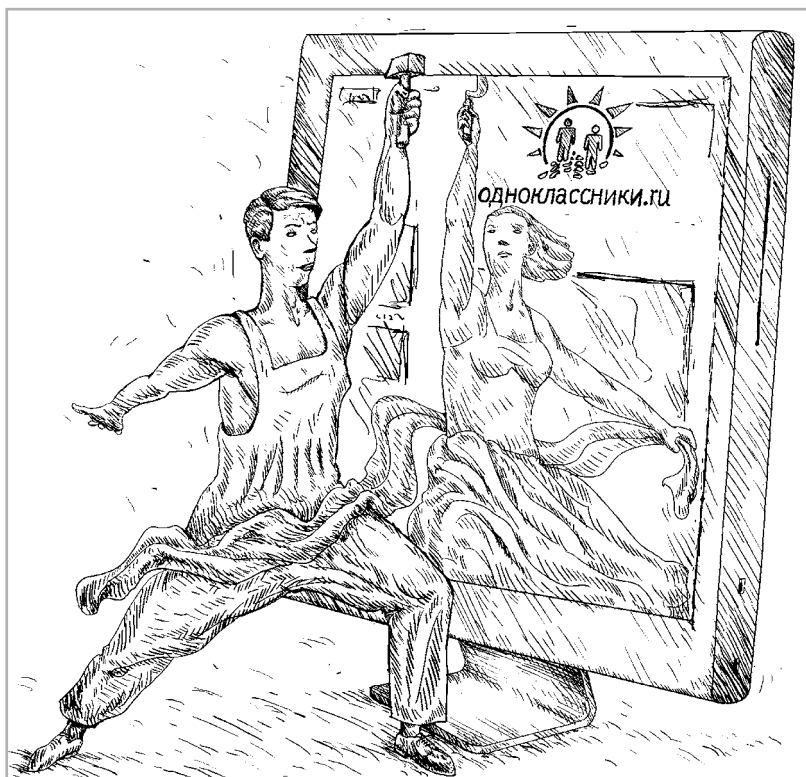
я же дарю тебе звезду, подари свою душу.

напряги ж свои уши...

Земфира. «Снег»

Предложенный обзор гендерных образов современной российской культуры, разумеется, не является исчерпывающим. Нам было важно, с одной стороны, показать, как формируются стереотипы в изображении женщин и мужчин, а с другой — продемонстрировать возможность критики этих стереотипов, возможность поиска иных моделей гендерной идентичности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Зачем гендер нужен «чайникам»?

Эта книга — не учебник и не политический манифест, но она написана, исходя из определенных убеждений, разделяемых всеми авторами. Убеждения эти состоят в том, что биологические, психологические, социальные, религиозные и какие угодно другие различия между людьми не должны приводить к их неравенству — в том числе и к неравенству по гендерному признаку. Мы убеждены также в том, что каждый мужчина и каждая женщина не обязаны подчинять свои представления о мужественности и женственности ни традициям, ни политическим предписаниям, ни сложившимся стереотипам. Тем более, что все эти предписания довольно противоречивы, а многие из них базируются на устаревшем или просто недостоверном знании.

Консервативное мышление является естественной реакцией на стремительные изменения, которые произошли за последние несколько десятков лет, глубоко затронув семейные отношения, сексуальность, допустимые для обоих полов модели поведения. Но, несмотря на то, что эти изменения вызвали к жизни новые, неизвестные ранее проблемы, «отменить» их и вернуться назад, тем более в глубь веков к «Домострою», просто невозможно, даже если кому-то эта перспектива и кажется привлекательной. В гармонизации гендерных отношений, наверное, заинтересованы все — государство, граждане, идеологи, священнослужители, вот только гармония эта может им представляться по-разному. Понято одно — «этот фарш уже не прокрутить обратно». В начале третьего тысячелетия гендерные отношения не могут быть такими, какими они были сто или даже пятьдесят лет назад, и массовое

превращение женщин в послушных домохозяек реалистично в той же степени, что и возвращение крепостного права.

Современное общество — общество риска, и ощущение нестабильности часто порождает социальную обеспокоенность тем или иным явлением, вызывает так называемые моральные паники. Особенно много моральных паник возникает в связи с гендерными вопросами: падением рождаемости, изменением форм семейной жизни, непривычными формами сексуальности. Никто не говорит, что любые изменения надо приветствовать, но паника — плохой советчик, она никак не помогает решить проблему.

Для того чтобы «вылечить», в частности, демографическую ситуацию, нужно проводить умную политику, опирающуюся на реальные характеристики современных мужчин и женщин и учитывающую их подлинные стремления и потребности, а не апеллировать к чувствам гипотетических граждан — таких, какими бы их хотели видеть идеологи и политики. Только тогда можно рассчитывать на успех.

Мы будем рады, если изложенные в сборнике мысли оказались интересными для вас и помогли разобраться в непростом «гендерном ландшафте» нашего времени. Если книга оказалась нужной, как и предыдущая, она не будет последней...

СОДЕРЖАНИЕ

- 7** Введение:
Зачем нужен второй «Гендер для «чайников»?
Ирина Тартаковская
- 25** Ушел ли в прошлое патриархат?
Специфическая власть «слабого пола»
Елена Здравомыслова, Анна Темкина
- 43** Различать, не ущемляя:
Место женщины в истории
Наталья Пушкарева
- 65** Естественное движение населения:
Слишком мало рождаем или слишком рано умираем?
Алексей Беляниц, Ольга Исунова
- 89** Семья с гендерной точки зрения:
Тихая заводь, поле битвы или коммерческий проект?
Елена Жидкова, Елена Здравомыслова
- 113** Материнство и отцовство:
Социологический очерк
Ольга Исунова, Игорь Кон
- 137** Homo Sexualis и современность:
Закончилась ли сексуальная революция?
Игорь Кон, Анна Темкина
- 163** Миссия — невыполнима?
Политика и гендерное равенство
Людмила Попкова, Алексей Козлов
- 189** Гендерные отношения и Русская православная церковь
в современной России:
«Домострой», благочестивый гламур и биоэтика
Николай Митрохин
- 215** Гендерные тренды современной российской культуры:
Тургеневские женщины носят Прада!
Ирина Саморукова
- 243** Вместо послесловия:
Зачем гендер нужен «чайникам»?
Ирина Тартаковская

ГЕНДЕР ДЛЯ «ЧАЙНИКОВ» -2

Редактор Л.С.Еремина
Оформление А.А.Кулаков
Корректор Л.В.Петрова

Подписано в печать 07.07.2009.
Формат 84х108/32
Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16
Тираж 2000 экз.
Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов ООО «Информполиграф»

Просветительско-издательский центр «Звенья»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12